

КОСТЁР

4 АПРЕЛЬ 1977

22 апреля — день рождения В. И. Ленина

ВЕРЮ

Петрусь БРОВКА

Вновь углублюсь — за ним, по следу —
И в каждый край,
И в каждый том...
Опять в Поронино приеду,
В тот пахнувший смолою дом.
И мне почудится с порога
Живых речей и страсть и суть,
Что вот
Еще совсем немного —
И мир бесправный всколыхнуть
Пора настанет!
... В свете ровном —
Тех слов, тех мыслей торжество.
Я прикасаюсь к желтым бревнам,
Взаправду слышавшим его.
Гудит толпа...
Здесь — не чужие,
Здесь пламя братства зажжено,
И с польской здравицей
«Нех · жие!»
Мой стих сливается в одно.
И тяга к Ленину здесь та же, —
И верю я, что в свой черед
К тем землям,
Где он не был даже,
Он все равно еще придет.

Перевод с белорусского
В. КОРЧАГИНА

КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ

1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костер“, 1977 г.

ТЫ ЖИВЕШЬ

Мирсаид МИРШАКАР

Я оттуда, где на крыше мира
Знамя Ильича водружено.
Каждое селение Памира
Лампой Ильича озарено.

Посмотри: к тебе стремится, Ленин,
Радости народной океан.
Ты живешь — поэтому нетленен
Мой цветущий край Таджикистан.

Ты живешь — поэтому таджики
Видят счастья своего расцвет.
Ты живешь — поэтому великий
Нам сияет коммунизма свет.

Перевод с таджикского
С. ЛИПКИНА

ЛЕНИН С НАМИ

Никита САХАРОВ

В чашах жили северяне —
Старожилы.
Зверя били северяне,
Бедно жили.

Возле рек живых и хмурых
Жили старожилы
И напевы зимней бури
В песни положили.

А как ленинское солнце
Землю обогрело —
Песни наши стали звонче,
Веселее дело.

В нашей песне будет Ленин
Славиться веками.
Вечно с нами будет Ленин,
Ленин всюду с нами!

Перевод с эвенкийского
А. ОЛЬХОНА

Рисунки Т. Соловьевой

ЛЕНИН

Гамзат ЦАДАСА

Кто сказал, что Ленина нет?
Слуху ложному вопреки
Всюду — ленинской мысли свет,
След рабочей его кирки.

Ленин жив, никуда не ушел,
Он — в размахе больших работ.
Как стремящийся ввысь орел,
Он в дерзаньях наших живет.

Большелобая голова
И прищуренный зоркий взгляд.
Огневые его слова
Беспощадно врагов разят.

Весь он — словно в горах река,
Весь — кипение, весь — полет.
Вдаль протянутая рука
Путь указывает, зовет.

Славят Ленина все уста
На наречиях всех широт.
А святая его правота
В миллионах сердец живет.

Перевод с аварского
Я. ХЕЛЕМСКОГО

ЗВЕЗДЫ ИЗ ДЕТСТВА

ГЛАВЫ
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ
«СТАРТ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ»

Виктор ШУРЛЫГИН

Ю. А. Гагарин
с дочерьми
Галей и Леной

Самолет с большими красными звездами, неровно покачиваясь, пронесся над самой крышей и скрылся за околицей. За ним, чуть повыше, прошел второй. Юра, схватив старую фуфайку, стремглав выскочил на улицу. Издалека увидел: первый самолет стоит на поле, а другой, тоже со звездами, идет на посадку.

— Дядя, вы ранены, дядя? — Юра подбежал к подбитому самолету.

— Это пройдет, сынок, — устало улыбнулся летчик. — Помоги-ка мне выбраться.

Мальчик с трудом вскарабкался на крыло изрешеченной пулями машины, попробовал вытащить пилота. Сил не хватало.

— Отдохни, сынок, — оставил его летчик. — Тебя как звать?

— Юра. Гагарин, — чуть не плача от собственной беспомощности, ответил мальчуган.

Рокот мотора заглушил его слова. Второй истребитель, сделав круг над лесочком, плавно приземлился, подрулил к месту вынужденной посадки. Развернув самолет против ветра, летчик осмотрел небо, включил двигатель, легко выпрыгнул из кабины. Вдвоем с

Юрой они вытащили раненого, отнесли на лужайку.

— Полетим на моей машине, — сказал второй летчик первому. — Тебе придется потерпеть.

— Мой «ишачок» надо сжечь.

— Выхода нет, фронт рядом.

Юра слушал их разговор и чувствовал, что вот сейчас, скоро, двое улетят и он, быть может, никогда их больше не увидит.

— Я сейчас, дяденьки, мигом.

Пилот, вышедший невредимым из боя, уже переливал бензин в бак своей машины, когда Юра вернулся. Подойдя к раненому, мальчик положил на траву буханку хлеба, кусок сала, поставил кринку молока.

— Вот, дяденьки, возьмите.

Летчики молча переглянулись, посмотрели на паренька.

— Спасибо, — сказал раненый. — Мы действительно зверски проголодались. Спасибо.

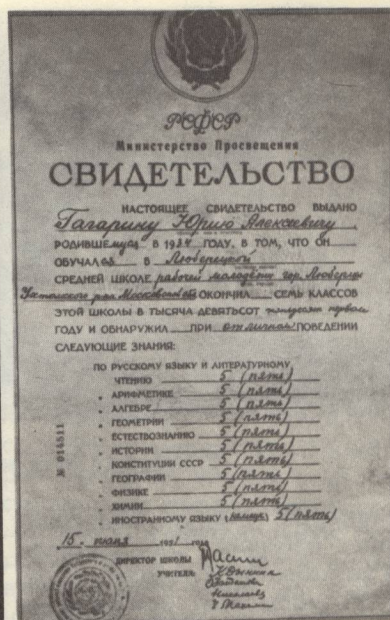
Догорал за деревней Клушино подбитый советский истребитель. А второй, тяжело оторвавшись от зеленого поля, низко уходил в ту сторону, где грохотала канонада. Почти коснувшись верхушек деревьев, машина скрылась за лесом.

Юра смотрел ей вслед, и соленые слезы застилали глаза. Но, словно устыдившись своей слабости, мальчик вытер их рукавом ватника и пошел по пыльной проселочной дороге к своей избе. При свете керосиновой лампы до поздней ночи писал крючочки и палочки, и они получились очень прямые и красивые.

— Молодец, Юра, — похвалила учительница. — У тебя получилось лучше всех. Завтра начнем писать букву «а».

Это была единственная буква, которую первоклассник только-только научился выводить — в сентябре 1941-го в деревню ворвались фашисты.

Трое с автоматами пнули сапожищами дверь гагаринской избы, один схватил Юру за шиворот, толкнул в сени. Крича непонятное «шнель, шнель», они вышвырнули из дома мать, сестру, маленького братишку Борьку. Борька упал и громко заплакал. Причитания матери, Борькины слезы, острая жгучая обида — все слилось воедино. Не помня себя, Юра схватил камень и швырнул в ненавистный мундир. Фриц осклабился, вскинул автомат, но, видимо передумав, аккуратно поднял с земли малень-

Анна Тимофеевна Гагарина
в Доме культуры
Звездного городка

кого Борьку и потащил к яблоне. Юра похолодел. Фашист похлопал ребенка по щекам, не спеша затянул на его шее шарф и, как петлю, перебросил шарф через сук дерева. Борька, крохотный, беспомощный, захрипел, забился, потом как-то обмяк, бессильно опустив ручонки. Мама дико закричала и бросилась к Борьке. У нее был такой страшный вид, что даже Юра испугался.

— Хальт, хальт, — фашист поднял автомат.

Борьку едва спасли. И Юра, прижимая к себе братишку, вдруг отчетливо понял: в их деревню пришла война, большая и страшная. Они ютились теперь в темной землянке в конце огорода, отрезанные от всего мира. Никто в деревне не знал, где фронт. Клушино жило лишь одним словом: Москва. В Москве была Красная площадь. В Москве горели кремлевские звезды. Никто и никогда не погасит этих звезд. Люди верили: из Москвы обязательно будут хорошие известия. И весточку непременно доставит на самолете летчик-истребитель, считал Юра. Иначе как же пробыть, только по воздуху.

И самолет действительно

прилетел и засыпал деревушку хлопьями листовок. Юра поймал две. Одну спрятал под рубашку, другую долго рассматривал, вертел в руках, нашел в тексте знакомую букву «а», очень заволновался, побежал домой — если напечатана самая первая буква алфавита, значит, в листовке непременно что-то важное.

— Гитлеровцев... разбили... под Сталинградом, — прочитала сестра Зоя.

Мама впервые за долгие месяцы широко улыбнулась. «Улّا, улّا!» — радостно захлопав в ладоши, запел Борька. Юра повалил братишку на нары, и они долго боролись — в их землянку пришел праздник, жизнь начинала налаживаться. Потом, когда фашистов погнали туда, откуда они пришли, жизнь наладилась совсем: в старой бане открыли школу, на деревенских улицах застучали топоры, зазвенели песни. Клушино строилось. Дальше за околицей из руин и пепла поднималась и строилась страна. Стране позарез нужны были крепкие рабочие руки, чтобы строить дома, варить сталь, делать станки и трактора.

— Дед твой, Тимофей Матвеевич, знатным путиловцем

был, Юра. Рабочий человек всегда стоит на ногах твердо. Иди в рабочие, сынок, — напутствовала мама.

Строгие анкеты спрессуют потом в несколько строк учебу в ремесленном училище, диплом с отличием, заводские гудки перед утренней сменой, жаркий литейный цех, индустриальный техникум в Саратове... Но ни анкеты, ни время не будут властны над двумя красноточными истребителями, когда-то прилетевшими в мир его военного детства.

РАБОЧИЕ КОСМОСА

— Я — «Заря». Как ты себя чувствуешь, Юра?

— Самочувствие хорошее, Сергей Павлович. Спокоен.

— Хочешь, дам на борт музыки, чтобы повеселее было?

— Да мне и так не скучно, — засмеялся космонавт. — Не беспокойтесь, Сергей Павлович.

— Сейчас, подожди.

Королев отдал распоряжение, полез в карман, достал ампулу с какими-то таблетками, отвернулся, чтобы никто не видел его слабости, незаметно положил таблетку под язык. Главный волновался. Старт подводил итог долгой работы

Счастливого пути желает первому космонавту Земли академик С. П. Королев

инженеров, ученых, конструкторов, рабочих. Они сделали все возможное и невозможное. Теперь космонавт номер один должен завершить их труд, поставить последнюю точку над бессонными ночами, сомнениями, долгими испытаниями.

— Ну как, дали музыку? — Королев снова взял микрофон.

— Дали. Про любовь.

— Про любовь? Молодцы. Про любовь — это толково...

— Как по данным медицины, — спросил Гагарин, — сердце у меня бьется?

— Пульс шестьдесят четыре, дыхание — двадцать четыре. Олимпийское спокойствие.

— Стараясь.

Тяжелый нарастающий грохот накрыл степь. Гигантская ракета, ударив в стартовый ствол смерчем огня, вздрогнула, на какое-то мгновение замерла и, набирая скорость, пошла вверх. Белый, тающий в синеве апрельского дня след потянулся от космодрома к облакам и дальше, где облаков уже не было и где только небо переходило в лимонно-желтый горизонт. У горизонта инверсионный след обрывался.

— Я «Кедр», — сквозь трески помех прорвался в репродукторы голос космонавта: — Сброс главного обтекателя! Вижу Землю!.. Перегрузки растут! Самочувствие отличное!..

— Молодец, Юра. Все идет хорошо.

— Наблюдаю облака над Землей. Мелкие, кучевые, и тени от них. Красиво! Красота — какая! Как слышите?

— Слышим отлично.

В бункере застрекотал телеграфный аппарат, выстукивая одну только цифру — пятерку. Первый измерительный пункт на трассе полета принял ракету и корабль, начал обработку телеметрической информации, чтобы через несколько секунд передать «Восток» следующей станции слежения.

— Пять... пять... пять... — выкрикивал телеграфист, и все смотрели на этого паренька, который раньше других узнавал, что приборы и системы корабля работают отлично, на пятерку.

— Пять... пять... пять... — стучало в висках.

Миллионы лошадиных сил ракеты-носителя, словно миллионы человеческих рук, подняли корабль на орбиту. Первый человек планеты прикоснулся к неизвестному загадочному миру, и, в ту же секунду положив микрофон, Королев бросился к выходу. В проходе его прижали, стали тискать, обнимать. Еще не освободившись от объятий и поздравлений, он нашел глазами шофера, прижатого к самой стене тесного коридора, и они побежали к «Волге» и на огромной скорости понеслись к пункту управления и связи.

— Как на борту? — прямо с порога включился в работу Королев.

— Все нормально, Сергей Павлович, — обернулся один из операторов. — «Восток» пролетает над Африкой. Юрий Алексеевич передал, что чувствует себя хорошо.

В эти напряженные, томи-

тельные минуты ожидания Гагарин, наверное, был самым спокойным человеком на свете. С жгучим любопытством он вошел в новый, нереальный, сказочно прекрасный мир и сразу увидел что-то очень знакомое и родное.

С трудом оторвав взгляд от маняще прекрасного горизонта, Гагарин повернулся к Солнцу и зажмурился. Он ничего не увидел. Только почувствовал какую-то огненно-ослепляющую вспышку и боль в глазах: на Солнце, не прикрытое атмосферой, было больно смотреть даже через светофильтр гермошлема.

И тут же появилось другое: вдруг начало казаться, будто руки, ноги, все тело перестали ему принадлежать, сделались инородными, чужими. Осталось лишь ощущение самого себя. Нематериальное ощущение самого себя без соприкосновения с пространством. Странное состояние. Космонавт поднял руку, и рука осталась в том же положении, которое он ей придал. Рука ничего не весила! Поднял ногу — то же самое. Гагарин испытывал невесомость. Отсутствие гравитации больше не угнетало его, казалось, пилот был создан для пространства, где не существовало веса. Была лишь масса. Закон масс полностью сохранял свою силу в космосе.

— Как самочувствие, «Кедр»? — спросила Земля.

— Просто великолепное, — Гагарин не мог сдержать широкой улыбки. — Координация движений несколько не затруд-

нена. Пожалуй, наоборот. Я вот сейчас делаю записи в журнале. Почерк тот же, что и в обычных условиях. Работается легко, свободно. Только надо блокнот придерживать.

— Вы не забыли, наступило время завтрака! — напомнил голос в динамике.

— Забыл, — чистосердечно признался космонавт. — Столько впечатлений!

Первый человек, стартовавший за пределы Земли, был не только испытателем, но и испытуемым. Проверялись его воля, выдержка, хладнокровие, умение ориентироваться в пространстве, быстро приспосабливаться к новым условиям, умение мыслить четко и ясно. И трели морзянки, на которые, настроив приемник, никто никогда не обращает внимания, были утром 12 апреля самыми необычными трелями, когда-либо звучавшими в эфире. Они впервые лились из Космоса.

Для радиоспециалистов это означало, что с обитаемыми космическими объектами можно устанавливать и телефонную, и телеграфную связь. Для психологов дискант точек и тире решал более глубокий вопрос о взаимодействии человека и автомата, человека и машины. Случись в передаче Гагарина какой-нибудь сбой — и, возможно, космическими кораблями еще долгие годы управляла бы автоматика. Но гагаринские точки и тире звучали весело и звонко, отвечая психологам, что надежность оператора, отстукивающего буквы и цифры, осталась прежней, индивидуальной, стрессовых состояний не наблюдается. Все сомнения окончательно исчезли, когда в репродукторе пропело: «СК, 73, 3, 88». Радист, принимавший передачу, засмеялся:

— Молодец, «Поехали». Настоящий парень!

— Что он такое передал? — насторожились медики.

— СК — на языке радистов означает конец связи. 73 — всего доброго. 3 по 88 — три воздушных поцелуя. Если бы я

принял такой текст из Антарктиды — не удивился бы. А тут человек в космосе про вежливость не забывает. Силен, а, «Поехали»?

Гагарин не слышал этих слов. Он уже готовил корабль к своей ответственной части программы — спуску с орбиты. Не спеша сверил часы под эластичной манжетой скафандра с бортовыми, выключил приемник, защелкал тумблерами. Еще раз проверив свои действия, подтянул привязные ремни, захлопнул забрало гермошлема. Замки глухо щелкнули, прозрачное стекло со светофильтром отгородило его от обжитого и ставшего близким пространства кабины.

— Я «Кедр», — космонавт вышел на последнюю связь с Землей, — к спуску готов.

Он прижался к спинке кресла, влился в него, сосредоточился, отрешившись от всего, что могло помешать окончанию полета. Ему оставалось только ждать. Связь между секундами и минутами порвалась, время слилось в единый поток, и он не знал, сколько прошло мгновений, когда легкая вибрация дрожью пронзила корабль и планетный шар поплыл куда-то вправо и вверх. Тренированное тело пилота слегка напряглось, но осталось недвижимым. Работали одни глаза: взглянул в иллюминатор — на приборную доску. В иллюминатор — на приборную доску. Чуть расширенные зрачки находили нужные стрелки и созвездия, считывая колоссальный поток информации; мозг анализировал ситуацию, готовый при малейшей опасности мгновенно принять единственно правильное решение. Но все шло нормально. Корабль погасил орбитальную скорость и, влекомый извечной силой тяготения, пошел к Земле. За иллюминатором вспыхнуло, отблеск огня ударил в жаропрочные стекла, тело начало наполняться тяжестью. Полвека, полный вес, три веса, пять, семь... — стрелка акселерометра фиксировала почти де-

сятикратную перегрузку. Космонавт весил уже не шестьдесят шесть, а почти семьсот килограммов!

И за бортом гудел, выл, бился шквал огня — тысячеградусное пламя, в котором, как воск, плавится чугун и сталь, слизывало обшивку спускаемого аппарата. В этом крошечном аду, где останавливались даже мысли, голубые глаза, покрасневшие от напряжения, по-прежнему ощупывали стрелки и циферблаты приборов. Человек, вбитый в кресло страшными перегрузками, отметил все: и вертикальную скорость падения аппарата, и убывающее расстояние до Земли, и темный налет на стеклах иллюминаторов, и то, что в кабине по-прежнему оставалось плюс 20 градусов. Это тоже было его работой — выдерживать все, сохранить полное самообладание и все запомнить.

Где-то на шестой минуте перегрузки стали падать. Остались каких-то четыре «ж» — сущий пустяк, он их даже не чувствовал. Хотелось смеяться и петь.

В перекрестке глобуса на «Визире» наплывала с востока Россия. До родных речушек и полей оставалось километров десять. Десять километров оставалось до приземления. Гагарин прижал локти к бокам, сгруппировался, поднял красную скобу в подлокотнике кресла. Глаза застыли на высоте. Когда стрелка подползла к цифре «7», сработала парашютная система. Полет для него закончился.

Навстречу от колхозного стада уже бежали люди и что-то кричали. Слов было не разобрать, да и никакие слова не могли передать неистового сердцебиения этих людей. И когда пилот приземлился, они просто стиснули его в горячих, жарких объятиях, и женщины, как молитву, все повторяли его имя и почему-то безудержно плакали, как плачут, наверное, только в самый счастливый день, обнимая солдат, вернувшихся с войны в день Победы.

ГЛАВНЫЙ ДОКТОР РЕСПУБЛИКИ

Семен ЛАСКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Лаврухина

В три часа ночи кто-то осторожно постучал в двери. Семашко сел на кровати, взял пистолет.

Стук повторился.

Не зажигая света, Семашко прошел в перед-

нюю, встал у дверей. Шума не было. Если это погромщики, то наверняка была бы ругань и крики. Он припал к двери ухом. Кто-то часто дышал. Вроде бы женщина или ребенок.

— В чем дело? — спросил Семашко.

— Николай Александрович, откройте. Это я, Андрейка Кожухов. От дяди Володи.

Продолжение. См. «Костер» № 1 и № 3, 1977 г.

Семашко сразу же снял цепочку. Мальчик переступал с ноги на ногу.

— Что случилось?

— Я спал, — сказал Андрейка. — А дядя Володя меня поднял. Послал с запиской. Я побегал. Он сказал, побыстрее.

Андрейка поискал что-то в карманах, протянул листок.

Семашко развернул бумажку, там был написан какой-то адрес, почерком Кожухова. Только в чем дело? Кто там живет?

— Что-нибудь еще сказал дядя Володя?

Андрейка думал. Наконец, радостное воспоминание отразилось на его лице.

— Он сказал: «Чеши, Андрейка. По дороге проснешься».

...Наденька ходила одетая. Семашко вошел с запиской, виновато ей улыбнулся.

— От Кожухова, — сказал он, делая вид, что не замечает ее встревоженного взгляда. — Просит прийти, а причину не пишет.

— Можно я с тобой?

— Не стоит, Надюша. Всюду погромщики. Если что случится — мне одному будет проще. Оставайся с детьми.

Она отвернулась. Сколько раз были у нее такие тревожные часы! Сидит, ждет. Жив ли — нет, не знает. Как устала она от такой жизни! Но ведь нет другого пути для Семашко.

Она сняла пиджак, помогла ему одеться. Вынула из письменного стола запасную обойму с патронами, подождала, пока Николай Александрович проверит пистолет.

Вышла на крыльцо и постояла, проводила Семашко взглядом.

На улице было тихо. Полная луна плыла над Нижним Новгородом. Улица дышала покоем. Казалось, ничего худого не могло случиться.

Не снимая руки с пистолета, Николай Александрович прошел на Большую Покровку, пересек Благовещенскую площадь. Дальше нужно спуститься к Волге, направо — Речная.

Он услышал чьи-то шаги, прижался к стене. Кто это? Свой? Или те, из черной сотни?

Он, наконец, их увидел. Один хромал. Шел, будто бы выкидывал ногу. Семашко тут же узнал — Котов. Член партийного комитета, замечательный смелый парень.

Рядом с ним — Кожухов.

Семашко отступил от стены. В руках мелькнула сталь пистолетов.

— Свои, — сказал Семашко. — Что случилось?

Котов вздохнул, не ответил. Кожухов пожал плечами, мол, сейчас все поймете.

...На Речной пахло дымом. Легкий тополинный пух плыл над ними, садился на плечи.

Семашко снял пушинку, прилипшую к лицу, и вдруг увидел, что это пух перьевой, будто бы здесь кто-то вытряхнул подушки.

Теперь он заметил и другое: в нескольких домах разбиты стекла, распахнуты двери, помяты цветы за забором.

— Сюда, — позвал Кожухов, отводя в сторону качающуюся на петле калитку.

Чиркнул спичку, поднял ее повыше, подождал Семашко.

В сенях засветили лампу. Дверь в комнаты была открыта. Вошли.

У стены лежал мертвый мальчик.

Ком горечи и боли подкатился к горлу. Семашко застонал. Он узнал Мишу Лаевского.

Городской партийный комитет назначил похороны на воскресенье.

Гроб решили пронести через весь город, потом колонной идти в Канавино на кладбище.

Квартира Семашко в эти дни стала штабом. Здесь собирались боевики, получали оружие, обсуждали план действий.

Было решено провести демонстрацию мирно, не вступать в драку с полицией.

От дома Лаевских двинулись к Благовещенской площади. Впереди траурные знамена. На транспарантах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!». Колонна небольшая — человек сто. В хвосте — для порядка — казаки.

Пока добрались до Благовещенской площади, колонна выросла раз в десять.

На кладбище окружили могилу. Гроб с телом Миши Лаевского поставили на землю, на холм поднялся Семашко.

— Товарищи! — крикнул он.

Его голос заставил всех стихнуть.

Есаул вытянулся на стременах, напряг слух.

— Сегодня мы хороним юного революционера Мишу Лаевского. Он, как и его отец, как и его мать, стал жертвой черносотенцев. Но мы не имеем права помнить только об этих убийцах, — Семашко смотрел туда, где стояла сотня. — Сам царь и его правительство — вот кто, пытаясь задержать грядущую революцию, организует погромы.

Есаул стегнул лошадь. Раздалось испуган-

ное ржание, и над головами людей поднялись копыта вздыбленного животного.

— Долой самодержавие! — бросил Семашко.

— Да здравствует революция и свобода!

Есаул стегал и стегал коня. Но тысячная толпа укрыла Семашко.

Пароходы ходили до десяти вечера. Уезжали группами. Николаю Александровичу безопаснее было переночевать у Котова, дома мог быть обыск.

До половины десятого проговорили у Нюши Скачковой, двоюродной сестры Кожухова, а потом в рабочей одежде — фуражка, косоворотка, брюки в сапоги — направились к пристани.

Смеялись, выхватывали из Нюшиной корзины пригоршни малины, похваливали товар, который она несла на лотке — под малиной ждала своего часа самодельная бомба.

— Малинку не оброни, — шутил Котов. — Иначе не только ягодок, но и косточек не собрать будет.

С лестницы, которая тянулась вдоль крепостной стены к Волге, виднелся причал. Посадки еще не объявили — на пристани толпились люди.

— Тихо что-то, — сказал Семашко.

Котов неожиданно отскочил в сторону, — рядом упал булыжник.

Они видели, как из-за крепостного выступа выкатилась пьяная толпа черносотенцев — молодые здоровые купчики с дубинами и ножами.

Рыжий кривобокий детина бежал покачиваясь, потрясая суковатой палкой.

— Бей их, рёба! Бей!

— Бегите! — Котов вытащил пистолет. — Мне бежать труднее. Попробуйте задержать пароход. Я отобьюсь...

Он перескочил вниз на несколько ступенек и встал за угол крепостной стены.

Черносотенцы приближались. Впереди двое в распахнутых рубахах, с ножами, позади — еще человек двадцать.

— Стой! — крикнул Котов. — Буду стрелять!

Он видел их злобные, пьяные лица. Никто не остановился. Он подпустил поближе, чтобы наверняка, чтобы не промазать, и выстрелил.

На пристани никого не осталось. Палуба была пуста. Пассажиры попрятались.

Кожухов кинулся в капитанскую рубку. Рванул дверь и приставил пистолет к виску капитана.

— Пароход отойдет, когда я разрешу, — объявил он.

Отстреливаясь, Котов приближался к пирсу. Крепостная стена кончилась, еще метров сто и он — с ними. И вдруг Котов рухнул. Семашко поглядел вверх и на уступе стены увидел черносотенца — он поднимал новый булыжник.

Семашко выстрелил. Камень вывалился из рук черносотенца; он стал медленно оседать.

— Григория убили, — крикнул Семашко.

Пароход отходил от берега. Ньюша прижалась к плечу Николая Александровича и заплакала.

...А вдоль Волги мчались на выручку своим казаки.

Семашко глядел туда, где сомкнулась над телом Григория расвирепевшая толпа черносотенцев.

Протяжный, как плач, пароходный гудок повис над рекой, — так Кожухов, Семашко и Ньюша прощались со своим другом.

Пароход вышел на середину Волги и пошел в сторону Сормова.

Было безветренно. Слышались плеск воды за бортом да плач ребенка в пассажирском трюме. Большая луна освещала Волгу.

Не доходя Сормова, пароход остановился в лугах. Три человека высадились на берег, скрылись в темноте. Они понимали, что на Сормовской пристани их ожидает наряд полиции.

К ОРУЖИЮ!

Нижний бурлил.

Колонны демонстрантов шли к тюрьме освобождать политических. Пели «Варшавянку»:

*«Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...»*

Прямо у кирпичной стены выбрали представителей для переговоров с тюремным начальством: Семашко, Кожухова, Савельева — слесаря завода Рекшинского.

Раскрылись со скрипом тяжелые тюремные ворота.

Прошли двор. Поднялись по лестнице. Впереди и сзади охрана.

В кабинете начальника трое: жандармский ротмистр, молодой, шеголеватый, в новеньком мундире, и двое армейских — прапорщик и поручик.

— Мое почтение, господа из народа, — сказал ротмистр с явной издевкой. — Чем можем служить?

— У вас под стражей находится Григорий Котов, — сказал Семашко. — Народ требует его выпустить: амнистия была для всех политических.

— Но позвольте! — сказал офицер. — Котов не политический. Котов убийца. Он застрелил троих мирных граждан.

— Эти «мирные», как вы говорите, были вооружены до зубов, и если бы Котов не отстреливался, то черносотенцы растерзали бы нас...

— Значит, — почти обрадовался ротмистр, — вы не отрицаете своего участия в убийствах? — Он повернулся к охране. — Задержите здесь этого господина...

Кожухов сделал шаг вперед, но Семашко сжал ему локоть и сам подошел к окну. Отвел штору.

Напротив на высокой колокольне несколько человек устанавливали пушку. Жерло было повернуто в сторону тюрьмы.

Семашко взглянул на часы:

— Через пятнадцать минут они откроют огонь по вашим окнам, ротмистр.

Начальник снял телефонную трубку и стал нервно крутить ручку звонка.

— Не трудитесь, — предупредил Семашко. — Телефонные провода перерезаны.

Ротмистр молча поглядел на офицеров, словно бы обменялся с ними мнениями.

— Котова выпустите, — приказал он охране. — А этих... выведите из здания.

Он сказал вдогонку:

— Вы же интеллигентный человек, доктор. Дворянин. А с кем якшаетесь.

И прибавил:

— Надеюсь, мы с вами еще встретимся в этих стенах.

Котов решил, что его снова вызывают на допрос. Несколько месяцев он был между жизнью и смертью, лежал в тюремной больнице, а потом, когда стало легче, его привели в камеру-одиночку.

Они прошли мимо бараков, к цейхгаузу. С улицы доносился тревожный шум. Он напоминал гул моря. Котов подумал, что долгая жизнь в одиночке усилила его слух, и этот шум — всего лишь обман.

Ему выдали отобранную при аресте летнюю кепку, пиджак, разорванный в драке, велели переодеться.

На улице был декабрь. Мороз. Но Котов даже не подумал о холоде. Теперь он не сомневался: за кирпичной стеной его ждала толпа. Кто же?

Его снова вели мимо тюремной больницы, мимо карцера. Щелкнул последний замок, протяжно пропели петли.

Он невольно замедлил шаги. Впереди узкий простенок, а там — последняя дверь. Но если за ними «Черная сотня»? Был бы нож, пистолет, бомба, — он бы не сдался. Сегодня последний пир был бы для многих. Только нет ничего. Руки да зубы.

Он распахнул дверь.

Сотни лиц глядели на него.

Его подняли на руки. Он внезапно очутился над головами. Среди развевающихся знамен, транспарантов с лозунгами «Да здравствует революция!», «Свобода народу!».

Слезы текли из глаз, — он, мужчина, ничего не мог с собою поделать, плакал.

Люди в зимних пальто, в ватниках, в овчинных тулупах, в пуховых платках что-то говорили Котову.

И вдруг Котов увидел: через толпу к нему проталкивается его друг Николай Семашко.

Котов шагнул вперед. Толпа расступилась. И друзья обнялись.

9 декабря 1905 г.

ПЕТЕРБУРГ.

МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

СОРМОВЕ НАЧАЛИСЬ БЕСПОРЯДКИ. ГОРОДЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСАДНОЕ. ВВИДУ ПОЛНОГО НЕ-

ДОСТАТКА ВОЙСК ПРЕДЛАГАЮ НЕМЕДЛЕННО ОРГАНИЗОВАТЬ ВООРУЖЕННЫЙ ОТРЯД ПОМОЩЬ ПОЛИЦИИ.

ПРОСИМ ТЕЛЕГРАММОЙ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ОТПУСТИТЬ НЕОБХОДИМОЕ КОЛИЧЕСТВО ВИНТОВОК, ХОДАТАЙСТВУЮ ЭКСТРЕННОМ ОТПУСКЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ОТРЯДА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ. МЕРА ЭТА НЕОБХОДИМА НЕМЕДЛЕННО, ИНАЧЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МОГУТ БЫТЬ ВЕСЬМА ПЕЧАЛЬНЫЕ. КРОМЕ ТОГО ОНА ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ АРЕСТОВАТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ АГИТАТОРОВ. ЧАСТЬ ПОЛИЦИИ СОРМОВА И ГОРОДА УЖЕ ВООРУЖЕНЫ МНОЮ ВИНТОВКАМИ.

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДЕЛА ГУБЕРНАТОРА
БАРОН ФРЕДЕРИКС

Десятого декабря рабочие пришли на завод, как обычно, в половине седьмого. Никто станков не включил. Ждали сигнала.

В восемь утра прерывистый, словно азбука Морзе, заводской гудок заставил всех выйти на площадь.

Из цехов хлынули люди. Лица веселые, возбужденные.

На деревянных наскоро сколоченных трибунах, на штабелях досок — ораторы. Говорят сразу несколько человек, только в разных местах. Народу так много, что не хватает никакого голоса.

Потом колонна демонстрантов выходит на широкую Александро-Невскую улицу. Поют «Марсельезу». И вдруг на перекрестке с Главной неожиданное:

— Р-разой-дись!

Разъезд конной полиции осаживает колонну, заставляет остановиться.

Задние давят. Как волна проносится слух:

— На Главной казаки!

Колонна ломается. По узким улицам разбегаются женщины, у многих на руках дети.

А пули — вжик, вжик!

Человек падает. Пытается подняться. Снова ложится на землю.

— Как же так? — говорит человек шепотом. — Опомнитесь! Как же так?!

Восстание началось!

Около каменной школы рабочие возвели баррикаду.

Оружия мало. Почти нет. На стороне правительства — кавалерия, пушки, регулярная армия.

Семашко слушает донесения дружинников. Пути к отступлению нет и быть не может. Нужно принимать бой.

— Настроение на баррикадах отличное, — докладывает Котов. — Улицу перегородили телеграфными столбами, завалили мешками с песком и камнями. Укрытие надежное. Ночью попробуем заложить фугасы на подступах — пусть сунутся.

Член городского комитета партии Августа

Невзорова — худенькая, быстрая, волевая, с маузером на боку, только что вернулась из разведки.

— На вокзале выгружается воинская часть. Несколько пушек. И не меньше полтыщи солдат.

— Оружие, нам бы оружие! — говорит Семашко. — Каждому хотя бы дробовик и ручные бомбы.

Вдалеке раздаются выстрелы. Еще и еще. Потом короткая напряженная тишина. И снова взрыв.

В первом часу ночи кто-то застонал у двери. Августа Невзорова поднялась и пошла к выходу. В руке — маузер, шаг осторожный, тихий.

Спустилась с лестницы. Приоткрыла дверь. Никого.

Прислушалась.

Нет, все-таки стонет.

Глаза привыкли к темноте. Подождала. Рядом что-то зашевелилось.

Склонилась: мальчик! Глаза расширены, лицо изуродовано. Даже в темноте видны кровоподтеки.

— Ты чей? — не узнала она.

— Коля я, Августа Петровна, брат Вани Савина.

Она прижала мальчика к себе.

— Что с тобой?

— Городовые!

Она бросилась в комнату, позвала своих. Семашко и Котов подняли мальчика. Заштормили окно, засветили лампу.

— Пи-ить... — Вода проливалась в уголках рта.

Семашко осторожно снял рубаху, обмыл раны. Судя по всему, ребра были сломаны.

— Потерпи, — говорил он, — потерпи, Коля...

Принесли тулуп, прикрыли ноги. Мальчишку знобило.

— Они окружили наш дом, — рассказывал мальчик, — пулями изрешетили, некоторые бревна в щепки разнесли... Я думал, Ваня стрелять будет или бомбу в них бросит, а там тишина... — он застонал и замолчал надолго. — Потом вижу, двое полицейских и двое казаков бросились к нашим дверям. Привалились, вышибать их хотели... А двери открыты. Вошли. И тут взорвалось. Дом так и подбросило. И балка на чердаке подломилась. Я вначале ничего не понял, а когда стал оглядываться, то вижу, Чегурин и Ваня задним двором бегут с оружием...

Он опять замолчал, его больше ни о чем не спрашивали.

— А меня ногами толкали, — сказал мальчик. — Убить хотели...

Семашко подвернул ему тулуп под ноги, отошел.

— Завтра мы постараемся им припомнить и Колю, — сказал он Невзоровой.

Утром тринадцатого декабря осажденные подползли задними дворами к канцелярии пристава и бросили в окно бомбу.

Через несколько минут после взрыва начался обстрел баррикады.

Защитники покинули здание школы, встали у прикритий. Стреляли только по казакам и полицейским, приходилось экономить патроны.

Чегурина ранило в плечо. Его провели через школу на задний двор. Под навесом был организован медицинский пункт.

Сестры милосердия, такие же добровольцы, как и рабочие, перевязывали раны.

Чегурин сидел бледный, сжав зубы.

— Не повезло, — сказал он. — Дома невредим остался, а здесь ужалили...

Встал. Качнулся. Сестра бросилась к нему — не упал бы. Отвел здоровой рукой.

— Ничего. Правая еще есть. Для маузера достаточно...

И так с пистолетом, во весь рост пошел к баррикаде.

— Пригнитесь! — крикнула сестра. — Там стреляют.

Чегурин обернулся.

— Крадучись, сестричка, только воры ходят, а я здесь — хозяин.

Атака повторилась. Рабочие подготовились к рукопашной, но казаки не подобрались к баррикаде, отхлынули.

Настроение у осажденных стало еще лучше.

Пели песни. Женщины приносили еду, кормили прямо на баррикадах.

Старик Саватейкин пристроил охотничью двустволку на песчаном бруствере, взял миску с супом, отхлебнул и причмокнул:

— Таких скусных щей никогда не пробовал! — Поскреб ложкой по дну, дохлебал, вытер рукавом бороду и оглянулся. — Ого! — сказал он, — а тараканы-то из своих щелей повывезали! — припал к ружью и дважды выстрелил.

Казак всплеснул руками и вытянулся вдоль дороги.

— Хорошие щи, — похвалил Саватейкин. — Меткие. С такого харча грех промахнуться.

Он снова взял котелок, сцедил в деревянную ложку остатки. Женщина как онемела, смотрела за бруствер.

Солдаты выкатывали пушку.

— Зови, матушка, всех, — попросил старик. — Скажи, потеха начнется. Да не дрожи так! — прикрикнул он. — Под страхом ведь и ноги хрупки.

Первый снаряд перелетел школу, взорвался далеко в огородах.

— Ишь сколько сил накопил, — пошутил Саватейкин. Приподнял двустволку, сощурился, покачал головой. — Худо стал видеть. Не могу пушку от солдатики отличить, — и нажал палец на оба курка.

Два артиллериста упали. Один — будто сел, другой — плашмя, и больше не поднимался.

— Кажись, правый хромать будет, а левый решил выпататься, — сказал Саватейкин.

Пушка грохнула снова. Снаряд угодил в крышу школы, обрушил верхний этаж.

Следующий снаряд попал в лазарет. Послышались стоны. Тяжело раненной оказалась сестра милосердия.

Семашко бросился оказывать помощь.

Баррикада пустела. Прямые артиллерийские попадания заставили членов стачечного комитета отдать приказ — оставлять баррикаду.

Боевики прятались на боковых улицах, на крышах домов, в сараях. Вести войну с вооруженными до зубов царскими войсками стало невозможно.

Битва затихла.

Вечером последние рабочие оставили баррикаду.

Город замер.

На улицах валялись телеграфные столбы, спиленные деревья, тянулась спутанная проволока.

На Александро-Невской улице недалеко от Большой зябко стынул провалами окон разбитый дом, бывшее здание школы.

Начались аресты. Ходили слухи, что тюрьмы Нижнего и Сормова переполнены восставшими.

В ночь на четырнадцатое декабря в квартиру Семашко ворвался отряд полиции. Оттолкнули Надежду Михайловну с детьми, кинулись в кабинет. Семашко выхватил пистолет, но выстрелить не успел, на него навалились жандармы...

ЖЕНЕВСКИЙ СЮРПРИЗ

Поезд приходил в Женеву по расписанию. Судя по вокзальным часам, ждать оставалось не больше часа.

Семашко разгуливал по перрону, разглядывал пассажиров: громких, жестикулирующих, беспокойных французов, степенных швейцарцев, сосредоточенно-серьезных, полных собственного достоинства немцев...

Утомленный, он выбрал скамейку. Присел. Жизнь вроде бы стала входить в колею. Появилась работа: журналист в эмигрантском журнале. Теперь приезжают Надюша и дети.

И все же он чувствовал себя худо после долгих скитаний.

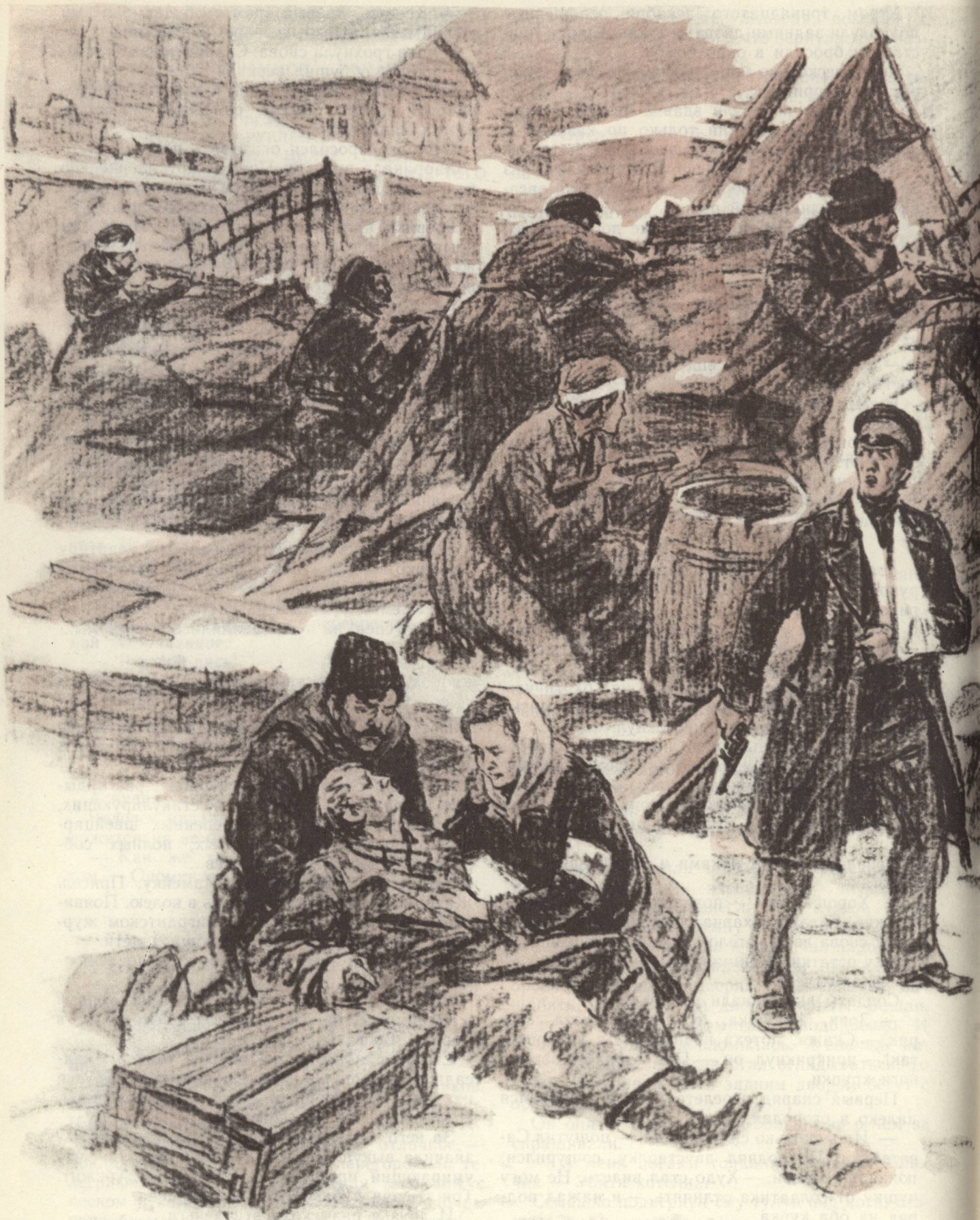
Вспомнил последний арест в России. Угрозы жандармов. Ночные допросы. Голодовку в тюрьме. Болезнь.

Его мучила лихорадка, ознобы, тяжелый насморк, кашель. Он уже не поднимался. Друзья накрывали его тряпьем, арестантской одеждой, но Семашко не мог согреться.

За него, больного туберкулезом, полиция назначила выкуп. Ей нужны были гарантии, что умирающий преступник Семашко не убежит. Три тысячи рублей — такова их цена.

И друзья разыскивали эти деньги.

...За долгие годы скитаний о чем он только не передумал. Приходилось спать на вокзаль-

ных скамейках, есть один хлеб, а иногда и не есть вовсе.

Бывало, его будили ночами. Он открывал глаза, торопливо садился. Перед ним стоял полицейский.

— Эмигрант? Русский? Здесь нельзя спать. Иначе — тюрьма...

Нет, только не это!

...Как женевский вокзал отличается от того, на маленьком волжском полустанке.

Поздней ночью друзья доставили туда Семашко. Везли на санях, под попоной. Он — условно выпущенный государственный преступник...

Человек по кличке Немой передал Семашко билет до Москвы:

— Там вас ожидает конспиративная квартира, — сказал он. — Затем переедете в Петербург, а оттуда — в Финляндию. Дальше в паровозном трюме вас отвезут в Стокгольм. Желаю удачи.

— Спасибо.

Они пожали друг другу руки.

— Ленину скажите в Женеве: мы боремся. И не сомневаемся в победе.

...Берлинский поезд пришел, а Семашко все сидел на скамейке. Вскочил. Бросился по перрону. Наденька с детьми, вероятно, уже вышла.

Попробуй-ка пробеги, когда с поезда идут пассажиры!

— Разрешите!

— Простите, мадам. Я случайно...

Бог мой, как выросли дети!

— Наденька! Коля! Сережа! Галка!

Растерянная улыбка скользит по лицу Надюши:

— Коля! — шепчет она мужу. — Неужели теперь не будет ни арестов, ни полиции, ни страха...

Они не могли наговориться.

Дети давным-давно спали — утомились в дороге, а Семашко все вспоминал и спрашивал.

Он удивился, что Наденька дремлет, хотел бы узнать еще о многих, но лицо жены и во сне было таким счастливым, что он отошел.

Он и сам уснул в кресле, а когда проснулся, в окно било яркое солнце. Наденька бесшумно ходила по комнате — молодая, быстрая, счастливая.

— Как непривычно спокойно на душе! — засмеялась она. — Кажется, сегодня у меня самое счастливое утро за многие годы.

Зазвонил колокольчик в дверях.

— Молочница, — понял Семашко. — Иди открывай.

Не спрашивая кто, распахнула дверь.

На пороге стоял полицейский.

Наденька смотрела на него удивленно, молчала. Потрясение было в ее взгляде.

— Простите, — сказал полицейский. — Здесь живет господин Се-муш-коф?

— Да, — Николай Александрович развел руками, точно хотел сказать Наденьке, что произошла ошибка.

— О, месье! — Полицейский был предупредителен и любезен. — Извините. Какая-то неточность обнаружена в ваших документах. Не согласитесь ли зайти в управление? Это совсем не отнимет у вас времени. — Он улыбнулся Надежде Михайловне. — О, мадам! Нельзя так волноваться. Обычный паспортный вопрос.

— Но мы хотели уехать в горы... — растерянно сказала Надежда Михайловна. — Нельзя ли зайти позже?

— К сожалению, мадам. Вечером паспортный чиновник будет очень занят. — Он вдруг сообразил. — А вы захватите с собой велосипед, месье. Чтобы быстрее возвращаться. Мадам не успеет позавтракать, и вы будете уже дома.

Надежда Михайловна рассмеялась. Как это отличалось от России! Милый и вежливый полицейский.

Теперь Семашко и полицейский шли по улицам Женева, придерживая с двух сторон велосипед за руль.

— Русских у нас стало очень много, — говорил полицейский. Это был совсем еще молодой безусый парень с крестьянским широким лицом и, видимо, очень добрый. — Но что странно, многие приезжают без бород. Они, наверно, бредутся по дороге в Женеву.

— Отчего же? — улыбнулся Семашко.

— Но у вас же лютые морозы! И без бород, мне говорили, у вас все замерзают.

Послушала бы Наденька такое, подумал Семашко. Вот ведь какие знания о России! Морозы. Медведи на улицах. Бороды вместо шарфов.

За оградой небольших уютных одноэтажных домов виднелись кусты роз, цветы на клумбах, а по краю тротуаров зеленели каштаны.

Перешли мост, оставили позади холодные желтые фасады административных зданий, впереди показалось полицейское управление.

Полицейский пропустил Семашко, прислонил велосипед к стене.

— Сюда, пожалуйста...

Двор оказался запущенным, голым. На окнах решетки, как во всех тюрьмах. Семашко замедлил шаг.

— Идите, идите, — приободрил его полицейский.

Семашко удивленно осмотрелся.

— Куда же теперь?

— В камеру, — холодным изменившимся голосом приказал полицейский. — Сейчас вам все растолкуют.

Лицо полицейского стало хищным.

— А вы, оказывается, одинаковы всюду, — только и сказал ему Семашко.

Опять камера. Маленькая квадратная решетка. Тонкий утренний луч падает на пол, не дает забыть о свободной жизни.

А вокруг фальшивомонетки, воры. Они любят порассуждать с русским доктором о собственном здоровье. Как им повезло! Образованная персона живет с ними вместе.

Ночами Семашко кашляет. Надсадно. А то просыпается и, спустив ноги с нар, ловит ртом воздух. Снова вспыхнул туберкулез.

— Эй, чего расхрипелся! Не мешай спать... От Наденьки ничего нет. Полиция не разрешает пересылать даже письма. И за детей страшно. Как там они? Есть ли деньги?

Конечно, друзья заботятся, — в этом сомневаться нельзя, да и не может быть иначе, — все же болит душа, не заснуть, беспокойные мысли лезут в голову.

В какой раз Семашко требует, чтобы его вызвали на допрос. Он не может понять, почему арестован.

Надзиратель насмешливо смотрит на него: чего спешит этот преступник? Придет время — вызовут.

— Объясните, — настаивает Семашко, — в чем меня обвиняют?

— Да брось, доктор, вопросы задавать, — советует ему старый фальшивомонетчик. — Сиди да помалкивай. А то прикинут пару лет за любопытство.

Он подобоострастно кланяется дежурному охраннику: пора раздавать обеды.

Фальшивомонетчик худой, длинноносый, вежливый. Берет металлическую тарелку с так называемым супом, принимает, цокает языком от предстоящего удовольствия и несет Семашко.

— Ешьте, ваше величество. А мы — потом. Мы — люди простые.

Камера содрогается от смеха.

— Да тут фрукты!

Он кидает Семашко один из трех присланных апельсинов, а два других прячет в карман.

— Большое спасибо, доктор, — кривляется он. — Вы так добры с нами, доктор! Отдали два из трех собственных апельсинов. Преступники вас не забудут, доктор. Если вам потребуются фальшивые монеты, я вам дам их в избытке...

Семашко смеется со всеми. Иначе нельзя. Тюрьма беспощадна.

И все же, что за странный подарок с воли? Прислали бы хлеба. Но апельсины?!

Суп здесь и то мало похож на суп. Плавают лепестки какой-то приправы, напоминающей дубовые листья. Остальное — вода.

Он снимает с апельсина шкурку и в том месте, где прикрепляется веточка, вдруг обнаруживает дупло. Палец сам нащупывает вощаную бумажку, свернутую трубочкой. Нужно спрятать ее в карман. Незаметно. А прочесть — позже.

Сердце стучит веселее и четче.

Фальшивомонетчик доедает апельсин, прищмокивает, кланяется Семашко. Ладно. Пускай развлекает своих друзей. Значит, записка одна. В других апельсинах ничего подобного не попало.

Николай Александрович ждет, когда перестанут болтать на нарах, уснут. Он разворачивает листок, приближает к глазам. Написано неразборчиво, но прочесть можно.

«Не робей. Ты сидишь за экспроприацию в Тифлисе. Приехал Ленин, взялся за твое дело».

Ленин!

Семашко в какой уж раз перечитывает бумажку. Как мало и как много сказано! Он не понимает, что это за экспроприация в Тифлисе. Но ему ясно другое: раз сам Ленин взялся за его освобождение, значит, все будет в порядке.

Семашко некому сказать, что сегодня он счастлив. Не с кем поделиться. Ему хочется крикнуть. Там, на воле, за него бьются товарищи, Ленин!

У Надежды Михайловны в гостях Иннокентий. Фамилия у него Дубровинский. Иннокентий — партийная кличка, но именно так называют его друзья. Иннокентий принес деньги — партийная касса помогает семье Семашко, попавшего в беду.

Надежда Михайловна ждет. Не расспрашивает. Если это возможно, то Иннокентий расскажет все сам.

— Мы, наконец, выяснили причину, — говорит Иннокентий. — Делом вашего мужа займется один из лучших адвокатов Женевы, а процесс будет контролировать сам Ленин.

Слезы выступают на глазах Надежды Михайловны. Неужели Владимир Ильич?! Только не плакать. Жена большевика не имеет права распускаться, сколько раз говорил ей об этом Семашко.

Дубровинский наливает чай в блюдце, откусывает сахар — такая привычка из России, — прихлебывает.

— Теперь можно и рассказать, — сообщает он. — История любопытная. Партии нужны были деньги. Раздобыть их взялся Камо.

Надежда Михайловна много слышала об этом легендарном человеке. Но какое он имеет отношение к мужу?

— На центральной Тифлисской площади Камо устраивает засаду и нападает на фургон с деньгами. Стрельба. Паника. Солдаты бегут, а деньги оказываются в руках революционеров.

Дубровинский наливает новую чашку.

— Переправили за границу, и, представляете, оказалось, что все номера захваченных денег уже сообщены в европейские банки. Первой арестовали Олю Равич, члена женевской социал-демократической группы. Взяли ее в Мюнхене.

— Но Николай Александрович?!

— Да, он не знал Ольгу. Поэтому-то она и решила написать на его имя. Подумала: доктор — это не так подозрительно. Полиция же расценила письмо как улику.

— Николая Александровича даже не было в России, когда Камо совершил нападение!

Дубровинский кивнул.

— Я же сказал, у нас все шансы добиться успеха...

Он развернул газету.

— Седьмого января Владимир Ильич приехал в Женеву. Вот его заявление... — Иннокентий поискал глазами текст, перегнул лист и прочел: — «...наши швейцарские товарищи несомненно проявляют значительный интерес к аресту Семашко. Все русские товарищи, знающие его, твердо убеждены в том, что он ни в малейшей степени не причастен к тифлисской «экспроприации» и не мог быть причастен к ней».

Надежда Михайловна с жадностью слушала слова Ильича.

— «...Мы выражаем твердую уверенность в том, что пресса международной социал-демократии в самое ближайшее время с такой же обоснованной радостью будет приветствовать освобождение арестованного в Женеве товарища...»

Дубровинский улыбнулся Надежде Михайловне и закончил:

— Представитель Российской социал-демократической рабочей партии в Международном социалистическом бюро... Ленин.

— Господин Семашко, можете собираться.

— С вещами?

— С личными вещами.

Семашко все еще не уверен, что его освободят. Разное бывало. Кто знает, может, вызовут, чтобы переправить в другую тюрьму, дальше от Женевы.

Он выходит в тюремный двор — каменный колодец с высоченными стенами, — идет к административному корпусу.

Полицейский распахивает мощную дверь, и Семашко видит перед собой чиновника в штатском. Сколько сострадания в его лице! Чиновник вскакивает и, вытянув руки, направляется к Семашко, как к другу.

— Вы должны нас простить, господин Се-муш-кин... — Еле выговаривает он русскую фамилию. — Это не по нашей вине. Швейцарские власти были введены в заблуждение. Я уже и сам говорил: зачем доктору грабить банки? — он заискивающе смеется. — Можете идти. Вас ждут жена и дети, дорогой господин Се-муш-коф.

Николай Александрович не отвечает на любезность. Поворачивается. Идет к дверям.

Скорее на волю! Там у ворот стоят его дети и жена. Как стучит сердце! Как трудно совладать с собой!

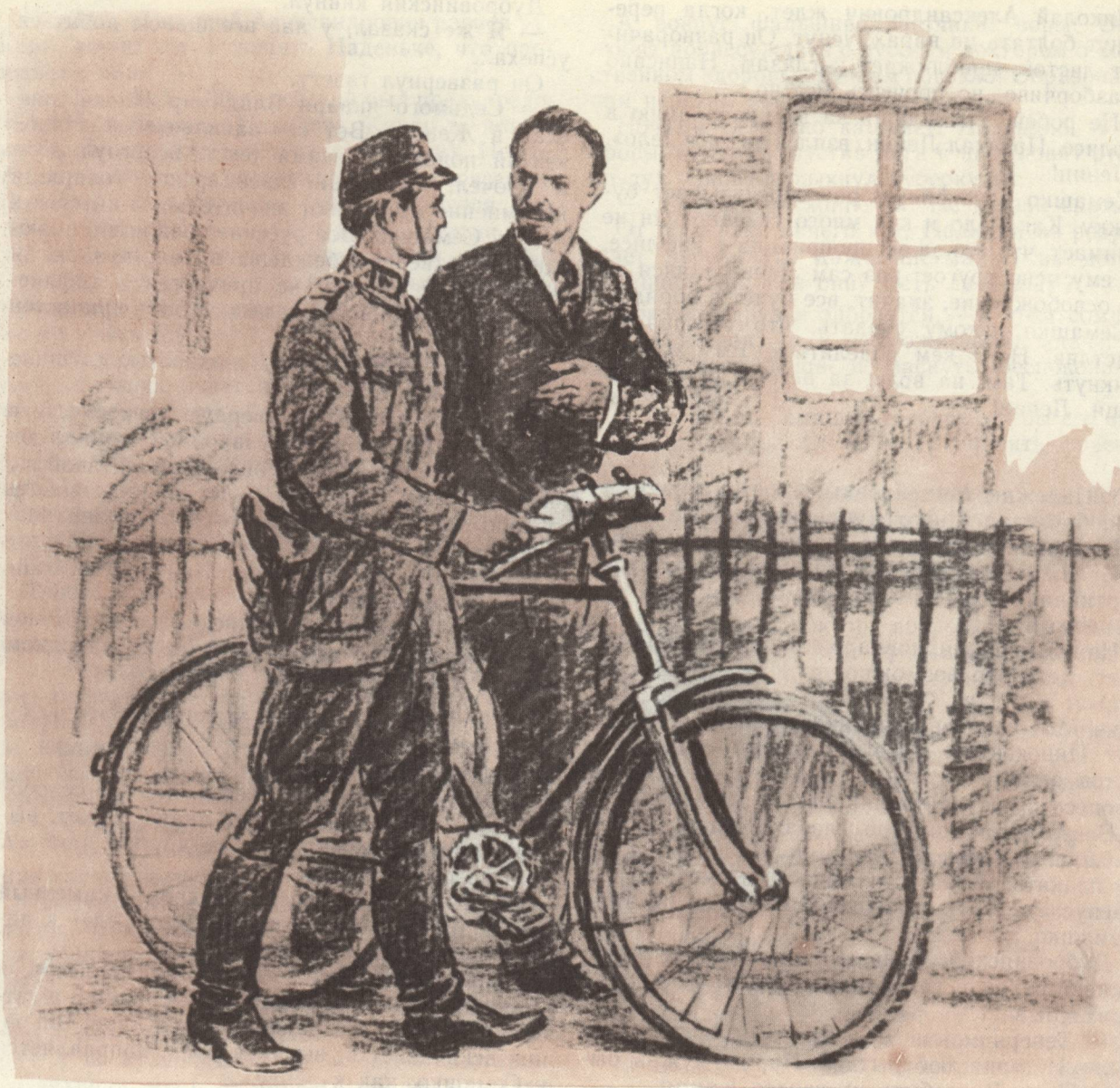
Двери тюрьмы открываются одна за другой. Звякают засовы, скрипят петли.

И вот улица! Солнце на мостовой. На стеклах зданий! На стенах!

Он так и стоит неподвижно, прижавшись к воротам женевской тюрьмы, ищет глазами своих.

Вот они! Все четверо.

— Надя! Надюша!

А земля крутится, уплывает из-под ног.

— Коля!

— Папа! Папа!

...Потом они идут по женевским улицам счастливые и возбужденные, как тогда в день приезда. Вроде бы и не было разлуки, беда мелькнула и исчезла, не было тяжелых дней одиночества, отчаяния и безнадежности. Он с ними, с женой и с детьми: Галкой, Сережей и Коленькой. Его младший сын все еще не может понять, что же случилось в эти месяцы, куда исчезал его папа.

— Ты больше не уйдешь от нас? — спрашивает он.

— Нет, — смеется Семашко.

— И в тюрьму не пойдешь?

— Нет.

— А если тебе захочется?

— Нет, не захочется.

Надежда Михайловна хмурится, а старший брат и сестра смеются над младшим.

— Знаешь, — говорит Наденька, — то, что ты свободен, — заслуга Ленина.

— Ильич в Женеве?

— Ты можешь его увидеть!

Семашко с недоверием смотрит на жену.

— Когда?

Ей хочется сказать: потом, позже. Побудь дома, посиди с нами, переоденься. Смотри, какой мятый у тебя костюм, как худо выглядит твоя рубашка. Но она не произносит этого. Она вздыхает.

— Ленин в Народном доме, там заседание большевистской группы.

Она понимает все, что хотел бы сказать ей Семашко.

— Если я зайду на минутку? — осторожно просит Семашко. Ему не хочется огорчать близких. — Загляну, и домой...

И Надежда Михайловна соглашается.

— Конечно, Коля.

...По ступенькам парадной лестницы он вбегает на второй этаж Народного дома. Заседание — в Большом зале.

Люди стоят у стен, прижимаются к колоннам.

На сцене стол. Председательствует Иннокентий. На трибуне Ильич.

Семашко пробирается ближе. От колонны к колонне. Только отчего такая тишина? Почему замолчал Ильич? Прищурился, смотрит туда, где остановился Семашко. Может, он помешал Ленину?

— Товарищи, — вдруг говорит Ленин. — Здесь присутствует только что выпущенный из швейцарской тюрьмы Николай Семашко!

Гремя аплодисменты. Ленин спускается в зал.

Между ним и Николаем Александровичем образуется свободный проход.

Еще несколько шагов — и Ленин пожимает Семашко руку.

— Я очень рад видеть вас, Николай Александрович, — говорит Ленин. — Очень рад...

ЛОНЖЮМО

Утренние газеты пестрели объявлениями. Целые страницы обращались к читателям:

«Покупайте собак,
быстроходные моторы,
великолепные лодки».

«Снимайте квартиру в центре Парижа!»

«Арендуйте дачу в зеленом пригороде!»

Семашко отмечал карандашом в тех местах, где предлагались дома в аренду. Каждый день он выписывал из разных газет адреса, составлял маршрут и выезжал на велосипеде.

Выбрать было непросто — что-то обязательно не подходило.

На этот раз первое же объявление показалось ему любопытным, — сдавался дом в восемнадцати километрах от Парижа, в местечке Лонжюмо.

День был яркий. Легкий ветерок дул в лицо. Солнечные блики поблескивали на велосипедном руле.

Иногда паровой трамвайчик обгонял Семашко.

Местечко Лонжюмо показалось прекрасным. Тихо. Мало народу. Недалеко речка.

И главное — дом на краю поселка.

Хозяин обрадовался гостю. Вот сарай для дров. Помещения для прислуги. Он убежден, что русский господин будет доволен. А эти

комнаты у них, как правило, пустуют: их держат для гостей. Если русский господин любит гостей, то ему будет где поместить приезжих.

Семашко кивает.

— Да, мы, русские, гостеприимны.

— О, здесь вашим друзьям будет уютно, — поддакивает хозяин.

...В воскресенье на первом трамвайчике в Лонжюмо приехал Владимир Ильич с Надеждой Константиновной.

Обошли дом — теперь хозяином чувствовал себя Семашко.

— Вы молодец! — сказал Ленин. Открыл дверь в сарай и обрадованно всплеснул руками. — Какое замечательное место для класса!

За Лениным заглянули в сарай Луначарский, только что приехавший из Парижа, Надежка Семашко и Катя Мазанова — жена рабочего-революционера.

Ленин скинул пиджак, повесил его на гвоздик.

— А ну, — весело предложил он. — За дело! Вычистим мусор. Повесим занавески. Поставим стулья и стол, — лучшего зала и желать нечего.

Николай Александрович поднял доску. Владимир Ильич подхватил ее с другого конца.

— Открываем первую высшую партийную школу, товарищи, — сказал Ленин. Поглядел на Катю, бросил с шутливой серьезностью: — Вы, товарищ Катя, назначаетесь главной стряпухой школы.

— Приберемся, Владимир Ильич, а потом уж и за обед возьмусь.

— Э, нет, — возразил Ленин, и его глаза заискрились. — Уборку мы и без вас проведем. А вот обед!.. Не забывайте, завтра у нас большой праздник — приезжают товарищи из России.

«Школьники» съезжались в Лонжюмо почти одновременно. Первыми приехали делегаты из Екатеринослава Серго Орджоникидзе и Иван Чегурин — товарищ Семашко по Нижнему Новгороду. На следующий день — Иван Присягин, Яков Зевин, Иван Белостоцкий.

Катя не отходила от плиты. Что-то потрескивало на кухне, шипело, жарилось.

По случаю открытия школы был назначен обед. Столы установили в бывшем сарае — это оказалась самая просторная «аудитория» в доме. Владимир Ильич сел с краю, но Катя потребовала, чтобы он перешел в центр.

«Школьники» во все глаза смотрели на Ильича.

Ильич поднялся, окинул стол спокойным, серьезным взглядом.

— Пройдет несколько месяцев, — сказал он тихо, — и вы поедете домой еще более опытными бойцами. Я предлагаю тост за вас, а значит, и за грядущую Революцию. За великое будущее нашей Родины!

ОГНИ АРТЕКОВСКИХ КОСТРОВ

**„ИДЕМ
ДОРОГОЙ
ЛЕНИНА,
ДОРОГОЙ
ОКТАБРЯ“**

Их было так много — 3265 ребят. Их было так мало — всего только 3265 делегатов от двадцати пяти миллионов пионеров. И был последний, совсем последний вечер у моря, когда каждый смотрел, как гаснут в костре последние угольки, слушал, как стихают последние слова полюбившейся отрядной песни. Завтра с утра — расставание. Вожатые еще раз напоминают прощальный наказ: идеи слета, смысл слета, задачи слета донести до своих друзей в звене, отряде, дружине. Рассказать им обо всем, что узнал и увидел в Артеке, передать все, чему научился.

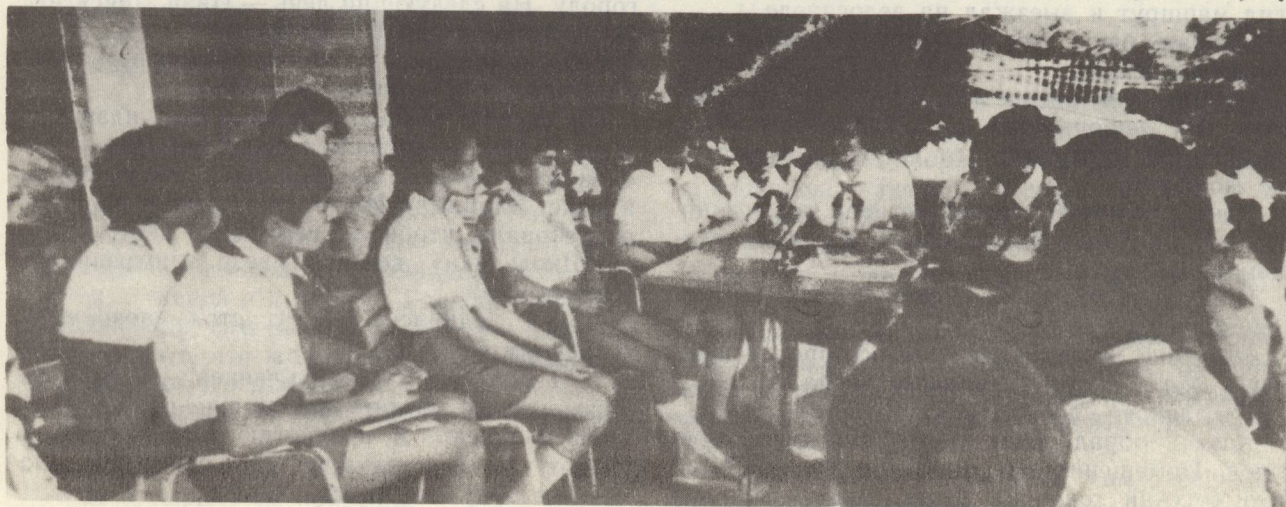
Прошло время. Мы решили разыскать теперь хотя бы нескольких ребят из тех 3265, которые были в Артеке. Узнать, как сложились у них дела. Помог ли слет! Что пригодились из тех торопливых летних записей, сделанных во время конференций и занятий школы актива, диспутов и сборов! Мы пригласили в редакцию пять делегатов ленинградцев.

Итак, первым отвечает на наши вопросы **Саша Игнатов**, школа № 218.

— Я сначала думал, все забыли, что я в Артек ездил.

Вдруг прямо на урок приносят приглашение. Из соседней школы. Просят рассказать о слете. Рассказал. И у себя в дружине рассказав, и в классе ребята просили. У нас всем

понравилась артековская эстафета знаний, умений и навыков. Многие вопросы и задания до сих пор в голове держу. На совете дружины сначала решили провести похожую эстафету

Делегаты VII Всесоюзного слета пионеров рассказывают об итогах работы на Марше

для октябрат. «Станции» самим пришлось выдумывать, да и задания надо было полегче, чем в Артеке. Ну, малыши, конечно, обрадовались, визгу столько было. Мы им всем дипломы нарисовали. Потом стали готовиться к эстафете уже для пионеров. Дружина маленькая, старшей вожатой нет, так что все сами делаем.

К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции записываем воспоминания ветеранов. Началось это еще в прошлом году, да интересно так! Ехали мы всем классом в трамвае на какую-то экскурсию. Как раз мимо Музея революции проезжаем. Вдруг одна женщина, пожилая такая, сама говорит: «Вы хоть знаете, что вот с этого балкона Владимир Ильич Ленин выступал перед рабочими?» Не все знали. Оказалось, что она сама тогда была на этой площади, видела Ленина и слушала его выступление. Девочки сразу адрес записали и поехали потом к ней домой, чтобы подробно обо всем расспросить.

А что хотелось, да не осуществилось пока — конкурс балльных танцев. Знаете, что в Артеке ребята рассказывали? В некоторых местах такие конкурсы даже в масштабе всего города проводятся! Я в районном штабе несколько раз говорил. Когда мы со штабом в Ригу на экскурсию ездили, даже научили танцевать некоторых. Но этого пока еще мало.

Таня Артемкова, школа № 159.

— На слете говорили о важности работы звеньев. Ну, что «делами звена дружина сильна», и надо обратить на это особое внимание. Я рассказала осенью ребятам, и все решили, что хорошо бы организовать в дружине свою школу звеньевых, но кто будет вести занятия? Взались мы с подругой — ее зовут Оля Марченко. Составили программу вместе со старшей вожатой. Многое я еще в Артеке записала, а кое-что сами прибавили. Оля ведет четвертый, а я — пятые-шестые классы. Ничего получается!

Белла Чернова, школа № 350.

— Меня в Артеке поразила активность ребят. В школе о такой и мечтать не приходится. Понятно, конечно, там собрались лучшие, но все равно завидно. Еще дружба поразила. За несколько дней так сдружились, как будто всю жизнь вместе. Там, знаете, все спланивало. Особенно игры и песни. Мы провели в своей школе дружинный сбор, посвященный истории семи пионерских слетов. После торжественной части устроили массовку. Играли в артековские игры, пели песни. Всем понравилось. А на уроках физкультуры разучили спортивную игру «Снайпер». Она была, наверное, самой популярной на слете.

Опыт, полученный в Артеке, конечно же, очень помогает. Начать хотя бы с плана работы. В этом году мы провели по всем отрядам анкетирование, как в Артеке. Выяснили, у кого какие предложения, какие дела ребятам нравятся. Получилось интересно.

У нас в школе есть отряд вожатых «Вожак». Я отвечаю за него как член комитета комсомола. Так если бы не слет, мне очень было бы трудно. Артековские записи выручают. Там нас учили и газету выпускать, и барабанить, и команды подавать. Все теперь нужно.

Галя Солнцева, школа № 97.

— Я не очень-то хороший организатор, по-моему. В Артек поехала от редакции газеты «Ленинские искры» как активный юнкор. А на слете так интересно рассказывали про клуб «Зеленая лампа»! Это клуб юных пушкинистов, любителей поэзии. Я подумала, что надо попробовать организовать такой же и в нашей школе. Рассказала учительнице по литературе. Ей идея понравилась.

Сейчас я вожатая в пятом классе. Хорошо, что в Артеке нас всех научили барабанить, рассказывали о ритуалах. В моем пятом, например, барабанщика раньше не было. А теперь ребята здорово на-

учились барабанить, красиво выносить знамя. Еще они хотят обязательно найти себе подшефное хозяйство — совхоз или колхоз, — чтобы ездить туда на работу. Я рассказывала, как на слете выступали пионеры из разных городов, приводили примеры такой дружбы с сельскими ребятами и колхозниками, вот мои и «загорелись».

Андрей Полозов, школа № 241.

— До сих пор сохраняю программу слета и все артековские значки. Ребятам все интересно рассматривать. Совет дружины специально собрался на пионерский «огонек», посвященный слету. Наша старшая пионервожатая раньше тоже в Артеке была, даже работала там. Она помогала учить ребят артековским играм, песням.

Я был в дружине юнкором. Конечно, раньше я тоже знал, как выпускать газету, но, например, какая должна быть передовая статья, именно в артековской дружине узнал. Яркая, и чтобы о самом главном сказано было. Фельетон тоже должен быть ярким. И оформление яркое. Как лучше заметки расположить, показывали. Я все передал ребятам в школе, но сам в редколлегии сейчас не состою. Мне поручили занятия со звеньевыми. Наша дружина готовила в Артеке общую конференцию по звену и свою конференцию проводила, так что материалов много. Кое-что известное, а есть и новое для нас. Например, сбор звена, на котором выносятся кому-то благодарности. Мы раньше на сборах звена никаких благодарностей не объявляли.

Сейчас можно сказать, что центр всей жизни школы — музей.

Готовимся к 60-летию Октября. В каждом отряде создана своя поисковая группа. Каждую неделю сдаем короткие рапорты о сделанном.

Записала
Н. ПИЖУРИНА
Фото Е. Чечкиной

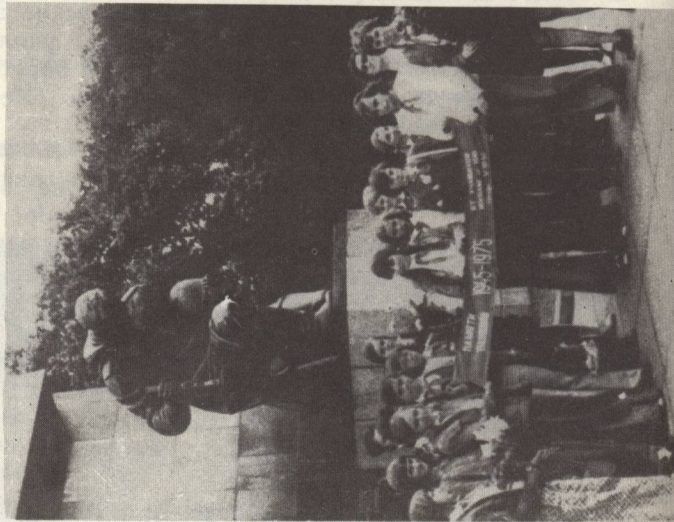
Идём дорогой Ленина, дорогой Октября!

У пионеров школы № 100 города Уфы — столицы Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики друзья в Ульяновске и Казани, Ленинграде и городе Шкопау Германской Демократической Республики.

Клуб интернациональной дружбы активно переписывается со многими ленинскими музеями нашей страны. Пионеры получили интересные документы и фотографии.

В Берлинском Трептов-парке у подножия всемирно известного монумента советским воинам-освободителям среди цветов алеет широкая лента. На ней надпись «Памяти павших — от учащихся школы № 100 города Уфы». Башкирские пионеры прислали памятную ленту своим друзьям — пионерам школы имени В. И. Ленина из города Шкопау, а те отвезли ее в столицу ГДР и торжественно возложили к памятнику.

ВЕСТИ с МАРША

ЦВЕТЫ — ВСЮДУ!

К 60-летию Октябрьской революции хотим украсить цветами весь наш поселок — центральную усадьбу совхоза «Брестский». Уже посадили цветы перед сельсоветом, возле больницы.

Всего четыре года назад вокруг школы был только песок да колдобины. Нашему классу, тогда четвертому, дали свой участок. Совершенно необработанный. Повозились мы с ним: землю вскапывали, рыхлили.

Сейчас цветоводов нашей школы знают во всей области.

*Лена Гиль,
Брестская область,
деревня Тельмы*

В эти апрельские дни юные ленинцы всей страны рапортуют своим старшим товарищам — коммунистам и комсомольцам, труженикам десятой пятилетки о своих делах на марше «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября».

У каждой пионерской дружины, отряда, звена есть свои шефы и есть свои конкретные дела к главному юбилею Октября. Рассказывают об этом юнкоры «Барабана».

Аллея абрикосов в пришкольном саду

ДРУЖБА ВСЕ КРЕПЧЕ!

«Я обращаюсь к вам, беспокоеное племя молодых ленинцев! Помните всегда Владимира Ильича Ленина. Учитесь мужеству у Ленина. Учитесь любви к Родине у Ленина... В вашей настоящей и будущей жизни берегите завоевания Великого Октября как зеницу ока. Помните — это обеспечит вам ваше светлое будущее — коммунизм!»

Так говорил нам наш большой друг, первый комиссар «Авроры» Александр Викторович Бельшев. И мы стараемся выполнить этот наказ. В первую очередь мы хотим как можно больше узнать о тех, кто завоевывал нам наше счастье — вое детство. Вот уже десять лет наша дружина собирает материалы о крейсере «Аврора» и авроровцах. Сейчас у нас в школе настоящий музей. Есть даже такие предметы, которых нет в музее на крейсере. Например, ленточка от бескозырки. Но мы понимаем, что не в этом дело. Важно, что наша дружба с авроровцами становится теснее и теснее. Мы — частые гости на «Авроре», и вся наша работа идет по заданию музея «Авроры». Ветераны-авроровцы часто бывают у нас в гостях — М. П. Синозерский, В. И. Бурдасов, В. И. Виноградов. Бывают и те, кто сейчас служит на легендарном крейсере.

По поручению совета дружины имени крейсера «Аврора»

школы № 152

Оля Зорина,
Ленинград

Октябрьская
флотилия
школы № 152
приветствует
ветеранов-
авроровцев

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО НА ОТЛИЧНО

Пионерская дружина имени Андрияна Николаева выстроилась на торжественную линейку. Каждый отряд получает задание от совета дружины. И не простое: решено собрать 34 тонны металлолома. Цифра серьезная, но ребята заранее провели разведку и твердо сказали: «Будет сделано!»

Слово свое наша дружина сдержала. Есть обещанные тонны!

Саша Кулиев,
школа № 26, Павлодар

ИМЕНИ ЛЕНИНА

В нашем городе самый красивый детский парк носит имя великого Ленина. Летом здесь опять будет городской пионерский лагерь.

Грузины, русские, азербайджанцы, украинцы дружно живут и работают в нашей республике, в нашем городе. И в пионерском лагере тоже все отряды интернациональные. А пионеров отдыхает немало — сто шестьдесят человек.

Наш пионерский отряд встретился с Тенгизом Домидзе, делегатом XXV съезда КПСС, рабочим нефтеперерабатывающего завода. У многих родители и старшие братья работают на этом крупном предприятии. Интересно было расспросить о знакомом заводе такого знаменитого человека!

Студентка Педагогического института имени Руставели Русико Сихарулидзе — любимая отрядная вожатая. Октябрята так и лнут к ней, и все хотят заниматься спортом. Русико — чемпион мира по гимнастике!

Гела Болквадзе,
школа № 3, Батуми

Твой

Дорогой «Барабан»! Сейчас я живу в Монголии. Сюда приехал в командировку мой папа, он геолог.

Я успела подружиться со многими монгольскими девочками. Они водили меня на высокую сопку, чтобы я ощутила просторы Монголии... И правда, посмотрела вниз — на город, посмотрела в сторону — степи, юрты, речка вьется. Речку я назвала по-своему — Журчушка.

Алла Постикова,
город Дархан, МНР

Украинские пионеры быстро подружились с гостями Артека на VII Всесоюзном слете — ребятами из республики Гвинея-Бисау

Фото Е. Чечкиной

НАШ ФОТО- конкурс

О снимках Игоря Карпова, шестиклассника из Свердловска, написала газета «Верхисетский рабочий», похвалила его, участника фотоклуба «Чайка» при Дворце культуры металлургов. «Барабан» попросил Игоря рассказать об этом клубе.

«Дорогой «Барабан»! Наш кружок ведет Николай Михайлович Перевышин, рабочий Верхисетского завода. Это очень хороший человек и преподаватель! Много времени проводит с нами. Как интересно быть с ним в лесу! Он учит нас любить природу...

У меня фотоаппарат «ФЭД-3». Посылаю снимки, как мы собираем металлолом».

И. Карпов,
школа № 74, 6 «в» класс,
Свердловск

СБОР МЕТАЛЛОЛОМА

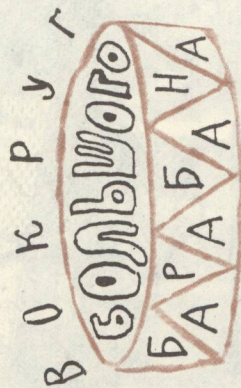
Фото Игоря Карпова, Свердловск

Всёная ПЮТА

Живи, книга!

У переплетного кружка всегда много работы. Хотелось, чтобы все книги были в порядке.

В школе-интернате города Пинска. Сотни книг подклеили ребята, починили переплеты, разгладили уголки страниц. Руководит кружком пионер-инструктор Саша Зотов

Мямлить не надо. Надо в школе учителя слушать и дома честно готовить уроки. Тогда времени свободного сразу станет больше...

Вера Петерсон,
совхоз «Привольное»
Саратовской области

На уроки уходит часа три, а потом читаю или работаю по дому. Мою пол, стираю и глажу белье.

Особенно много дел бывает летом. В прошлом году научилась корову доить, сено сгребать. Каждый день кормила теленочка и поросят.

Наташа Тихомирова,
Ярославская область

В «Барабан» продолжают приходить письма от ребят, которые не на последнем счету в школе и дома успевают помочь родителям.

Итак, письма с пометкой на конверте «В ШКОЛЕ И ДОМА».

Мама работает бухгалтером, всегда устает от своих цифр. А вечером непременно надо читать книги по специальности... Стараемся освободить ее от лишних забот. Наша учительница говорит, что нельзя быть сегодня жестоким, а завтра добрым. Так же и здесь. Учиться помогать надо с детства.

Таня Захарова,
Петрозаводск

Учитель:

— Какие животные водятся в пустыне?

Ученик:

— Лягушки и крокодилы.

**Лена Киричек и
Ира Брагина,**
город Бийск

Учитель:

— Назови трех богатейшей, героев сказок и былин.

Чудесное превращение Никифорова, ИЛИ ПЕТИНЫ ПЯТЕРКИ

Учился Петя неважно: с двойки на тройку, или, как сам говорил, «так себе учился».

И вот однажды... Петя, вернувшись из школы, заявил еще с порога:

— У меня две новости: посадили с отличницей Кнопкиной и за диктовку поставили пять!

Мама в восторге рассказывает новость соседям.

Чудесное превращение Пети Никифорова да и только! За ВСЕ контрольные и диктанты с этого дня он стал получать пятерки.

Вдруг в четверг приходит грустный. Бросает портфель на диван.

— Что случилось? — встревожилась мама.

— Понимаешь, мама... Кнопкина... в школу не пришла...

Костя Чача,
7 «а» класс,
школа имени Гайдара.
город Каратау

Ученик (не задумываясь):
— Вицин,
Сергея Жиганов,
город Новосибирск,

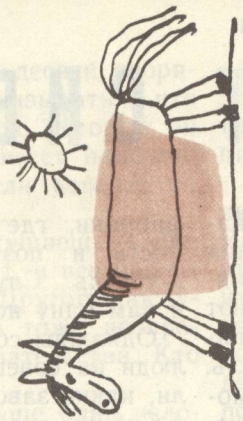
Учительница:

— Что такое дилижанс?

Ученица:

— Это лошадь, накрытая брезентов.

Валя Унгарбаева,
город Актюбинск

ПОРТРЕТ СИБИРИ

Есть в Новосибирском Академгородке один «тихий» научно-исследовательский институт. Здесь ученые работают с цифрами. И недавно составили из цифр... портрет-модель.

Взглянула я на портрет-модель и увидела... территорию, которая занимает пятую часть РСФСР и лежит вдоль двух сибирских рек — Ангары и Енисея. Увидела я, как обширны и красивы леса, как чисты и полноводны реки, как богаты месторождения края. Узнала, что за новые заводы и города появятся на этой территории.

— Простите, — смутилась я, — до сих пор модели создавали судостроители, авиастроители, радиоинженеры, чтобы посмотреть, как будет действовать их новая машина. Но зачем модель экономисту?

— Действительно, — ответил мне собеседник, — до недавнего времени экономисты и производственники обходились без моделей, когда осваивали новые территории. Строили новые заводы, комбинаты,

фабрики, где была необходимость и позволяли условия. А теперь... Слушайте, расскажу вам одну историю.

Однажды собрались деловые люди на совещание. Обсуждали, какие заводы надо строить в Сибири, чтобы освоить богатства этого края.

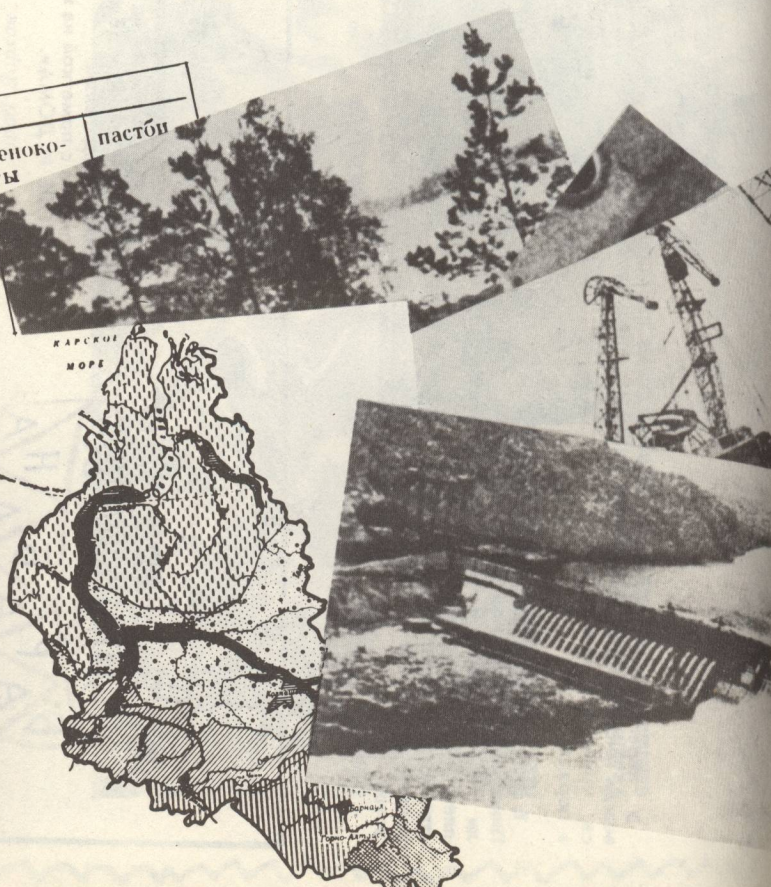
— Знаете, — сказал один, — есть на берегу Енисея прекрасное место, где можно организовать металлургическое производство. Залежи железной руды рядом.

— Позвольте, — перебил его второй, — но в этом месте должно встать другое предприятие — по производству алюминия. Геологи нашли недалеко сырье, из которого можно получить этот металл.

— Ну нет, — вмешался третий, — я предлагаю здесь добывать строительные материалы и считаю, другого решения вопроса быть не может.

— Это как же? — удивились остальные. — А мы рассчитывали создавать тут вовсе другие заводы.

Размещение промышленности по административным единицам	Все сельскохозяйственные угодья	Из них		
		пахотные	сенокосы	пастбища
Западная Сибирь	35 814	19 821	1 774	6 219
В том числе:	4 121	1 774	6 219	
Тюменская область	1 422	44	44	
Томская	6 738	44	44	
Омская	8 403	44	44	
Новосибирская	2 676	44	44	

И каждый из десяти спорящих стал доказывать, что именно тот завод, который он предлагает, принесет наибольшую пользу, если встанет на этой территории.

Одного послушаешь — убедительно говорит, и все цифры вроде за него. Другого послушаешь — у того тоже неопровержимые доказательства. Кто же прав?

А тут встал еще один человек.

— Ничего не надо строить, — сказал он. — Надо оставить поля и растить здесь хлеб. Уж больно земли плодородны.

Совсем дело запуталось. Как разрешить спор и кто может быть судьей в таком споре?

Мой собеседник закончил рассказ, посмотрел на меня и рассмеялся:

— Вот и вы растерялись, не знаете, кому отдать предпочтение.

— Правда, — призналась я. — Непонятно, кто же может стать третейским судьей в таком споре.

— Такой судья появился совсем недавно: ученые-экономисты со своей моделью. На своей модели они проверяют, как станет развиваться территория, если на ней появятся те или иные предприятия.

Я стала внимательно разглядывать эту экономико-математическую модель. Модель из цифр, графиков и схем.

— Помните спор деловых людей? — спросил ученый. — Вот один из них тогда заявил, что на берегу Енисея надо строить металлургическое производство. Мол, там залежи железной руды рядом. А модель говорит, завод лучше поставить в другом месте: для такого предприятия необходимы железные дороги и нужно много рабочих рук, а большие города расположены далеко. Но самое интересное — модель показала, куда нужно перенести строительство нового металлургического производства, чтобы на его создание государство затратило меньше денег, а получило бы большую пользу.

— А как же с алюминиевым комбинатом?

— И комбинату нашлось другое место. Дело в том, что для получения алюминия требуется очень много электроэнергии, и поэтому выгоднее построить его поближе к Саяно-Шушенской ГЭС.

— Какие же предприятия советует модель поставить?

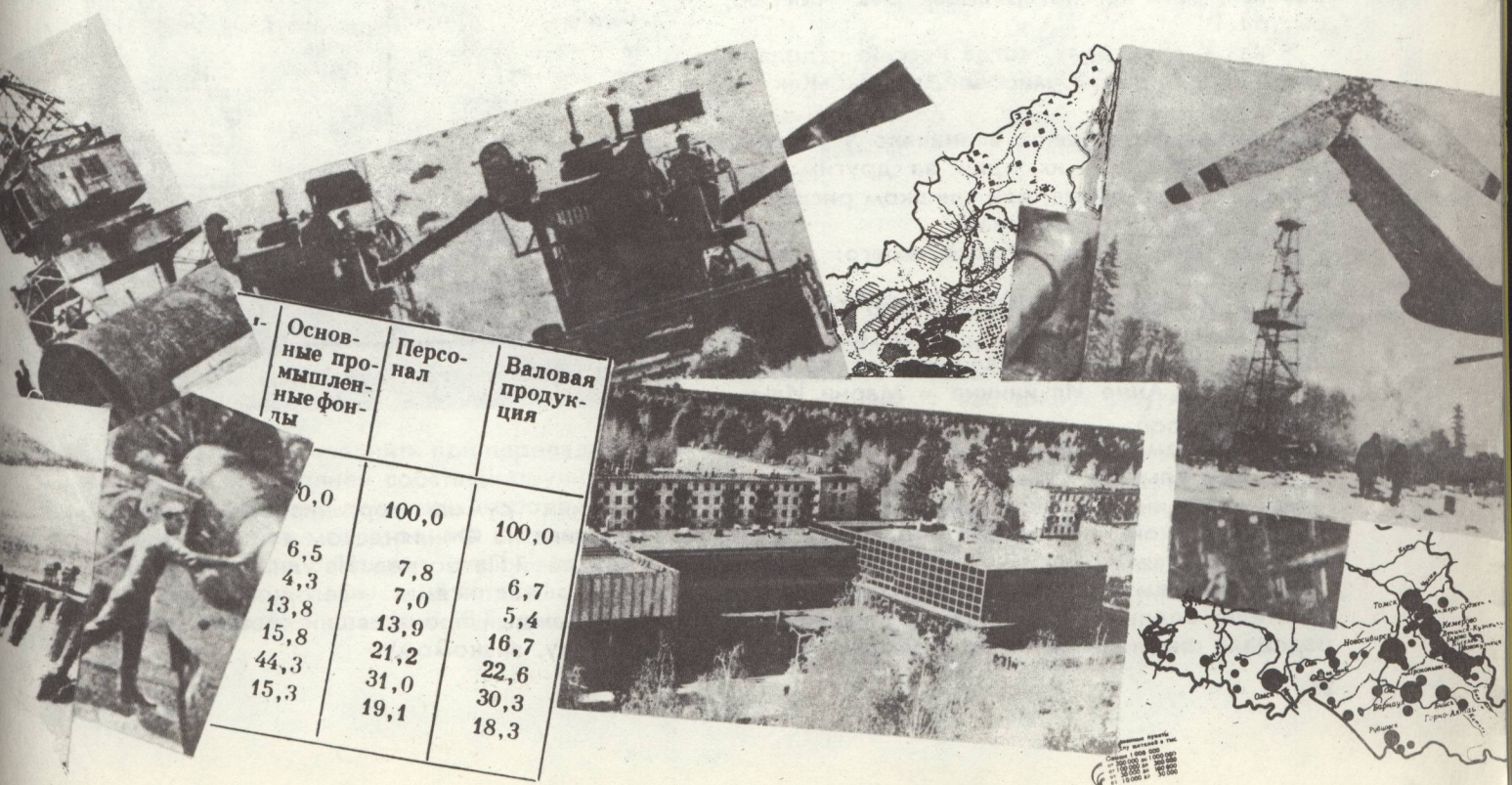
— Никаких, — улыбнулся собеседник, — в этом месте

действительно богатые плодородные земли и климат (его тоже модель учла) прекрасный. И, значит, тут будут расти пшеница, овощи, дыни.

Листаю я модель и удивляюсь, как точно учли ученые все богатства территории. В одном месте советуют добывать древесину, а в другом такие же хорошие леса предлагают оставить, потому что рядом находится город, и люди захотят выехать на природу. Или еще. Месторождения газа находятся в северных районах. Но экономисты, составив модель, увидели, что газ лучше перерабатывать не там, а в более теплых районах, где людям будет жить и работать удобней.

Долго рассказывали мне о своей работе сотрудники Института экономики и организации промышленного производства. Слушая их увлекательные рассказы, я подумала, что это еще и наглядный пример того, как ученые-экономисты помогают рабочим и строителям выполнять задания десятой пятилетки.

Н. ЛИНКО
Оформление
А. Орлова

ТРИ ДОКУМЕНТА

АПРЕЛЬ 1917 года. Кипит Россия!
Уже свершилась Февральская революция. Но до Великой Октябрьской революции — еще более полугода.

3 апреля. Знаменитая речь Ленина с броневика у Финляндского вокзала в Петрограде.

Все вы, ребята, конечно, знаете о ней. Ленин закончил ее вещим пламенным призывом — «Да здравствует социалистическая революция!»

Каждая крупница, каждый, даже самый крохотный, документ тех дней сейчас представляет для нас огромный интерес.

И вот перед нами — три документа. Все три связаны с дорогим нам именем Ленина. И все три относятся к тем дням, к началу апреля 1917 года.

Документ первый: телеграмма.

С этой телеграммой связана интересная история.

Как вы, наверно, знаете, ребята, во время первой мировой войны Ленин жил за границей.

И вот там, в Швейцарии, его и застала весть о Февральской революции.

Ленин сразу заторопился домой, в Россию.

Крупская вспоминала, что Ленин очень волновался, даже сон потерял. Быстрее в Россию, быстрее!

А как — «быстрее», когда Россию отделяли от Ленина фронты мировой войны? Как их пересечь?

Много всяких планов возникало у Ленина, но он отбрасывал их один за другим: все были нереальные, или слишком рискованные, обреченные на провал.

И все-таки Ленин добился своего: поехал в Россию.

Когда поезд прибыл на станцию Торнео в Финляндии (а Финляндия тогда входила в состав России), Ленин и дал вот эту телеграмму сестрам Анне Ильиничне и Марии Ильиничне.

«Приезжаем понедельник ночью. Сообщите „Правду“. Ульянов».

Мария Ильинична сразу направилась в особняк Кшесинской, где тогда помещался боевой штаб большевиков.

Дежурившему здесь Подвойскому, председателю Военной организации большевиков, передала она ленинскую телеграмму.

Сразу возник вопрос: как организовать встречу Ленина, как оповестить людей?

Как назло, день был праздничный (пасха), газеты не выходили, заводы не работали. Но

большевики сумели организовать встречу В. И. Ленина на Финляндском вокзале, оповестив трудовой Петроград. На улицах появились плакаты с надписями: «Сегодня приезжает Ленин». Каждый прочитавший спешил рассказать соседу, знакомому.

Но особенно интересен в этом документе ответ Ленина на вопрос о его профессии. «Журналист», — отвечает Ленин. И вот так, скромно—журналистом, литератором—иногда называл он себя в анкетах и всяких других документах.

Это — опросный лист, заполненный Владимиром Ильичем 2 апреля. Такой опросный

В этом доме, в квартире 24 (ныне в той квартире музей, а улица Широкая носит имя Ленина) и поселились Ленин и Крупская после приезда в Петроград.

В графе «Откуда прибыли» написано со слов сестры Ленина — «Из Москвы». Очевидно, сделано это, чтобы не привлекать излишнего внимания дворника и полиции.

А в графе «На какие средства живет» написано: «Живет капиталом, а его жена — при муже».

Опросный лист

Исследован: Владимир Иванович
 Дата: 31/12 1929

Категория: Купец

Проживание: Купец

Родился: 1870

Место рождения: Владимирская губерния

Образование: Высшее

Служба: В армии

Семейное положение: Женат

Содержание: Купец

Судимости: Нет

Подпись: Владимир Иванович

24	Михайлов Михайлов	Михайлов Владимир Михайлов Жена дворянка	40 л.	принимал
44	Михайлов Михайлов	Михайлов Владимир Михайлов Михайлов Жена дворянка	47 л.	политика полит

И адрес, куда Владимир Ильич направляется, указан тот же, что и на телеграмме: Пет-роград, Широкая ул., дом 48/9, кв. 24, адрес сестры.

Казалось бы, крохотная деталь, а как ярко рисует она Ленина! Его остроумие, всегдашнюю живость ленинской мысли.

Б. РАЕВСКИЙ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 21-й

МИНОНОСЕЦ ВЫПОЛНЯЕТ ПРИКАЗ

Гражданская война... Красная Армия ведет тяжелые бои с белыми и интервентами. В Новороссийск вот-вот должны вступить немецкие полки.

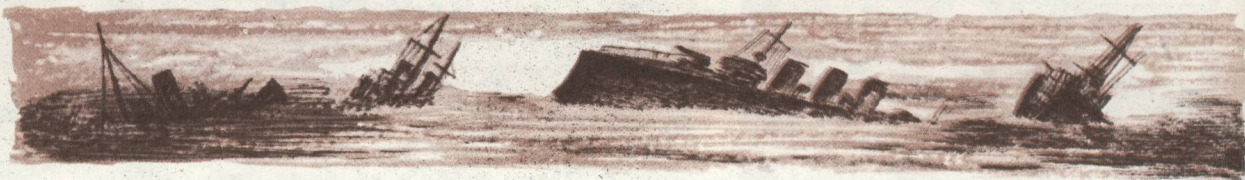
Над Новороссийской бухтой бушует ветер, водяная пыль садится на палубы кораблей, заполнивших бухту. Флот ждет решения своей судьбы...

Когда утих ветер и восстановилась связь с Москвой, телеграф отстукал на бумажной ленте приказ Ленина: корабли в плен не сдавать. Флот потопить.

Солнечным утром на мачтах замелькали пестрые флаги. Корабли поднимали сигналы: «Топиться согласен. „Гаджибей“», «Выполнить приказ отказываюсь. „Воля“». Это сообщались решения матросских митингов. После полудня с рейда ушли те, кто выбрал плен. Молча смотрели им вслед моряки оставшихся кораблей. Когда последний дымок растаял на горизонте, в той же тишине начали отходить от кораблей шлюпки с матросами. Последние из уходящих открывали кингстоны. Они спускались в корабельные трюмы и в темноте, на ощупь находили краны. Тугие струи воды врывались внутрь трюмов. Шлюпки уходили, а миноносцы и крейсера продолжали стоять так же неподвиж-

но, гордо неся на реях кумачовые флаги... Но вот покачнулся один миноносец, опустил в воду низкий нос второй. Медленно осел на корму крейсер.

Корабли не хотели тонуть. Некоторые валились на бок и оставались лежать, касаясь волн верхушками мачт. Другие опускались в воду по самую палубу и продолжали плавать, покачиваясь и гремя якорными цепями. И тогда миноносец «Керчь» поднял сигнал — «Не следовать за мной!». Звякнул машинный телеграф, упали чехлы с торпедных аппаратов. Миноносец развернулся и направился к первому из оставшихся на поверхности кораблей. Это был минный заградитель «Краб». Глухой выстрел, торпеда, оставляя в воде белый пузырчатый след, помчалась к «Крабу». Взрыв, вспышка огня. Черный столб воды и дым... Когда он рассеялся, минного заградителя не было. Один торпедный аппарат за другим разряжал миноносец, все меньше оставалось в бухте кораблей. Когда последний из них скрылся под водой, «Керчь» направилась к выходу в море. У пустынного берега «Керчь» остановилась. Команда покинула ее. Корабль, до конца выполнивший приказ Ленина, тоже погрузился в волны Черного моря...

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

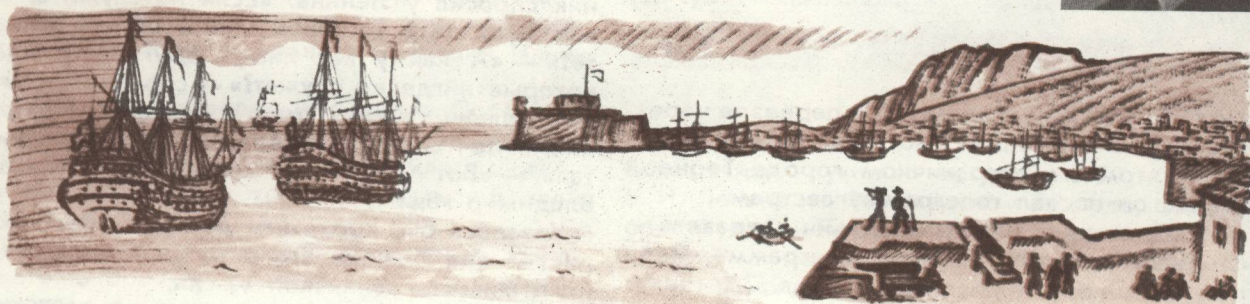

— Что такое «трехмильная зона»?

Женя Тихонов, 4-й класс, Ленинград

Жене отвечает капитан дальнего плавания Петр Петрович Стоферт:

— Трехмильной зоной, Женя, называют прибрежную полосу моря шириной в три морских мили. В XVII и XVIII веках гладкоствольные пушки береговых фортов могли стрелять не далее трех морских миль. Значит, и охранять море от кораблей неприятеля можно было на три мили от берега. Вот и получилось — «трехмильная зона».

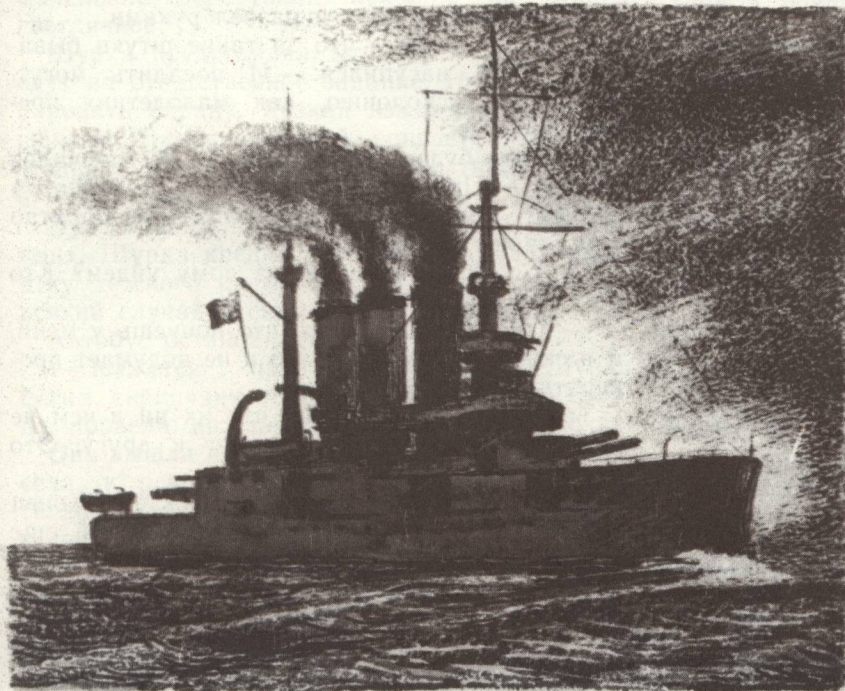
ФЛАГ „ПОТЕМКИНА“

Летом 1905 года на Черном море восстал броненосец царского флота «Князь Потемкин-Таврический». Броненосец был самым сильным кораблем в эскадре. Царь приказал любой ценой расправиться с мятежниками. Но когда эскадра окружила «Потемкин», ни один корабль выстрелить в него не посмел. Напуганные адмиралы поспешили увести эскадру подальше от «бунтовщиков»...

Кончался уголь для топок, не было воды для паровых котлов. От порта к порту метался корабль. Наконец моряки решили: идти за границу и сдать броненосец румынским властям.

Ночью, неподалеку от Констанцы «Потемкин» остановился и погасил огни. Матросы спустили красный флаг с вышитыми на нем словами — «Свобода, равенство, братство». Это было революционное знамя первого восставшего русского корабля. Оно не должно было попасть в чужие руки... Волны моря приняли его.

Олег Орлов

МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ

Недавно мы — курсанты клуба юных моряков «Севастополь» — были на практике на Черном море. Как только прибыли в Одессу, отправились к юным морякам Одесской Черноморской флотилии. Ребята нас приняли очень хорошо. Они показывали нам все кабинеты, в которых занимаются, приборы, оборудование. Были у нас с ними соревнования по строевой подготовке. Потом они показали нам свой город и памятники. Памятник «Революционным матросам» я сфотографировал.

Гена Малахов,
Мытищи
Московской области

ШКОЛА ЮНГ

— Так о чем мы говорили с вами на прошлом занятии? — спросил боцман Румпель. — Ах да, как моряк может обойтись без уключин... Ну, для настоящего моряка это не проблема...

И боцман живо набросал мелом на доске вот такой рисунок.

— А теперь, — продолжал боцман Румпель, — ответьте-ка мне на такой вопрос: «Когда лучше действует руль: на малом или полном ходу судна, при движении против течения или по течению?»

И снова все юнги «Морской газеты» с заданием справились. А вы, юные моряки?..

Ответы присылайте в адрес ШКОЛЫ ЮНГ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ».

ЖИЗНЬ МОРЕ

Редная рыба

Советские ученые выловили в океане удивительную рыбу. Глаза у нее — на длинных стебельках и могут видеть, что делается со всех сторон. Плавает эта рыба в вертикальном положении, головой вверх. Обитает на больших глубинах. Название рыбы — стулефорс. Встречается стулефорс очень-очень редко.

ГОНОРАР ЗА ЭТОТ ВЫПУСК „МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕРЕДАЕТСЯ В ФОНД СТРОИТЕЛЬСТВА ДВОРЦА ПИОНЕРОВ В ХАНОЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЛЬИНКУ

Александр ТОЛСТИКОВ

Рисунки А. Сколзубова

РАССКАЗ

Шурка был белобрысым и вертлявым. Лицо у него в рыжих конопушках, будто высыпали пригоршню пшена и оно прилипло. Вечно он что-нибудь придумывал и попадал в неприятные истории.

Иван был не такой сообразительный, думал медленно и туго, но это не мешало ему дружить с Шуркой. Зато силы у него на четверых. Грудь Ивана, как у штангиста — квадратная.

Оба они учились в одном и том же шестом классе, сидели на одной парте.

Шурке первому пришла мысль отправиться летом в путешествие.

Он начертил на бумаге маршрут. Контуры маршрута напоминали морду носорога.

— Покупаем лодку и плывем. Из Донца в Дон, потом — Азовское море, Керченский пролив — и мы в Черном море!

— А где мы возьмем лодку? — спросил недоверчивый Иван.

— Лодочную станцию в Ильинке помнишь?

— Помню.

— Лодок там видимо-невидимо. Вечером садимся на автобус — и в Ильинку. Дождемся темноты и, когда никого вокруг не будет, столкнем лодку в воду и айда! За ночь про-

плывем по течению километров тридцать. Вытащим на берег, замаскируем в лесу и будем ждать лета. Когда придет время — не хотите ли прокатиться?

Шурка поклонился и развел руками.

— А ты знаешь, что за такие штуки бывает? — Иван насупился. — И посадить могут. В трудовую колонию, как малолетних преступников.

— Это будет не воровство, — горячился Шурка. — Просто возьмем на время, а потом вернем, понимаешь? Пригоним ее обратно и поставим на место.

— А как мы на ночь из дому уйдем? Кто нас одних отпустит?

— Ты скажешь своим, что ночуешь у меня, а я скажу — у тебя. Никто и не подумает проверять.

Так счастливо совпало, что их ни в чем не заподозрили и отпустили друг к другу. Это была первая удача.

И вот они уже стояли на автовокзале. Конец марта, снега почти нет. А тот, который еще остался, лежал на земле синими ноздреватыми лепешками и медленно умирал. В воздухе висели чернильные сумерки.

На остановке ждали автобуса несколько пожилых женщин с мешками, сетками, зелеными ведрами.

Шурка ответил Ивану в сторону и шепотом предупредил:

— Про лодку — ни слова. Не исключена слежка.

— Кто следит? — изумился Иван. — Что ты выдумываешь?

— А я тебе говорю, могут следить, — настаивал Шурка. — Если кто спросит, куда едем, имей в виду — к родственникам. К тете Вале и дяде Сереже. Понял?

Поехали. Маленький автобус тархтел и подпрыгивал, как телега. Скоро исчезли огни города, дорога потянулась через поля и окрестные рощицы, только изредка показывались маленькие деревушки, похожие на стайки светлячков.

Шурка представлял, что они разведчики и едут на ответственное задание. Нужно ликвидировать охрану. Резкий взмах, и нож, брошенный Шуркиной рукой, вонзается часовому в спину. Задание выполнено блестяще. Шурку и Ивана награждают...

Представляя подробности будущей «операции», Шурка крепко сжимал в кармане рукоятку детского пистолета, он захватил его на всякий случай и скрывал от Ивана.

Автобус остановился.

— Кажется, приехали, — сказал Шурка сухим, скрипучим голосом. Во рту у него словно провели наждачной бумагой — пересохло.

Они вышли из автобуса и поплелись в конец села, к реке. Совсем стемнело. Днем было тепло, снег таял на глазах, а сейчас резко и неожиданно похолодало, лужицы затянуло тонким ледком, и он лопался под ногами.

Улица убегала вниз. Уютно светились окна, где-то брехала собака, ветерок разносил съестные запахи.

Метров через двести друзья остановились. Услышали, как затархтел мотор, зафыркал, лязгая железками, и звук этот постепенно делался все тише и тише, пока совсем не растаял. Автобус укатил в город. Последний. Вокруг чужое село, холод, а впереди — ночь.

На берегу — ни души. Тихо плещется черная вода. Стало еще холоднее, пошел мелкий снег, тонко засвистел ветер, закрутил белую крупу, швыряя в лицо.

Лодок и в самом деле видимо-невидимо. Солидные баркасы, перевернутые вверх дном, шлюпки, плоскодонки. Лодки деревянные, металлические, пластиковые. Узкие, как щучки, челноки — суденышки легкомысленные и неустойчивые. Метрах в тридцати от берега светился внимательный глаз сторожки. Избушка на курьих ногах.

— Лодки привязаны, — объявил Шурка. — Будем искать непривязанную. Только тихо. И на сторожку поглядывай.

— А ты говорил, сторожа ночью спят, — прошипел Иван. — Не будет он спать, я тебе точно говорю.

Осторожно, на корточках, переползали от одной лодки к другой, но все они были намертво прикованы толстыми цепями.

— Ложись! — вдруг испуганно сказал Шурка. — Кажется, сторож.

Они упали и вдавились животами в снег.

Иван слышал, как глухо бухает у него сердце, колотится о ребра, со страху хочет выскочить.

«Поймают!» — с ужасом думал он. Ему впервые стало по-настоящему страшно. Он представил себе, как их ведут под конвоем в милицию, как в школе потом будут дразниться и кричать: «Иван вор! Иван вор!» Отец скажет: «Мой сын — негодяй». Мать будет плакать и говорить: «Как его воспитывать? Разве я для него не стараюсь, не работаю день и ночь, а он что вытворяет? Он меня в могилу загонит!»

Однако Шурка, видимо, ошибся — сторожа не было.

Ветер уже не посвистывал тихонько, а выл, как затравленный волк. Он буйно гулял по улицам, злобно стучал в окна и двери, но его не пускали, и он летел дальше, гнул деревья, ухал в печках, как домовый, на мгновение затихал, притаившись, и с новой силой обрушивался на село.

Валил снег. Все стало мертвенно-белым, и эта белизна, и этот ветер нагнали такого страха на приятелей, что им сразу же расхотелось путешествовать. Они ползали по берегу и окоченевшими руками дергали цепи, проверяя, привязана лодка или нет?

У Шурки в голове крутилась одна-единственная мысль: «Лишь бы не найти, лишь бы не найти...».

Он даже боялся подумать, что будет, если они найдут лодку. Плыть? По этой черной холодной воде много километров? А вдруг лодка перевернется? Никто не услышит, кричи не кричи.

И Шурке так стало жалко себя, что если бы не друг, лег бы сейчас в снег и завыл от тоски. Он знал — если они найдут лодку, придется плыть. Отказаться — значит раз и навсегда опозориться перед Иваном. Скажет — труп.

Они уже потеряли счет времени. С трудом передвигали задубевшие ноги и непрерывно дышали в ладони — пытались согреться.

Оставалась последняя лодка. Шурка дернул цепь, и она спокойно подалась, выползла из-под снега, извиваясь, как гадюка. Шурка покосился на Ивана — заметил или нет? Если не заметил, можно сказать, что лодка привязана — и делу конец. Но Иван увидел.

— Отвязана, — обреченно выдавил Шурка.

Они сели у этой злополучной лодки, прижались друг к другу и замолчали. Никто не решался заговорить первым. Шурка мог сказать только одно: «Ну что, поплыли?» Он знал — Иван ждет этих слов, но никакая сила не могла бы сейчас заставить Шурку открыть рот.

А Иван про себя уже твердо решил отказаться от этой затеи, но боялся — Шурка или засмеет, или обругает. Или еще хуже — поплывет один.

И тут впервые в жизни, несмотря на то, что Иван всегда туго и медленно соображал, ему пришла в голову спасительная мысль.

— Давай зайдем в сторожку и скажем, что опоздали на последний автобус, а ночевать нам негде. Согреемся, а ночью, когда сторож заснет, выйдем и поплывем.

И подумал: «Только бы в сторожку зайти, а там видно будет. Ляжем спать, а если Шурка захочет снова идти, я его не пушу».

— Пожалуй, ты прав, — равнодушно сказал Шурка, но в душе страшно обрадовался.

В избушке горел свет. Иван робко постучал.

— Стучи сильнее, — приказал Шурка. — Не слышно.

Дверь не открывали.

Неожиданно свет в окне погас и в сенях послышались звуки, похожие на всхлипы.

— Откройте! — громко крикнул Шурка. — Мы опоздали на последний автобус!

— Нам негде ночевать, — добавил Иван. — Мы замерзли!

Возня за дверью прекратилась.

— А вы не воры? — спросил тоненький плачущий голос.

— Девчонка! — изумился Шурка.

— Мы не воры, — доказывал Иван. — Мы школьники.

— Мне мамка не велела открывать, — пропичало за дверью.

— А где твоя мамка? — обозлился Шурка. — Пусть она сама подойдет, люди ведь замерзают.

— Я за нее. Мамка заболела, дома лежит.

Они умоляли, требовали, канючили, грозили замерзнуть.

— Поклянитесь, что вы не воры!

— Клянемся!!

Дверь открылась. Избушка была завалена вёслами, кучами серых пенопластовых поплавков, на стенах висели рыбацкие снасти — сети, бредни, стояли бочки с варом, валялись обрезки досок. Сети не потеряли за зиму сильный, острый запах рыбы. В сторожке стояла тропическая жара. В печке кричали поленья, шипел и плевался алюминиевый чайник. На широком деревянном топчане грудой лежали фуфайки, возле окошка примостился хромо́й некрашеный столик.

Хозяйке избушки было лет десять. На ногах — громадные рябые валенки, и она ходила в них как утка, переваливаясь. Бесцветные волосы были взъерошены и торчали, как пучок соломы.

— Здравствуйте, — сказал Шурка. Иван неловко потоптался на месте и шмыгнул носом.

— Здравствуйте, — ответила хозяйка и посмотрела на мокрые башмаки приятелей. Там, где они стояли, уже образовалась лужа. Пальто, штаны, шапки — все было мокрым.

— Тебя как зовут? — спросил Шурка, чтобы нарушить молчание.

— Анька.

— А меня Александр. — Шурка кивнул головой на друга и добавил: — Это мой товарищ, Иван.

Анька пригладила волосы, заковыляла к топчану. Сдвинула в сторону фуфайки.

— Садитесь, гостями будете.

Она отошла в сторону и настороженно смотрела, как друзья усаживаются, оставляя на полу грязные следы.

— Понимаешь, приехали... — неуверенно начал Шурка, видимо, уже сочинив в уме какую-то историю.

— Ты нас не бойся, — ляпнул Иван. — Мы не воры, приехали, ну, и опоздали на последний автобус...

Объяснение Ивана, как ни странно, успокоило Аньку. Шурка с облегчением вздохнул — хоть врать не нужно.

— Раздевайтесь, — деловито сказала Анька. — Сейчас сушиться будем.

Она брякнула на приступок печи несколько поленьев и аккуратно разложила мокрые носки. Пальто и шапки повесила на два ржавых гвоздя, вколоченных в бревенчатую стену вместо вешалки.

От печки тянуло жаром. Шурка с Иваном забрались на топчан с ногами и блаженствовали. Только что чуть было не замерзли, ползали по снегу, как дураки, а сейчас тепло, уютно и пахнет здорово — сухим деревом и сетями. Настоящая рыбацкая хижина, такие вполне могут быть на неведомых островах Тихого океана. Плохо одно — сильно хотелось есть.

Анька сняла с печки чайник, поставила на стол две кружки и стакан. Потом она поворобыному согнула голову, протянула руки к столу и пропела:

— Пожалуйте ужинать.

На столе появилась заварка, черствый хлеб и желтый кусок сала с налипшими на него крошками. Пока путешественники яростно уничтожали сало, запивая чаем, Анька ходила от одного к другому, как старушка, покачивала головой и приговаривала:

— А проголодались-то, проголодались...

Она вела себя как настоящая хозяйка. Подливала в стаканы чай, ощупывала носки — высохли? Взяла веник и подмела пол. Сначала она почти не разговаривала, и Шурка с Иваном всячески старались ее развеселить. Иван подошел к бочке с варом, обхватил ее руками и, поглядывая на Аньку, приподнял.

— Ого! — удивилась Анька.

Шурка разложил на топчане фуфайку и провозгласил:

— Фокус-покус!

После этого он встал на голову, Анька засмеялась.

— А что с твоей мамкой? — спросил Шурка. — Чем она заболела?

— Простыла, наверно. Мамка у меня часто болеет.

Иван о чем-то сосредоточенно размышлял. Лоб у него собрался в гармошку, толстые губы шевелились.

— Ты что, одна с мамкой живешь? А где отец?

— Помер, — без выражения ответила Анька. — В речке утонул.

— А если лодку украдут? Нужно же сторожить, а ты сидишь здесь!

— Боюсь, — Анька жалобно посмотрела на Ивана.

— Так у тебя вон ружье висит, — приставал Иван. — С ружьем ведь не страшно.

— Оно не стреляет. Веревочками связано.

— Отстань от нее, — сказал Шурка. — Я сейчас схожу проверю.

— И я с тобой, — буркнул Иван.

— Не надо. Сам справлюсь.

Шурка напялил фуфайку, немного подумал и снял со стены ружье.

— Оно не стреляет, — повторила Анька.

— На всякий случай. — Шурка решительно сдвинул брови, стараясь придать лицу мужественное выражение. — Попугать можно.

Он вышел на улицу. Стало потише, ветер почти исчез. Шурка решил обойти все лодочное хозяйство из конца в конец. На берегу пустынно. Какие тут могут быть воры! Кому взбредет в голову ночью воровать лодку?

Шурка шел неторопливо, по-хозяйскиправляя на плече ружье, с сознанием собственной важности и нужности. Ему сейчас хотелось встретиться с настоящими ворами, стрелять, бороться, отнимать нож и, истекая кровью, все-таки задержать преступников. Шурка был настроен так решительно, что если бы сейчас встретил вора, тому наверняка бы несдобровать.

Но воров, как на грех, не было. Шурка повернул обратно. И тут послышался шорох. Он доносился из-за огромного пузатого баркаса и так отчетливо, что сомнений быть не могло — там кто-то есть!

Шурка замер и стал прислушиваться. Шорох повторился, и сейчас уже гораздо громче. Шурка почувствовал, как ему стало жарко. У него затряслись руки. Воры!

Он так перепугался, что не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Первой его мыслью было — присесть и затаиться.

А за баркасом уже шуровали вовсю. Там что-то скребли, кто-то вздыхал, и Шурка отчетливо слышал чей-то шепот.

— Руки вверх! — заорал Шурка, пугаясь своего крика, и от страха крикнул еще громче: — Руки вверх, говорю!

Шорох прекратился.

— Выходи, — прошептал Шурка. — Стрелять буду.

Никто не выходил.

— Последний раз говорю, — плачущим голосом проныл Шурка, — выходи, позову милицию.

«Что я плету, — пришло ему в голову, — откуда здесь милиция?»

Из-за баркаса выбежала собака. Обыкновенная черная дворняга с обрубленным хвостом. В зубах она бережно несла обглоданную кость.

...В избушке на курьих ножках стояла теплынь. Иван сидел на топчане, Анька примостилась рядом и тоненько пела:

*Береза — белая подруга весенних зорь,
Прозрачных дней,
Скажи, скажи, какая вьюга,
Скажи, скажи, какая вьюга
В тебе оставила свой снег...*

Шурка разделся, повесил ружье на гвоздь и кратко сказал:

— Порядок. Воров не предвидится.

СТРАНИЦЫ
ПОБЕД
ОКТАБРЯ

„Мы должны иметь новую техническую базу для нового экономического строительства. Этой новой технической базой является электричество. Мы должны будем на этой базе строить все“.

В. И. ЛЕНИН

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА О ПЛАНЕ ГОЭЛРО

Художник Л. Шматько

ОТ КАШИРЫ ДО САЯН

ИЗ ВЕЛИКОЙ ЛЕТОПИСИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СССР

НАЧАЛО, 6000 КИЛОВАТТ

На развалинах царской России родилось новое государство — Россия социалистическая. Уже тогда, на заре советской власти, Владимир Ильич Ленин сквозь дым пожарищ, голод, разруху видел, как из руин встает новая Россия — Россия будущего, Россия электрическая.

В начале марта 1919 года Владимир Ильич приглашает в свой кремлевский кабинет видного большевика Георгия Дмитриевича Цюрупу и предлагает возглавить строительство Каширской электростанции. В. И. Ленин говорит: чтобы сдвинуть с мертвой точки отсталую промышленность,

патриархальное сельское хозяйство, парализованный транспорт, нужен архимедов рычаг. И этим архимедовым рычагом может быть только электричество.

«Середина марта 1919 года. Страшно неловко беспокоить вас, Владимир Ильич, но ниче-

го не сделаешь — придется просить, чтобы не мобилизовывали на фронт хотя бы наиболее квалифицированных рабочих...»

«Сентябрь 19-го года. Все чаще и чаще вспоминаю слова Ильича о том, что будет очень

трудно. Все снова и снова вижу его усталые, покрасневшие глаза, ощущаю крепкое пожатие руки и предупреждение: «И чтобы потом не хныкать!» Хныкать некогда, Владимир Ильич...

Июль (1921 года). Очертания

того, что называется Каширской районной электрической станцией, незаметно для глаза становятся все более определенными...»

Из дневника
главного инженера
Каширстроя Г. Д. Цюрупы

«КАШИРСКАЯ СТАНЦИЯ ОТКРЫТА. ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ ЗАЛОЖЕН. ТЫСЯЧИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ШЛЮТ СВОЕМУ ВОЖДЮ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ!»

Текст телеграммы 4 июня 1922 года
Владимиру Ильичу Ленину

«...Был у Владимира Ильича. Разговор, продолжавшийся несколько минут, решил дело. Будем строить Волховскую станцию! Это были замечательные минуты. Я впервые увидел того гениального пролетарского вождя, видящего далеко впереди себя, бесстрашного и хладнокровного...

Правительство отпустило первые средства. И стройка началась».

Г. ГРАФТИО,
профессор

«Днепрострой по-современному механизирован... На стройке работает 60 паровозов, 12 паровых и электрических экскаваторов, 30 «индустриалов» — паровых сорокаторных кранов, 17 стационарных подъемных кранов, тяжелые буровые станки...

«Единственный выход — пригласить американцев», — считали некоторые инженеры.

Начальник строительства Александр Васильевич Винтер сразу отверг это предложение.

— Вздор, — отрезал он. — У нас есть прекрасные машинисты и механики! Будем их учить! Нам не одну эту станцию строить, нужны свои, а не американские мастера».

Н. А. ФИЛИМОНОВ,
Герой Социалистического Труда

«На пирамиду Хеопса, которую строили долгие годы десятки тысяч рабов, ушло около трех миллионов кубометров камня, а Куйбышевгидрострою понадобилось в пять раз больше!

Замечу, кстати, что ни один кубометр не был добыт ручным способом. В каменных карьерах и на камнещебеночном заводе с самого начала действовали первоклассные механизмы».

И. В. КОМЗИН,
Герой Социалистического Труда

«...Пульс страны четче всего прослушивается там, где проходят новые стройки... Здесь про-

является героизм молодежи, ее самоотверженность и готовность отдать все силы любимой Родине.

Нам было трудно, как всегда бывает первооткрывателям. Были сумасшедшие морозы, и не было жилья, были гнус и тайга, но была воля, стойкость и желание победить. И мы победили...»

Б. ГАЙНУЛИН,
бригадир бригады
коммунистического труда
Братской ГЭС

«...Как память о подвигах Александра Матросова, Зои Космодемьянской живет в наших сердцах, помогая нам в борьбе, так и героические дела первых покорителей Енисея, мы уверены, будут вдохновлять вас на новые трудовые дерзания».

Из открытого
письма строителей
Красноярской ГЭС
к потомкам,
к тем, кто будет праздновать
столетие Великого Октября

САЯНО-ШУШЕНСКАЯ ГЭС, 7 200 000 КИЛОВАТТ

«Через руки Владимира Ильича проходит множество материалов, связанных с планом ГОЭЛРО. Ленин делает замечания, вносит поправки. В окончательном варианте плана Владимир Ильич читает: «А в Сибири принимается во внимание только ее западная часть...»

Но Ленин делает поправку. Он вставляет в текст одно короткое слово: «пока». И оно придает совсем другое звучание и смысл строкам плана, посвященным Сибири...

...Крестьяне Шушенского предложили на сельском сходе увековечить память вождя — построить на Шуше гидростан-

цию и назвать именем Ленина. В Москву были посланы ходяки. Но вернулись они домой ни с чем. Не могла страна в ту пору построить даже на скромной Шуше гидростанцию.

Теперь на Енисее, выше по течению от села Шушенского, сооружается крупнейшая в мире гидростанция».

Ю. ГРИГОРЬЕВ,
директор
института Ленгидропроект

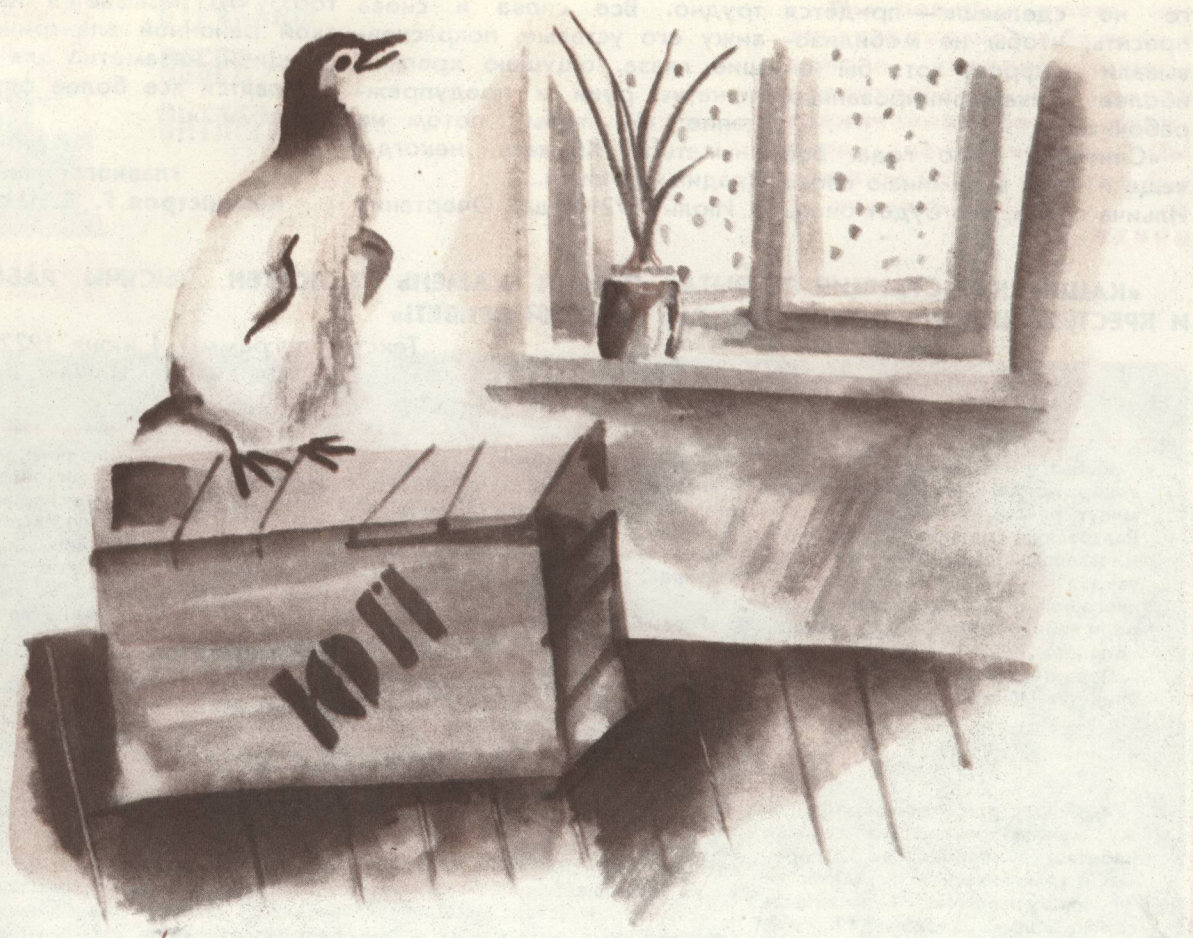
«У подножья изогнутой в плане как лук плотины расположится здание ГЭС. В нем будут установлены десять гидроагрегатов. Таких машин,

каждая из которых равна по мощности всему Днепрогэсу, нет пока в мировой практике».

С. САДОВСКИЙ,
начальник
строительства
Саяно-Шушенской ГЭС

«Все мы преисполнены решимости как можно быстрее создать ГЭС, которая явится великим памятником Владимиру Ильичу Ленину, мечтавшему здесь о России, залитой огнями электростанций».

В. ПОЗНЯКОВ,
руководитель бригады
имени Юрия Гагарина
на строительстве
Саяно-Шушенской ГЭС

ПИНГВИНЁНОК

ПОВЕСТЬ

Л. СЕМЕНОВ-СПАССКИЙ

Рисунки С. Острова

МАК-ГОРН

Через несколько дней американский полярный самолет «Геркулес», летящий с Южного географического полюса, изменил курс и приземлился на ледяном плато рядом с советской станцией. Американцы захватили с собой Спаркса и улетели на Моусон. Они хотели взять и профессора, но Олег Иванович воспротивился. Мак-Горн был слаб и нуждался в строгом постельном режиме.

— Хорошо, — согласился командир самолета, выслушав Олега Ивановича. — Пускай остается у вас до полного выздоровления. Я так и передам господину Лоу. — Он похлопал доктора по плечу и подарил ему на прощание авторучку с незамерзающими чернилами. Потом сфотографировался на память вместе

с Пиней и Парамоном и увел свою тяжелую машину в небо.

Несмотря на все старания врача, Мак-Горн выздоравливал медленно — сказывался возраст и суровость антарктического климата, да и ранение оказалось серьезнее, чем предполагал вначале Олег Иванович.

Когда Анджей и Олег Иванович уходили из дому, ящик с Пиней выносили из тамбура и ставили около койки, чтобы Мак-Горн не скучал и не чувствовал себя одиноким в доме.

А профессор и не думал скучать. Он был человеком веселым и словоохотливым и никогда не говорил о своих болезнях. Посадив пингвиненка на грудь, Мак-Горн рассказывал ему всякие забавные истории из своей жизни или напевал вполголоса старинные австралийские песни.

Окончание. См. «Костер» № 3, 1977 г.

Пиня внимательно слушал Мак-Горна, поглядывая в окно на белый припай и голубые айсберги. Иногда он покачивал головой и взмахивал крыльями.

— О! Я вижу, тебе интересно! — всякий раз улыбался Мак-Горн и, довольный, потирал руки. — Ты любознательнее моих оболтусов-студентов, и это весьма похвально.

Когда пингвиненку надоедало неподвижно стоять на груди Мак-Горна, он начинал прогуливаться по кровати или норовил примоститься на ноге, закованной в гипс. Может быть, белый цвет гипса напоминал ему лед?

За окном был сентябрь — первый весенний месяц в Антарктиде, но об этом, наверное, знали только люди да крупная луковица, плавающая в стакане с водой. Когда стакан поставили на подоконник, луковица выбросила нежно-зеленые побеги и прижалась ими к стеклу.

— Вот это да-а! — восхищенно протянул Коля и потрогал зеленые стрелки лука. — Вот это красота! Вернусь в Ленинград, обязательно начну лук выращивать.

Мак-Горн рассмеялся. Мелко затряслась его седая борода.

— Забудешь, Коля. Приедешь домой, увидишь высокую траву, листья на деревьях, цветы на клумбах и забудешь о скромной луковице.

Пиня взобрался на подушку и запищал, запрокидывая голову и разевая клюв.

— Вот и проголодался, — ласково проговорил Мак-Горн. — Неси фарш, Коля.

Поев, пингвиненок успокоился и, вобрав голову в плечи, заснул. Его не интересовал разговор людей о травах и листьях. Ни он, ни его предки-пингины не знали, что это такое, потому что нет в Антарктиде ни травы, ни листьев, и зеленым бывает только полярное сияние, вспыхивающее по ночам в черном небе.

Пингвиненок спал крепко и не услышал, как в лазарет ввалился громоздкий Михал Михалыч.

Станционный повар навещал Мак-Горна ежедневно.

— Мистер Майкл! Рад видеть вас! — Мак-Горн долго тряс руку Михал Михалыча. — Как дела у нас? Каков аппетит у зимовщиков? Никто не похудел?

— Что придумаем на завтра, товарищ профессор? — деловито осведомился повар, доставая из кармана блокнот и огрызок карандаша.

— Шашлык, дорогой мистер Майкл! Отличное блюдо! — Мак-Горн зажмурил глаза и покачал головой. — Когда я был в вашей стране, мои русские коллеги угощали меня шашлыком.

— Шашлык по-карски или по-черкесски? — уточнил Михал Михалыч, присаживаясь на краешек стула и раскрывая блокнот.

— Шашлык по-антарктически. Звучит?

— Я участвую в жизни советской полярной станции как составитель меню, — шутил Мак-Горн, — и, значит, я не бездельник. Это здорово меня утешает.

По вечерам все жильцы медицинского домика собирались у койки больного. Олег Иванович играл с Мак-Горном в шахматы. Анджей, сидя за столом, разглядывал под микроскопом бактерии, выращенные в чашках Петри, и делал записи в тетради. Парамон лежал на коврике у кровати и прислушивался к разговорам, наострив уши. Пиня сидел в ящике, изредка попискивал, чтобы обратить на себя внимание.

Особенно уютно было в домике, когда за окнами завывала пурга и сухо шелестел по стенам снег, взметенный ветром. В такие вечера время тянулось медленно. Люди молчали, прислушиваясь к голосам метели, и вспоминали далекую родину. Анджей — Варшаву, Олег Иванович — Ленинград, Мак-Горн — Хобарт. Когда метель ненадолго, всего на минуту-другую, стихала, в комнате было слышно, как сами с собой разговаривают ходики, висящие на стене.

— Тик-тик, — говорили они. — Так-так...

На двадцатые сутки Олег Иванович разрешил своему пациенту вставать и ходить на костылях по комнате.

НА ПРИПАЕ

Из отрезка трубы, двух металлических полос и старого плетеного кресла, бог весть как попавшего на полярную станцию, Коля смастерил для Мак-Горна финские сани. Одевшись потеплее, громко стуча костылями, Мак-Горн выбрался на крыльцо. Уселся в кресло и отправился на прогулку по поселку.

— Сначала на радиостанцию, — попросил он Колю. — Мне необходимо связаться с Моусоном.

Переговорив со своими, Мак-Горн решил осмотреть Изумруд.

Держась за спинку кресла, Коля лихо подкатил сани к домику, на дверях которого был нарисован пингвин, пожимающий лапу белому медведю.

— Наша кают-компания.

— А что означает этот рисунок?

— Связь двух полюсов: Северного и Южного, — гордо ответил Коля. — Ведь советские полярники работают не только в Антарктике, но и в Арктике.

— О-о, да, да!.. Мистер Майкл! — позвал Мак-Горн и постучал костылем по гофрированной стене дома.

Тотчас же на крыльце появился Михал Михалыч в белой куртке и поварском колпаке. Казалось, он стоял за дверью и ждал.

Следующую остановку сани сделали у небольшого щитового домика, по самые окна вросшего в снег. Над плоской крышей домика торчала жестяная труба.

— Наша баня. Мы здесь моемся и стираем белье. Как только доктор снимет гипс, я поведу вас в баню. У нас и парилка есть, и веники березовые.

— Баня — хорошо! — сказал Мак-Горн.

На краю поселка темнело длинное приземистое строение. Оттуда доносился ровный стук двигателя.

— Дизельная электростанция.

От дизельной двумя шеренгами шагали к домам столбы. Крупный иней покрывал провода и темные чашечки изоляторов.

Коля и Мак-Горн обогнули электростанцию и выехали на покатый берег. На сколько хватало глаз, белел припай. Тут и там на льду чернели фигурки пингвинов.

Прямо в берег упиралась неширокая трещина. Издалека она напоминала черную кривую молнию, застывшую на льду.

— Коля, найдется ли на станции катушка суровых ниток, тонкая стальная проволока, напильник и плоскогубцы?

— Конечно! А зачем вам?

— Завтра узнаешь. А сейчас — домой! Что-то нездоровится мне. Устал.

Из-за мыса показался Анджей, Олег Иванович и гидролог Щекин. Они несли на плечах длинные ледовые буры, поблескивающие на солнце, словно пики.

Анджей и Щекин остановились около трещины и о чем-то заспорили, а Олег Иванович поднялся на берег.

— Как погуляли? — спросил он, перебрасывая бур с одного плеча на другое. На лбу его поблескивали крупные капли пота и, скапываясь, замерзали в густых бровях.

— Просто великолепно!

— Отныне будете прогуливаться ежедневно. Вам необходим свежий воздух. Никакие лекарства не заменят его. Через недельку-другую сниму гипс и заставлю вас передвигаться без костылей.

Они вместе отправились в кают-компанию. Михал Михалыч покуривал на крыльце и о чем-то вполголоса беседовал с Парамоном, развалившимся на ступеньках. Парамон внимательно слушал повара и повиливал пушистым хвостом.

— Опаздываете, товарищи, — проворчал Михал Михалыч. — Обед стынет. Начальнику на вас жаловаться буду.

На следующий день после завтрака Мак-Горн и Коля отправились на припай. На коленях профессора важно восседал Пиня. Впереди бежал Парамон и, оглядываясь, повиливал хвостом.

Спрессованный ветрами и морозами снег был тверд, как лед. Он громко шуршал под полозьями.

Утро было тихим, солнечным. Над трещиной поднимался легкий парок и нехотя таял в морозном воздухе. Где-то в отдалении тихо потрескивал лед.

Из стальной проволоки Мак-Горн накануне выгнул рыболовные крючки, заострил их и выточил напильником бородки. Выстругал из дерева короткие удилища и привязал к ним суровые нитки. Получились удочки для подледного лова.

Сани скользнули по пологому берегу и выкатились на припай.

Трещина была узкой. Ее без труда можно было перешагнуть. Лед на разломе отливал купоросной синевой. Вода внизу казалась черной и тяжелой.

Мак-Горн ссадил пингвиненка, наживил кусочком мяса крючок и опустил леску в воду.

Пиня вперевалячку прогуливался вдоль трещины и с любопытством поглядывал вниз, на воду. Он впервые видел воду и не знал, что это такое, хотя вода пахла чем-то знакомым. Запах этот будоражил пингвиненка. Он завертел головой, замахал крыльями и несколько раз тревожно прокричал. Парамон с удивлением поглядел на него, широко зевнул, свернулся на льду клубком, прикрыл нос пушистым хвостом и вскоре захрапел.

— Что-то не клюет, — Коля подавил зевок, подергал удилище.

Леску Мак-Горна стронуло и плавно повело в сторону. Он ловко подсек и осторожно выудил из трещины рыбу.

— Типичный представитель подводной антарктической фауны, — сказал он, — трематомус Борхгревинка.

Рыбешка оказалась невелика: сантиметров пятнадцать в длину. У нее была крупная голова и широко растопыренные плавники.

— Теперь дела пойдут, — Мак-Горн протянул рыбу пингвиненку, раскрывшему клюв.

— Неужели проглотит?

Пиня проглотил рыбку мгновенно и снова раскрыл клюв, наступая на Мак-Горна.

— Терпение, мистер, терпение! — засмеялся Мак-Горн.

Но ждать пингвиненку не хотелось. Он недовольно пищал, запрокидывая голову, и разевал клюв еще шире.

Следующую рыбку поймал Коля. Пиня проглотил и ее. Он съел и третью, четвертую, пятую...

— Ну и обжора! — удивлялся Коля и покачивал головой. — И куда влезает только?

Пингвиненок раздулся и сразу сделался неуклюжим, медлительным и чем-то отдаленно напоминал огромную грушу.

— Как бы не перекармить его?! — беспокоился Коля. — Как бы заворот кишок у него не случился?!

— Не следует волноваться. Ничего с ним не случится. Пингвины, как известно, наедаются на два, а то и на три месяца вперед.

Поклевки неожиданно прекратились.

— Наверное, ушел косяк, — предположил Мак-Горн, машинально подергивая удилище и глядя на солнце, карабкающееся в зенит. — Который час? — спросил он.

— Одиннадцать ровно. Время есть — поры-

балим еще. Мне на метеоплощадку к двенадцати.

Пине надоело ждать, и он отправился к айсбергу, недалеко от которого прохаживались пингвины. Отойдя метров сто от трещины, пингвиненок оглянулся и прибавил шагу...

...В ту ночь в медицинском домике долго не могли уснуть. Лежа в постелях, люди вслу-

шивались в тишину за стенами, надеясь уловить легкое шуршание снега под лапами пингвиненка. И луковица, казалось, тоже прислушивалась вместе с ними, припав к стеклу своими тонкими стрелками. Молчали на стене ходики — их забыли пустить. Не капала в ручкомойнике вода, только изредка вздыхал в тамбуре Парамон.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй, Митька!

Вот какие у нас дела: пропал Пиня.

Он уходил все дальше и дальше от берега. — Кия! — жалобно звал он. — Кия!..

Обогнул айсберг и увидел с десяток взрослых птиц. Выстроившись в затылок друг другу, пингвины важно шествовали по льду к айсбергу. Пиня взобрался на невысокий снежный холмик, и когда процессия поравнялась с ним, громко крикнул:

— Я пингвиненок Пиня!

— Ну и что из того? — проскрипел первый пингвин, и процессия прошла мимо.

Пиня скатился с холмика и засеменял за птицами, но пингвин, замыкающий колонну, больно ударил его клювом, сбил с ног.

— А ну, катись отсюда! — сердито прокричал он.

Пине было обидно, горько. Он чувствовал себя таким одиноким, таким несчастным, что хотелось заплакать, но плакать он не умел.

Пиня упал на грудь и, отталкиваясь от снега крыльями и лапами, заскользил к айсбергу с двумя синими арками. Когда-то там был детский сад, куда привел его Кир-Кир.

Теперь у айсберга было пусто.

Пине стало совсем тоскливо. Ему захотелось фаршу, конфет «Птичье молоко», которыми его тайком от всех угощал Коля. Он вспомнил Анджея, Мак-Горна... Еще он, наверное, вспомнил старого станционного доктора, когда-то лечившего его, и лохматого Парамона, любившего причесывать его своим языком. Пиню потянуло на станцию, к людям...

Айсберг, вдоль которого он брел, понурил голову, тихонько потрескивал. Казалось, кто-то осторожно ворочается в нем. Звук этот напомнил пингвиненку потрескивание мороза в стенах медицинского домика.

Изредка доносились резкие вскрики птиц и шорох снега под их лапами. Пиня хорошо помнил голоса Кии и Кир-Кира — пингвины всегда узнают друг друга по голосам, но это были не их голоса.

Солнце опускалось за горизонт. Над полярной станцией, еле видной вдали, вспыхнули крошечные электрические огоньки. С берега шла ночь.

Пиня услышал за спиной шорох. Он обернулся. К нему приближался странный пингвин. Был он сутул, тощ и нескладен. Длинные крылья волочились по снегу. Все тело пингвина было покрыто клочками пуха, и только кое-где проглядывали перья.

«Ну и чучело!» — подумал Пиня.

— Ты кто? — скрипуче спросил пингвин и завертел маленькой головой на длинной тощей шее. — Что-то я тебя раньше здесь никогда не видел... Между прочим, это мой айсберг!

Пингвин был одного роста с Пиней.

— Это почему же он твой?!

— А потому! — Пингвин пощипал клювом грудь и выплюнул на лед клоч серого пуха. — Здесь детский сад был. Я воспитывался в нем, когда был маленький. Понял?

— Странно! Я тоже был в этом детском саду! Но тебя что-то не припомню. У нас не было таких чучел.

— Это я-то чучело?! — Пингвин подскочил к Пине.

— Но-но! — прокричал Пиня, замахиваясь крылом.

Пингвин отступил на шаг и вдруг жалобно сказал:

— Я не страшный, я не уродливый. Это просто я линия.

— Все равно чучело!

— Ты на себя погляди. Также мне красавец выискался!

Пиня стал с ним рядом и вдруг обнаружил, что у него точно такие же длинные крылья, волочащиеся по снегу, такие же серые клочья пуха на груди.

— Мы с тобой, очевидно, ровесники. Тебе сколько?

— Скоро исполнится полгода, — ответил Пиня. — Через полтора месяца.

— И мне. А может быть, ты тот пингвиненок, который пропал во время урагана?

— Да.

— Где же ты был так долго? Кия искала тебя повсюду.

Услышав имя матери, Пиня встрепенулся и быстро спросил:

— Где она?

— Не знаю. Говорят, ушла из колонии.

— А Кир-Кир?

Пингвин насутился.

— Он погиб. Его съел морской леопард. Мне отец рассказывал. Отец сам едва спасся. Они вместе ловили рыбу в полынье.

— Морской леопард? — рассеянно спросил Пиня, думая об отце. — Что это?

— Большой страшный зверь, похожий на тюленя. Я его ни разу не видел. Пингины рассказывают, что вся его спина покрыта светлыми пятнами. Все пингины его боятся... А где ты был?

— Там, — Пиня махнул крылом в сторону станции, скрытой вечерним сумраком. — На полярной станции.

— У людей?! — недоверчиво спросил пингвин. — А как же тебя зовут?

— Пиня.

— Ну, я пошел, Пиня. Поздно уже. Мама будет волноваться. — И он заковылял прочь, волоча по снегу неуклюжие крылья.

А Пине здесь, на припае, идти было не к кому...

Наступила ночь. Из-за айсберга выглянул хрупкий полумесяц. В зените полыхнул холодный огонь полярного сияния.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Среди ночи в сенах залаял Парамон. Его отрывистый лай всполошил всех жильцов медицинского домика. Олег Иванович сунул босые ноги в валенки, накинул тулуп и вышел на крыльцо.

На крыльце стоял Пиня.

— Вот и молодец! — растроганно проговорил Олег Иванович и погладил пингвиненка. — Вот и умница! Анджей! — крикнул он. — Мистер Мак-Горн! Смотрите, кто пришел!

Кутаясь в одеяло, на крыльцо выскочил Анджей. Громко застучали костыли Мак-Горна.

Повизгивая и вертя хвостом, вокруг Пини суеился Парамон.

Анджей подтолкнул пингвиненка к двери. Пиня переступил порожек и очутился в тамбуре. Кто-то поднял его и посадил в ящик. Кто-то сунул в клюв рыбешку.

— Великолепно! Великолепно! — слышался голос Мак-Горна. — Снова нас пятеро.

Парамон запрыгнул на топчанчик, свесил голову к Пине и принялся облизывать его.

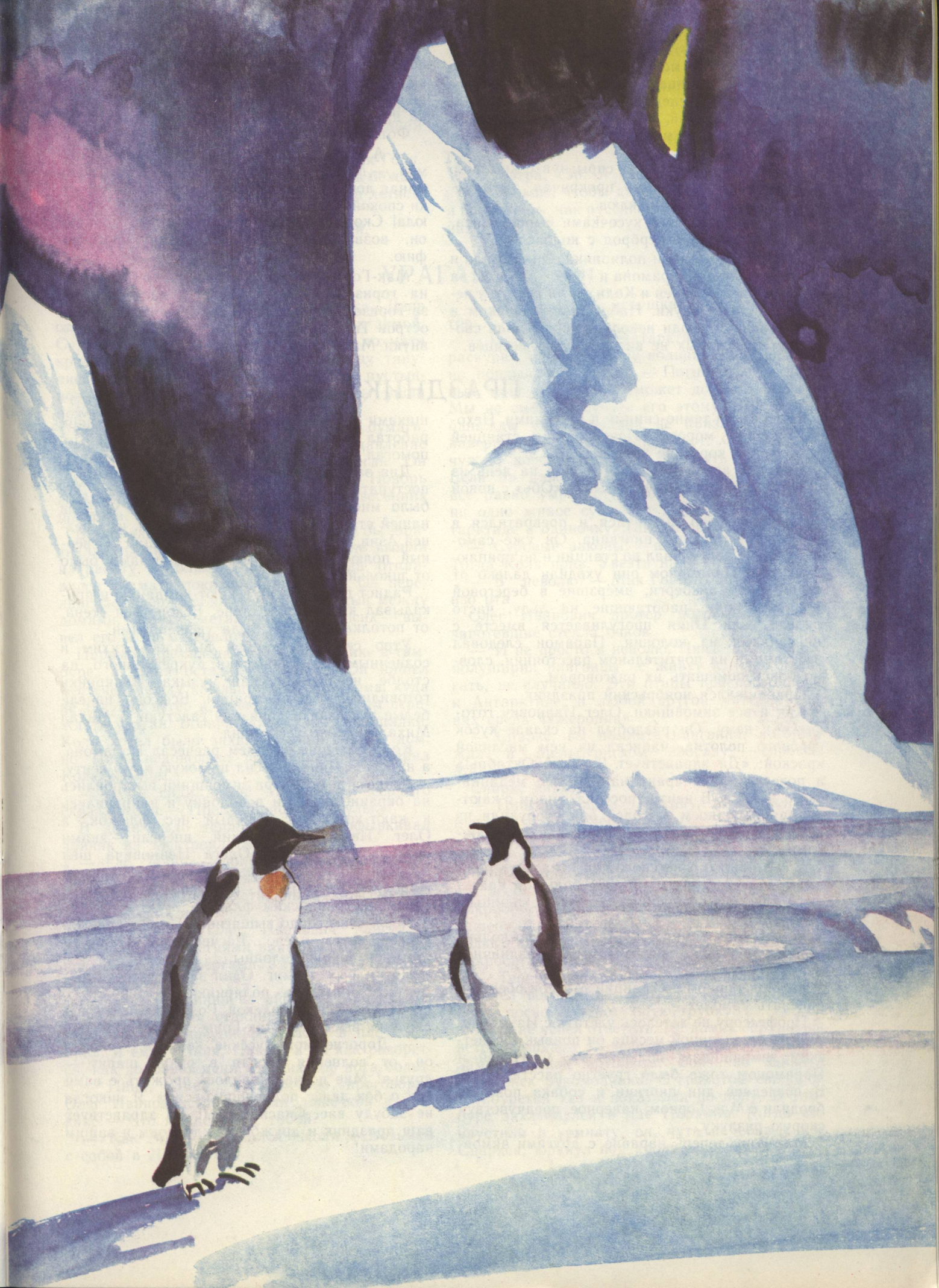
Пес тихонько повизгивал и о чем-то рассказывал пингвиненку на своем собачьем языке.

— Почему же он все-таки вернулся? — спросил утром Мак-Горн, подравнивая бороду перед зеркалом. — И заметьте, вернулся не сразу, а через двое суток. Следовательно, у него были встречи с пингвинами из колонии. Все это весьма любопытно.

— Вывод сам напрашивается, — Олег Иванович застегнул «молнию» куртки. Жильцы медицинского домика собирались в кают-компанию на завтрак. — Колония пингвиненка не приняла. Иначе, я думаю, он бы не вернулся.

— А может быть, он просто очень любит нас? — сказал Анджей.

За завтраком все зимовщики говорили только о Пине и его возвращении, в то время как сам пингвиненок стоял под окном и терпеливо ждал кормежки — люди приучили его есть три раза в день. Парамон, встав на задние лапы, пытался заглянуть в окно.

Первым из кают-компании обычно выходил Коля. Человек молодой и порывистый, он не любил засиживаться за столом. Коля постоянно куда-то спешил — то на метеоплощадку, то на припай, то на радиостанцию, то в механическую мастерскую. Везде у него оказывались дела.

— Пиня! — позвал он, прыгнув с крыльца.

Пингвиненок радостно прокричал, запрокинул голову и раскрыл клюв.

Коля покормил его кусочками сырого мяса, а Парамону дал бутерброд с колбасой...

На крыльцо вышли полярники. Они курили и поглядывали на Парамона и Пиню — у всех, за исключением Анджея и Коли, были дети, а у некоторых даже внуки. Наблюдая за щенком и пингвиненком, люди невольно вспоминали своих детей, которых не видели много месяцев.

— Мой внук Митя, — сказал Олег Иванович, показывая полярникам фотографию мальчишки, сидящего в кресле, — неуклюжий, как пингвиненок. Особенно, когда его выводят на прогулку в теплом пальто и валенках.

Фотокарточка пошла по рукам.

— А моя Аленка ну прямо как наш Парамон, — Михал Михалыч улыбнулся в усы, вспоминая дочь. — Подвижная. Шустрая. Ни минутки спокойно посидеть не может. Не девчонка — юла! Скоро в школу пойдет, — гордо добавил он, возвращая Олегу Ивановичу фотографию.

Мак-Горн улыбнулся и задумчиво посмотрел на горизонт. Там, на севере, далеко-далеко за горизонтом, в синем океане лежал зеленый остров Тасмания, где жили Кристин и Ноэл — внуки Мак-Горна.

ПРАЗДНИК

Ночи стали темно-синими и короткими. Нехотя спадали морозы. Изредка над станцией куролесили короткие ураганы.

Зимовка заканчивалась. Со дня на день из Ленинграда должна была выйти «Обь» с новой сменой полярников.

Пиня заметно вытянулся и превратился в красивого молодого пингвина. Он уже самостоятельно разгуливал по станции и по припаю. Иногда с Парамоном они уходили далеко от станции, за айсберги, вмерзшие в береговой припай. Люди, работающие на льду, часто видели, как Пиня прогуливается вместе с пингвинами из колонии. Парамон следовал за птицами на почтительном расстоянии, словно боясь помешать их разговорам.

Приближался ноябрьский праздник.

Как и все зимовщики, Олег Иванович готовился к нему. Он раздобыл на складе кусок красного полотна, написал на нем масляной краской: «Да здравствует Великий Октябрь!» и повесил транспарант над дверью медицинского домика. В центре поселка, рядом с кают-компанией вдвоем с Колей они соорудили из пустых ящиков трибуну и украсили ее флажками.

Для каждого советского человека день рождения нашей страны — самый большой праздник. Он дорог вдвойне, когда находишься вдали от Родины.

Михал Михалыч и Мак-Горн несколько вечеров подряд придумывали праздничное меню.

За Мак-Горном со станции Моусон обещали прислать самолет.

Профессору не хотелось улетать с Изумруда. За два с половиной месяца он привык к советским зимовщикам, полюбил их. С Пиней и Парамоном тоже было грустно расставаться. В последние дни пингвин и собака повсюду бродили с Мак-Горном, наверное, предчувствуя скорую разлуку.

Мак-Горн теперь наравне с другими зимов-

щиками проводил магнитные наблюдения, работал на льду вместе с Анджеем и Шекиным, помогал гляциологам, дежурил по камбузу.

Дня за два до праздника на станцию стали поступать поздравительные радиogramмы. Их было много. Приходили они со всех уголков нашей страны: с Кавказа, с Чукотки, из Средней Азии, даже с дрейфующей станции «Северный полюс». Больше всего радиogramм было от школьников.

Радист приносил их в кают-компанию и прикалывал кнопками к стене. Вскоре вся стена, от потолка до пола, была увешана ими.

Утро седьмого ноября выдалось тихим и солнечным. Из динамика, укрепленного на столбе, неслась веселая музыка. Полярники готовились к демонстрации. Все они надели белые рубашки и повязали галстуки, а Михал Михалыч даже усы сбрил.

Коля большим гребнем расчесал Парамона, а на грудь Пине повесил широкую алую ленту.

Ровно в десять утра зимовщики выстроились на окраине станции в колонну и направились к кают-компанию. Каждый нес флажок, а Олег Иванович, идущий впереди — знамя станции. Справа от Олега Ивановича шел Анджей с красно-белым флагом Польской Народной Республики, а слева — Мак-Горн с синим австралийским флагом.

Последним гордо вышагивал Пиня с красной лентой через плечо. Расчесанный Парамон суетился вокруг колонны.

Потом был митинг. Один за другим на трибуну поднимались полярники и говорили о своих делах и о далекой Родине. Самым последним выступал Мак-Горн.

— Дорогие мои русские коллеги, — сказал он, от волнения тиская в руках шапку, — друзья! Мне посчастливилось прожить с вами бок о бок два с половиной месяца. Я никогда не забуду вас. Спасибо вам! Да здравствует ваш праздник и дружба между моим и вашим народами!

Когда Мак-Горн сошел с трибуны, каждый пожал ему руку.

В небе послышался рокот мотора. Низко над домами поселка пролетел ярко-оранжевый самолет. Летчик посадил машину у здания дизельной и заглушил мотор.

— Это за мной, — грустно сказал Мак-Горн.

По улице между двумя рядами домов бежал, размахивая руками, высокий человек в летном комбинезоне.

— Спаркс! — узнал летчика Анджей.

— Хеллоу! — прокричал Спаркс. — Я не опоздал?

— В самый раз подоспели! — Михал Михалыч похлопал Спаркса по плечу. — Прямо к праздничному столу.

— Когда летим? — поинтересовался Мак-Горн.

— Завтра, сэр. Я специально прилетел на сутки раньше, чтобы дать вам время на сборы и посмотреть, как русские отмечают свой праздник.

УРАГАН

Все небо заволокли низкие облака. День оттого стал тусклым, неласковым, как зимой. С севера задувал порывами ветер, лохматя края облаков и посвистывая. По льду тянулись хвосты поземки. На припае было пустынно — предчувствуя непогоду, пингины ушли под защиту айсбергов.

Вдали, словно листы пергаментной бумаги, сухо шелестели снега. Атмосферное давление падало: на станцию надвигался ураган. Он шел с севера, со стороны океана. Ноябрь в Антарктиде — пора жесточайших весенних штормов.

В ожидании урагана станция как бы притихла, съезжилась. В то утро люди не вышли на работу, и только Коля, как всегда, отправился снимать показания приборов. Он передвигался, держа за леер, протянутый между домами. Леер — металлический тросик — вывел его и на метеоплощадку.

Парамон дремал на своем топчанчике в тамбуре, а Пиня остался на улице. Он нашел местечко между крыльцом и стеной дома, куда не задувал ветер и, наверное, решил там переждать ураган. Возвращаясь с метеоплощадки, Коля хотел было захватить пингвина в дом, но Пиня недовольно раскричался и ударил Колю крылом.

— Ну и сиди здесь! Мерзни! — сердито сказал Коля. — Превращайся в сосульку!

В доме было тепло и тихо. Пофыркивал чайник на электроплитке.

— Где Пиня? — поинтересовался Анджей.

— На улице. — Коля заварил чай, протер краешком полотенца стаканы. — Совсем спятил: в дом не идет!

— Инстинкт. — Олег Иванович присел к столу. — Тысячелетиями пингины от ураганов прятались за айсбергами, а так как на станции айсбергов нет...

— Он дом принял за айсберг! — засмеялся Коля, расставляя стаканы. — Стоит, прижавшись к стене, насупись, голову в плечи вобрал. Я ему: «Пиня, Пиня», а он как разорется, как долбанет меня. До сих пор нога болит.

— Пиня, Пиня... — задумчиво проговорил Олег Иванович, помешивая ложечкой в стакане. — Что же делать с тобой?

— Как что? — удивился Коля. — Возьмем с собой в Ленинград.

— Пингвин не игрушка, — ответил доктор.

— Оставить его в Антарктиде? — Мак-Горн раскурил трубку. Белые кольца дыма медленно поплыли к потолку. — Погибнет... Во-первых, наш пингвин не сможет добывать пищу. Мы не смогли научить его этому. Во-вторых, однажды уже сородичи не признали его и, наверное, никогда не признают. Он для них чужак, которого следует держать подальше. Если он даже и научится ловить рыбу, он все равно умрет от одиночества, потому что ни одно живое существо не выживает в Антарктиде в одиночку. Таковы законы природы.

— Суровые законы! — вздохнул Анджей. — Тогда Коля прав. Увезти надо Пиню.

— В неволю? — Мак-Горн вынул трубку изо рта.

Олег Иванович протер носовым платком запотевшие стекла очков.

— И не просто в неволю. Нигде в Северном полушарии пингины не живут и, надо полагать, не случайно. Эти птицы приспособились к Антарктиде, и любой другой материк для них среда чужеродная.

— Спаркс, вы помните пингвина, который жил в Мельбурнском зоосаду? — спросил Мак-Горн.

Спаркс кивнул.

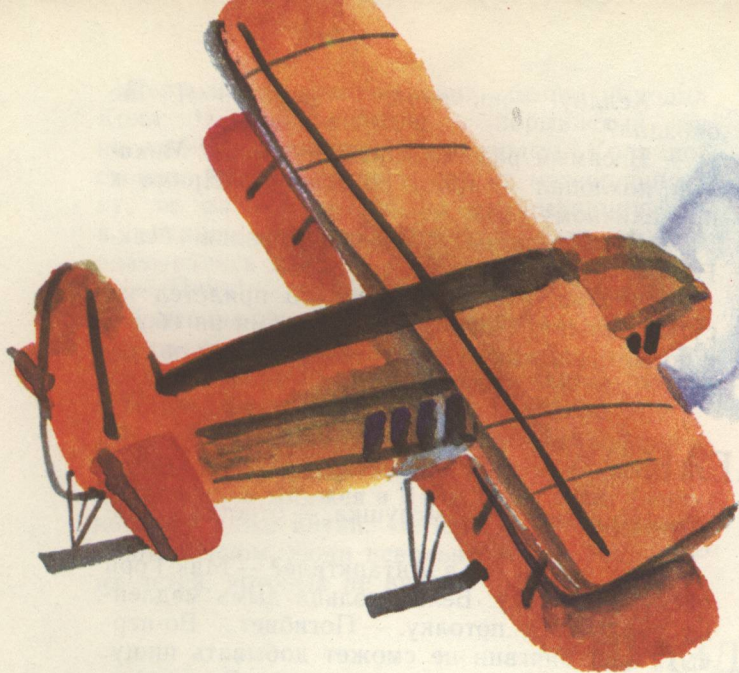
— Пингвин Чарли. Протянул всего полгода и погиб от воспаления легких.

Коля недоуменно пожал плечами, решив, что его разыгрывают.

— Пингины живут в Антарктиде, где воздух абсолютно стерильный — в нем нет ни одного микроорганизма. А во всех других местах нашей планеты, за исключением Северного полюса и высокогорных областей, воздух кишит микроорганизмами.

— Теперь понятно, почему пингвин Чарли заболел воспалением легких? — спросил Мак-Горн, посасывая потухшую трубку.

Коля не успел ответить. На домик обрушился ветер. В шкафу зазвенели пробирки. Замигала лампочка под потолком. Боязливо звякнул стерженок рукоятки. С грохотом свалился с табуретки таз и покотился по полу. В тамбуре захлебнулся в лае Парамон. Когда его впустили в комнату, он, чуть не сбив с ног Спаркса, юркнул под кровать.

Ветер то выл протяжно, то оглушительно свистел. Стены домика мелко дрожали, и людям в комнате казалось, что они едут в купе скорого поезда, несущегося сквозь ураган.

— Половина двенадцатого, — сказал Коля. — На метеоплощадку пора. — Он шумно встал из-за стола, шагнул к батарее, на которой сохли унты.

— Я с тобой! — Анджей спрятал в деревянный футляр микроскоп, убрал в термостат чашки Петри с разноцветными колониями бактерий.

— Контрольный срок вашего возвращения, — проговорил Олег Иванович, — половина первого. Если вы к этому времени не вернетесь, мы отправимся на поиски.

Анджей решительно влез в штормовку, стянул шнурок капюшона.

— Пойдете в связке, — Олег Иванович закрепил конец нейлонового шнура на поясе Анджея, вторым обвязал Колю. — Готовы? — спросил он, накидывая на плечи тулуп.

Он проводил их на крыльцо. Ветер выл. Ветер наваливался и прижимал к стене дома. Снежинки больно секли лицо, и ничего не было видно вокруг.

Коля нащупал леер, шагнул с крыльца и в ту же секунду пропал в белой орущей мгле. Шнур на поясе Анджея натянулся.

Когда в метели исчезла темная фигура Анджея, Олег Иванович вернулся в дом.

...Их разделяло всего пять-шесть метров — связка была короткой, — но они не видели друг друга. Низко пригнувшись, держась обеими руками за леер, они медленно продвигались вперед. Нейлоновый шнур-связка, соединяющий их, то натягивался, больно врезался в бока, то ослабевал. Ветер норовил опрокинуть навзничь, забивал дыхание и остервенело рвал леер из рук. Снег, словно трясина, скрывал ноги. Снег забивался за ворот штормовок — ледяным обручем стискивал горло.

«Только бы не выпустить из рук леер! — думал каждый из них и машинально считал шаги: — Сто... Сто восемнадцать... Двести десять...»

Им казалось, что они в пути уже много часов, что их наверняка уже ищут.

Когда они добрались до метеоплощадки, обнесенной низкой проволочной изгородью, лица покрывала плотная корочка льда. Коля включил карманный фонарик, осветил циферблат наручных часов. Стрелки показывали ровно двенадцать. Негнушимися от мороза пальцами он записал в блокнот показания приборов. Анджей, держась обеими руками за леер, прикрывал его.

— Все! — прокричал Коля, пересиливая вой ветра, и спрятал блокнот под штормовку. — Домой двинулись!

Обратный путь показался короче — ветер толкал их в спину.

На крыльце медицинского домика их ждали Олег Иванович и Спаркс.

— А мы собрались идти следом за вами, — сказал Олег Иванович. — Вас не было ровно час.

В доме он стянул с Коли задубевшую от ветра и снега штормовку, помог разуться. Спаркс помог Анджею.

— А где Пиня? — поинтересовался Анджей, растирая полотенцем мокрое от снега лицо.

— На месте. Стоит, уткнувшись клювом в стену. Пытались мы с мистером Спарксом в дом его затащить, куда там... Дерется.

Мак-Горн хлопотал у кастрюли, стоящей на электроплитке.

— На первое, — сообщил он, — суп с макаронами. На второе — тушенка. Начальник станции запретил выходить из домов до окончания урагана.

— А мне в четыре снова на метеоплощадку.

— Отменяется. — Олег Иванович снял телефонную трубку, набрал номер. — Все в порядке, — сказал он. — Они вернулись.

...Олег Иванович проснулся от тишины. Размеренно стучали ходики. За стеной легонько потрескивал снег.

Накинув тулуп и захватив папиросы, Олег Иванович вышел на крыльцо. Метель улеглась. В небе блестели звезды. Низко над мачтами радиоантенн стояла полная луна и серебрила снега вокруг. С далеких гор медленно сползали облака, напоминавшие азростаты.

Станция спала. Было очень тихо, и только издали доносился приглушенный расстоянием и ночью стук дизеля — работала электростанция.

— Пиня! — позвал Олег Иванович. — Пиня, где ты?

Послышался шорох снега, и из-за угла дома показался пингвин. Раскинув крылья и выпятив грудь, он быстро семенил к крыльцу.

— Кре-кре, — проскрипел Пиня, что, очевидно, должно было означать приветствие, и требовательно раскрыл клюв.

— Проголодался, бедняга, — проговорил Олег Иванович, разминая в пальцах папиросу.

— Кха-кре, — ответил Пиня и вытянул шею.

Утром Спаркс смел снег с крыльев и фюзеляжа, прогрел мотор.

Самолет взревел и, покачивая ярко-оранжевыми крыльями, вырулил на взлетную полосу.

Все зимовщики станции пришли проводить австралийцев.

— Не поминайте нас лихом! — сказал Олег Иванович и обнял Мак-Горна.

— Товарищ профессор, вот вам мясные пирожки на дорогу, — Михал Михалыч протянул Мак-Горну бумажный сверток. — Ваши любимые.

Рядом с провожающими и улетающими важно прохаживался Пиня. Парамон сидел под фюзеляжем и повиливал хвостом.

— До свидания, Пиня! — попрощался Мак-Горн с пингином и пожал кончик его крыла.

Кто знает, может быть, мы с тобой еще встретимся... — Он достал из кармана часы, отстегнул серебряную цепочку и повесил ее на шею пингвиненка. — Это тебе на память.

Самолет взметнул облако снежной пыли и ушел в небо. Спаркс провел свою машину низко над крышами домов, еще раз прощаясь с полярниками, и полетел в сторону гор. Вскоре самолет превратился в черную точку и пропал за горизонтом. Но люди почему-то долго не уходили со взлетной полосы и все глядели в ту сторону, куда улетел самолет.

Когда радист принял радиogramму, Олег Иванович мылся в бане. Радист завернул

бланк в полиэтиленовую пленку и отнес его в парилку.

— Срочная. Видите, написано: «Вручить немедленно», — пояснил он удивленному Олегу Ивановичу и полез на полók в густые клубы пара.

Олег Иванович ополоснул лицо и, выйдя в предбанник, принялся читать радиogramму. Она была от Мак-Горна. Профессор благодарил за лечение, за гостеприимство, передавал привет всем зимовщикам и низко кланялся Парамону и Пине. Еще он сообщал, что следующим летом намеревается приехать в Ленинград, а затем — в Варшаву.

«ОБЬ» ПРИШЛА

Едва «Обь» пересекла экватор и вошла в Южное полушарие, как все на станции заговорили о скором отъезде и принялись строить планы на лето.

— Я женюсь, — заявил Анджей.

— А я все лето буду готовиться к вступительным экзаменам в университет, — сообщил Коля. — Я бы уже сейчас начал готовиться, жаль, на станции нет учебников.

Олег Иванович мечтал:

— Возьму палатку, удочки, надувную лодку, махну на Волгу. Пожалуй, Митьку с собой захвачу. Пускай посмотрит на великую реку. Плавать научится...

В Антарктиде начиналось лето. Крупное незаходящее солнце то карабкалось в зенит, то ненадолго опускалось к горизонту. Трепскался лед. Кое-где на северных склонах холмов черными и коричневыми пятнами проступала земля. С крыш домов свисали сосульки. Снег в поселке стал рыхлым и ноздреватым. С моря иногда задувал влажный ветер и приносил с собой острый запах весенней прели. Так на родине пахнут поля, с которых только-только сошел снег.

Зимовщики сменили унты и валенки на резиновые сапоги, а меховые куртки — на кожанки. Анджей шеголял в пестрой нейлоновой куртке и вязаной шапочке с красным помпоном.

Парамон линял. Рыжеватые клочья его шерсти валялись всюду: и на крыльце кают-компаний, и на снегу у радиостанции, и на метеоплощадке, и даже в дизельной. Псу было жарко. Он слонялся по станции, вывалив из пасти длинный язык, или недвижно лежал в тени, сунув морду в снег.

С приходом лета Олег Иванович зачастил на рыбалку. Его всегда сопровождал Пиня и два поморника, недавно появившихся на станции. Опустив в трещину леску с наживкой, Олег Иванович усаживался на раскладной стул. Рядом пристраивался пингвин и тарашил выпуклые глаза на воду, ожидая улова. Низко над трещиной вились поморники, норовя стянуть рыбу, но Олег Иванович был начеку.

Рыбу Олег Иванович относил на камбуз. Уловы были богатыми. Часа за два, за три эмалированное ведро наполнялось до краев.

За ужином полярники ели уху и нахваливали своего доктора.

Поморники усаживались на подоконник и требовательно постукивали клювами по стеклу, прося рыбы.

— Бандиты! — Михал Михалыч грозил птицам кулаком. — Вы еще мне стекла побейте.

Поморники за окном удивленно стихали — Михал Михалыч всегда выносил им на крыльцо остатки ужина.

На тракторной колее, пересекающей станцию, появились голубые лужицы. Ночью, когда солнце часа на два опускалось к горизонту, легкий морозец покрывал их ледком.

Готовясь к отъезду, полярники укладывали чемоданы и сбрасывали бороды, отпущенные за зиму.

Над входом в кают-компанию прибили большой транспарант: «Привет новой смене полярников! Счастливой зимовки!». В самой кают-компаний на стене повесили большую карту мира и ежедневно отмечали флажком продвижение судна. «Обь» плыла вдоль западного побережья Африки, приближаясь к мысу Доброй Надежды. Погода благоприятствовала плаванию, и за сутки дизель-электроход проходил по триста миль. Все ниже и ниже спускался флажок по карте. Десятого декабря «Обь» вошла в Южный океан.

— Теперь до станции рукой подать, — сказал радист, переставляя флажок.

Олега Ивановича мучила бессонница. Ворочаясь в постели, он думал о Пине. Страшно было брать пингвина в далекое путешествие, еще страшнее оставлять в Антарктиде — беспомощного и доверчивого, не знающего суровых законов жизни.

А Пиня и не думал о будущем. Он по-прежнему бродил по пятам за Олегом Ивановичем и, казалось, всем был доволен: и обильной пищей, и рыбалкой на припае, и теплыми днями, и ярким солнцем, и самим собой — кра-

сивым и статным. Он наверняка чувствовал себя хозяином станции и ее окрестностей. В его походке появилась важность, степенность. Давно на станции не слышали его скрипучего голоса. Пиня высокомерно молчал и порой пренебрежительно поглядывал на облезлого Парамона.

Парамона решили оставить. Что за зимовка без собаки? Собаки всегда были самыми верными друзьями человека и на Крайнем Севере, и здесь, в Антарктиде. Без них не обходилась ни одна полярная экспедиция. Собаки вместе с человеком шли к Северному и Южному полюсу. Порой только от собак зависела жизнь полярных путешественников, и, наверное, недаром в японском городе Осака установлен мраморный памятник собакам, погибшим в Антарктиде.

Но как поступить с пингином?

Тридцать первого декабря, всего за несколько часов до Нового года, Анджей в бинокль увидел вдаль черную точку. Это была «Обь».

«Подшли к вам на двадцать пять миль, — радировал капитан. — Отправляем на станцию самолет с письмами и посылками. Сами попытаемся подойти поближе. Подготовьте взлетно-посадочную полосу для приема самолета».

Рядом со зданием дизельной полярники разместили бочками из-под горючего и флажками аэродром.

Самолет появился, когда над морем истекали последние минуты года. Он шел низко над

айсбергами и покачивал крыльями, приветствуя изумрудцев, собравшихся на краю поселка. В лучах яркого полуденного солнца поблескивали стекла его кабины.

— Привет, «Аннушка»! — закричал Коля и швырнул вверх шапку. — Здорово, милая!

— Ура! — подхватили полярники и принялись поздравлять друг друга то ли с приходом самолета, то ли с окончанием зимовки, то ли с Новым годом.

А самолет «АН-2» катил по полосе между флажков и бочек и весело подпрыгивал на невысоких снежных застругах, волоча за собой длинный снежный шлейф.

Пилот вырулил прямо к дизельной и заглушил мотор.

Полярники окружили самолет. Распахнулась дверца — десятки рук подхватили обоих летчиков и принялись их качать.

— Погодите! Погодите! — взмолился один из них, а когда его поставили на снег, он откашлялся и важно произнес:

— Поздравляю вас с Новым годом и благополучным окончанием зимовки!

— Ура! — закричали полярники.

— Коньков, — распорядился пилот, — неси новогодний подарок.

Его долговязый напарник исчез в самолете и через минуту спрыгнул на снег, держа в охапке пушистую елочку.

— Это вам подарок от ваших шефов — пионеров города Тарусы, — сказал он.

ПРОЩАЙ, ПИНЯ!

— Пингинов из Антарктиды в Ленинград мы, бывало, перевозили. Раз пять на моей памяти.

Олег Иванович и Анджей сидели в каюте капитана, решали судьбу Пини. Сам Пиня в это время прохаживался около судна, наблюдая за работающими людьми.

«Обь» стояла на ледовых якорях в нескольких милях от станции. Шла выгрузка. Матросы поднимали из трюмов грузы и складывали их на сани, прицепленные к тракторам. Выстроившись в колонну, тракторы двигались к берегу по ледовой трассе, проложенной по припаю.

Стучали лебедки. Слышались крики «вира», «майна». Скрипели стальные тросы, пробегающие в блоках. Урчали тракторы, попыхивая синеватым дымком. Громко скрипел снег под полозьями груженых саней.

— Да, пингинов мы перевозили. Особой сложности в их транспортировке нет. До мыса Доброй Надежды погода будет прохладной, и ваш Пиня сможет ехать на палубе.

— А в тропиках? — спросил Анджей.

— Придется посадить в трюм-холодильник. И сидеть ему там больше месяца — от мыса Доброй Надежды до самого Северного моря.

— Вы что-нибудь знаете о пингвинах, которых привозили в Ленинград?.. Живы ли они? — уточнил Анджей.

Капитан пожал плечами.

— Одного пингвина мы подарили пионерам города Тарусы. Другого, кажется, пионерам Воронежа. Жили наши пингины и в Ленинградском зоологическом саду. Я их навещал раза два. А одного пингвина я даже сам вез в поезд, но он от меня сбежал.

— Как?! — в один голос спросили Анджей и Олег Иванович.

Капитан улыбнулся.

— А кто его знает! Ложился спать — пингвин был в купе. Проснулся — нет пингвина. Спрашиваю у проводника: «Где мой пингвин?» А он отвечает: «Наверное, в Кандалакше сошел. Там много народу вышло. Всех не упомянуть».

— Станный проводник, — Олег Иванович покачал головой.

— Весьма, — согласился капитан, закурирая. — Он мне странным сразу показался. Еще в Ленинграде. Только поезд тронулся, а он у меня спрашивает: «Товарищ иностранный турист до самого Мурманска едет? Не знаете?» — «Какой иностранный турист?» — удивился я. «А который вместе с вами в вагон вошел. В черном пиджачке, в белой рубашечке. Весь из себя важный-важный...»

— Что же с Пиней делать? — вздохнул Олег Иванович, поднимаясь из-за стола.

— С решением поторопитесь. Завтра вечером «Обь» отходит. До Ленинграда мы вашего пингвина доставим в целости и сохранности. Даю вам честное капитанское слово.

Олег Иванович и Анджей вышли из капитанской каюты, спустились по трапу на лед и направились по припаю к берегу. Следом за ними вышагивал Пиня, поминутно оглядываясь на судно.

Светило большое солнце. Сиял снег. Айсберги отбрасывали на лед емкие тени. Над мачтами судна кружили поморники, заваливаясь то на одно, то на другое крыло. В канале, пробитом «Обью», плескались киты, высовывая из воды аспидно-черные головы и выбрасывая белые облачка пара.

— Надо рискнуть, пан доктор. Если пингвин не приживется в Ленинграде, вы договоритесь с капитаном и на следующий год он отвезет его обратно в Антарктиду.

— Добже! — кивнул Олег Иванович.

Пине не хотелось идти на станцию, где все было знакомо и потому — неинтересно. Любопытство удерживало его на припае. Мимо Пини шли тракторы с груженными санями. Обгоняя его, водители весело сигналили и выглядывали из кабин.

— Привет заслуженному полярнику! — кричали они и махали руками.

Пиня далеко отстал от Олега Ивановича и Анджея. Потом остановился, огляделся и заковылял обратно.

Обогнув судно, он подошел к трапу.

— Вот и первый пассажир появился, — заметил капитан, щелкая фотоаппаратом. — Добро пожаловать на борт дизель-электрохода, ваше величество!

Пиня окинул взглядом высокую фигуру капитана и, запрокидывая голову, раскрыл клюв.

— Вахтенный помощник! — приказал капитан. — Распорядитесь о торжественном обеде в честь высокого гостя.

— Есть, товарищ капитан! — весело отозвался вахтенный помощник, сбегая по трапу на лед.

К вечеру следующего дня, как и обещал капитан, выгрузка закончилась. Матросы задраили трюмы, подняли на палубу тракторы и сани, зачехлили лебедки и убрали сходни.

— Закрепить все по-походному! — распорядился капитан, поднося к губам рупор.

Прокричала сирена, прощаясь с полярниками, остающимися на зимовку. Звук ее метнулся к берегу и отразился глухим эхом.

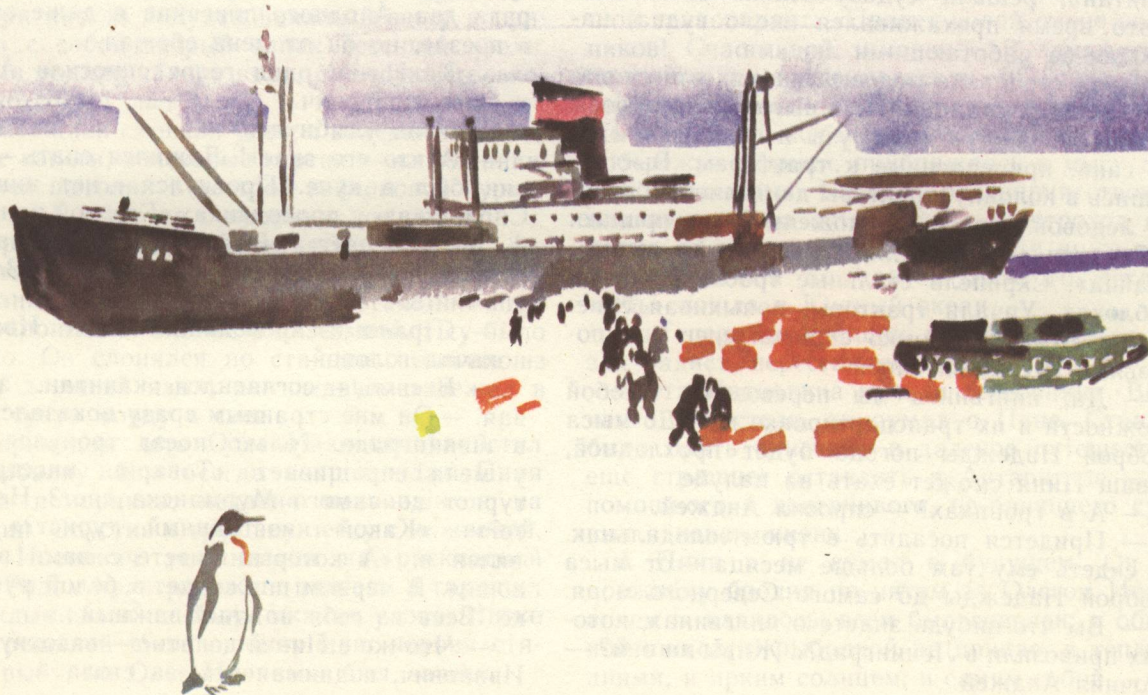
Над берегом взметнулись разноцветные ракеты — полярники желали «Оби» счастливого плавания.

Судно медленно двинулось на север — домой. Лыдины грохотали о стальные борта и трещали, раскалываясь. Над мачтами, раскинув крылья, висели поморники. За кормой долго таяла белая полоска берега.

Кое-где на льдинах лежали тюлени, нежась под ярким январским солнцем. Бродили одинокие пингвины, удивленно поглядывая на громаду дизель-электрохода, крушащую лед.

Олега Ивановича и Анджея поселили в уже знакомую им сорок девятую каюту. Пиня ехал на палубе. Матросы в шутку называли его «палубным пассажиром».

Чем дальше на север уходила «Обь», тем разреженнее становился лед. Корабль проходил мимо айсбергов, закрывающих собой

полнеба. Айсберги, как и «Обь», выплывали на север.

Поморники, кружащие над мачтами, вскоре повернули на юг и пропали за горизонтом. Но тотчас же к судну пристроились другие птицы — капские голуби. Они летели низко вдоль бортов, то обгоняя дизель-электроход, то отставая от него.

— Почетный антарктический эскорт, — пошутил Олег Иванович, указывая на птиц, молчаливо летящих вдоль бортов.

Они втроем — Олег Иванович, Анджей и Пиня — прогуливались по шлюпочной палубе.

Солнце било в глаза. Солнце играло на стеклах иллюминаторов и высекало из них зайчиков. Солнечные зайчики бродили по настилу палубы, словно живые. Когда судно наклонялось на борт, вползая форштевнем на льдину, зайчики испуганно шарахались по сторонам, но потом как ни в чем не бывало снова появлялись на палубе.

— Смотрите! — крикнул Анджей, прикрывая ладонью глаза от солнца. — Пингины!

Вдоль широкого развоя, к которому направлялась «Обь», стояло десятка полтора императорских пингинов.

— Наверное, после рыбалки отдыхают, — предположил Олег Иванович. — Прощайся-ка, Пиня, со своими сородичами. Когда их увидишь теперь?

— Никогда, наверное, пан доктор, — сказал Анджей.

Заметив пингинов, Пиня забеспокоился. Юркнул за релинговое ограждение к шлюпке,

нависающей над бортом, и пронзительно закричал, вытягивая шею.

Пингины на льдине насторожились и как по команде задрали головы вверх.

Пиня снова закричал. Перья у него на голове взъерошились.

Пингины возбужденно загалдели. Один из них выскочил вперед и замахал крыльями, словно собираясь взлететь, а потом прокричал резко. Звук его голоса был похож на треск ломающегося дерева.

И тут Пиня прыгнул за борт. Он грузно шлепнулся в воду и, взметая фонтаны брызг, быстро поплыл к пингинам, галдящим и суесящимся на краю льдины.

— Пингвин за бортом! — крикнул Анджей.

— Пингвин за бортом! — закричал Олег Иванович, перегибаясь через поручень.

— Человек за бортом!

Кто-то на кормовой палубе швырнул в воду бело-красный спасательный круг.

— Надо попросить капитана немедленно остановить судно! Надо поднять Пиню на борт! — Анджей побежал было на верхний мостик, но Олег Иванович остановил его.

— Не надо! Он сделал выбор.

— Как не надо?! Почему?

— А вот так! — Олег Иванович развел руками. — Пингвин сам решил, где лучше.

Пиня выбрался на льдину. Его окружили пингины. Блеснула на солнце серебряная цепочка и тотчас же погасла. Льдина с пингинами скользнула вдоль борта и закачалась на волне, поднятой судном.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

— Вот я и нашла тебя! Как ты вырос, сынок!..

Анджей глянул через плечо Олега Ивановича на исписанный листок бумаги.

— Пан доктор, не пропадет наш пингвиненок! Все будет очень хорошо! Ведь мы же его воспитали!

Олег Иванович улыбнулся, медленно поднялся из-за стола, смял в ладони недописанное письмо и швырнул его в урну.

— Пойдем на палубу, Анджей. Воздухом свежим подышим. Добже?

— Добже, пан доктор! Добже!

«Обь» выбралась из льдов. Со стороны океана шла крупная зыбь и раскачивала судно. Волны с сыпучим звоном разбивались о форштевень и обдавали полубак тяжелыми брызгами. Над мачтами, раскинув двухметровые крылья, кружили дымчатые альбатросы — стремительные и красивые птицы.

ЭПИЛОГ

Мы отправлялись в Антарктиду.

«Обь» стояла в Ленинградском порту. Судно заканчивало погрузку и готово было вот-вот

отдать швартовы и взять курс к далеким берегам.

За несколько часов до отхода мне удалось

выкроить время и заскочить в гости к Олегу Ивановичу. Мы не виделись четыре года.

— Доктор Сапрыкин занят на операции, — сказала медицинская сестра и велела подождать Олега Ивановича в кабинете.

Окна кабинета выходили на залив. Были видны корабли, идущие морским каналом, золоченый купол Кронштадтского собора и белая башня Толбухинского маяка вдали. Я подумал, что, наверное, завтра Олег Иванович будет стоять у окна и глядеть нам вслед, пока «Обь» не превратится в черную точку на горизонте.

На столе под стеклом лежала большая любительская фотография. Я узнал Анджея, профессора Мак-Горна, Колю Косенко, Михал Михалыча и других зимовщиков нашей станции. Снимок был сделан в день отъезда Мак-Горна. Нас фотографировал Спаркс. На снегу лежал Парамон. Нахохлившись, впол-оборота стоял Пиня. За нашими спинами угадывалось темное строение дизельной.

Дверь распахнулась, на пороге кабинета выросла фигура Олега Ивановича в белом халате.

— Ба! — всплеснул он руками. — Кого я вижу! Вы ли это?

— Я, Олег Иванович.

— Ну, присаживайтесь, дорогой! Рассказывайте, где вы, как? С кем из наших встречались? Почему не писали?

В кабинет неслышно вошла медицинская сестра с подносом в руках.

— Чаю вам принесла, Олег Иванович, — сказала она, ставя поднос на стол. — Небось не обедали сегодня?

За чаем мы вспомнили Изумруд и нашу зимовку. Быстро летело время. За окнами начинало смеркаться. Мне пора было возвращаться на судно.

— А Пиню нашего помните? — спросил Олег Иванович, прощаясь.

— Как же! Отлично помню! Наверное, погиб бедняга.

— Ни в коем случае! — Олег Иванович улыбнулся, выдвинул ящик стола и протянул мне фотографию. — Не узнаете?

С фотографии на меня глядел крупный императорский пингвин. Подняв крыло, он словно приветствовал кого-то. На шее пингвина отчетливо была видна цепочка. Рядом с ним стоял пингвиненок.

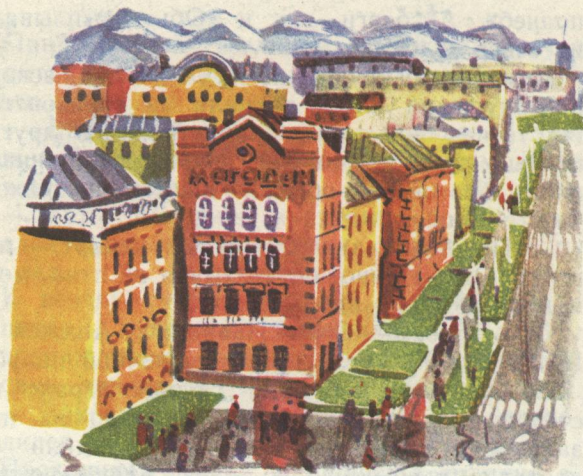
— Пиня!

— Он самый! С отпрыском, — засмеялся Олег Иванович. — Снимок сделан в прошлом году, в августе. Пиня появился со своим чадом прямо на станцию. Не иначе как похвастать приходил!

— Удивительно! — проговорил я, возвращая фотографию.

— Счастливой вам зимовки! — Олег Иванович стиснул мою ладонь. — Пиню увидите — поклон от меня.

Утром следующего дня «Обь» ушла в Антарктиду.

СТОЛИЦА СУРОВОГО КРАЯ

Александр
ИВАНЧЕНКО

Слово «Магадан» произошло от эвенкийского «монгодан». По преданию, много лет назад над северной частью Охотского моря пронесся такой тайфун, что волны поднялись выше прибрежных сопок. Море перехлестнуло горы и ринулось в тайгу. Потом опять вернулось в старое ложе, но следы его в тайге остались. Там, где стоит сейчас Магадан, были гигантские паводковые завалы. Поэтому кочевавшие здесь эвены и называли это место Монгодан — Морские наносы.

Может, предание и верно говорит, но первые строители Магадана утверждают, что, высадившись в бухте Нагаева, они никаких завалов не увидели. Тайга меж сопек и на их склонах была чистая и могучая, как брянские бары.

Я приехал в Магадан в солнечный день. Обычно же осенью солнце гостит тут редко. Но Магадан и в дождь, правда же, ничуть

На окраине города

не хуже. Я любил часами бродить по его улицам, подолгу стоять у газетных киосков и витрин магазинов или слушать шум лиственных в осеннем парке. И все, что я видел, мне очень хотелось запомнить.

Вот разбивают новый сквер и детскую площадку, а вон там — строительные леса еще безымянной улицы. Над поднимающимися корпусами жилых зданий уперлись в небо краны. На леса то медленно плывут бадьи с цементным раствором, то, раскачиваясь, поднимаются готовые железобетонные стены квартир.

На площади Горького деловито урчит бульдозер.

— Что здесь будет?

Бульдозерист приглушает мотор, засаленным рукавом устало вытирает взмокший лоб.

— Спрашиваете чего-то, а?

— Котлован зачем роете?

— Тропики делаем.

О тропиках он не зря сказал. Есть в Магадане настоящий тропический сад. Представьте себе, на Крайнем Севере созревают бананы. В оранжерее, конечно. Но оранжерея большая, целый этаж занимает в недавно построенном Дворце профсоюзов.

На улице, против здания обкома партии, автопосадчик сажает лиственницы. Возле «Гастронома» скучает под тентом летнего ларька молоденькая продавщица. На прилавке — яблоки, груши, огородная зелень. Вот тебе и вечная мерзлота, край снежных ураганов.

Магадан — один из самых молодых городов нашей страны. Молод не только внешний облик города, сам воздух кажется в нем молодым. Но есть у города и такая степенная солидность, чувствуешь, что он тут не для красоты поставлен.

Городом Магадан объявили 14 июля 1939 года. Ничего особенного в этом событии не было, но за границей, в Америке, оно вызвало шум. «Россия строит мертвый город. Магадан ждет участь Даусона», — вешали американские газеты.

На берегу бухты Нагасаки

Даусон — канадский город, возникший в период североамериканской золотой лихорадки. Построен он был с большим размахом и очень быстро. За какие-нибудь пять лет. Но он так же быстро пришел в полный упадок и совершенно опустел. Один журналист писал о нем:

«За многие годы моих путешествий по странам мира я не видел подобного. Лицо этого города ужасает. Разбитые окна дворцов и небоскребов смотрят на тебя, как темные глазницы черепа. Мостовые размыты дождями и загажены тварями, которые когда-то назывались домашними кошками и собаками. Их наплодилось столько, что они не дают свободно пройти по улицам. Глаза у всех голодные и дикие. Создается впечатление,

что ты находишься не в городе, построенном людьми, а в катакомбах, населенных звериными сворами. Изредка попадаются и привлекательные кварталы, еще сохраняющие следы недавнего уюта. И все же над всем витает дух мертвечи. Он гнетет и наводит на унылые размышления. Неужели человек, это высшее существо природы, способен так бесцельно растрачивать свои труды и созидательный разум? В Торонто мне сказали, что таков неизбежный финал всех городов золотоносного Севера. Кончается золото, и город становится ненужным».

Вот каким видели американцы будущее Магадана. Но теперь и в Америке понимают, что прогноз был ошибочным. Магадан родился вместе с возникновением здесь золото-

Рисунки
А. Харшака

Есть в Магадане
настоящий тропический сад...

добывающей промышленности, и экономику его определяет, конечно, золото, но оно не является той главной жизненной силой, от которой зависит все решительно. Советские люди пришли на Колыму не для того, чтобы «выкачивать» из этой земли драгоценный металл и бросить ее, как переставшее плодоносить поле. Мы поселились здесь навечно. И выселить нас отсюда не может никакая стихия.

Но вот что любопытно. Место для Магадана выбрали, можно сказать, случайно.

Раньше городов на Колыме не было. До тридцатых годов центром всего Северо-Востока считали приморский поселок Ола. Затем администрация Колымы переехала в Нагаево. Но строителям нового поселка негде было брать пресную воду. Пришлось прорубать в тайге четырехкилометровую просеку к реке Магаданке и возить воду оттуда. А потом, чтобы не расчищать под поселок новые участки тайги, решили строить дома на просеке. Тянули, тянули улицу и дотянули до Магаданки. Позже поближе к воде построили механические мастерские. Вокруг мастерских вырос рабочий поселок.

Так вот и родился на Магаданке город. Таежная просека стала нынешним проспектом имени Ленина, механические мастерские — крупным заводом.

Климат, вернее, микроклимат, в Магадане действительно неважный. Что творится на вечно беспокойном Охотском море, то и в городе. Чуть заштормило — и уже в Магадане ливни. А шторма нет, на море туман. С рассветом он карабкается на сопки и к полудню заполняет весь город. Телевизионная мачта в начале проспекта Ленина висит, кажется, над облаками. И нет-нет да и посыплет вдруг снег. Редкими солнечными днями в Магаданке купаются только отчаянные мальчишки. Зато на шестом километре за городом купаться и загорать можно неделями. Солнце палит, как на юге. А чуть в стороне — поросшая редким березняком

Солнечная Долина. Там вообще загорают круглый год, как в горах Кавказа.

Зима в городе тоже не типично колымская. В центре области морозы, сушь и от света глазам больно, а в Магадане слякоть. А то морозище, сугробы в семь-восемь метров. Если над морем проносятся циклоны, ветры достигают ураганной силы — до сорока метров в секунду. А в то же самое время на том же шестом километре за городом ни одна веточка не шелохнется.

Возвращаясь по вечерам в гостиницу, я всегда видел у себя на столе свежие ромашки и два-три синих василька. Первые дни я недоумевал: кто это мне цветы дарит? Но вот прихожу однажды днем и встречаю в вестибюле нашу горничную с полной корзиной ромашек. Смотрит на меня и смеется:

— Что, красивые?

— Еще бы, конечно. Где вы их столько набрали?

— Как где? В нашем парке.

Когда говоришь с магаданцами, почти все они обязательно скажут что-нибудь доброе о своем городе. Мне запомнился разговор с одним старожилом. Сам он ленинградец, но здесь живет уже много лет.

— Знаете, — говорил он, — раз в три года я приезжаю погостить в Ленинград. Друзья там меня всегда спрашивают: долго ли еще я собираюсь оставаться в Магадане. А мне даже странно, ведь это один из самых культурных городов Советского Союза. Достаточно сказать, что у нас самый большой процент людей с высшим образованием и больше всех на душу населения мы покупаем книг. И это не случайно. Магадан — мозговой центр огромного края. Все новое, что создается на Колыме, сначала рождается в его институтах, лабораториях, конструкторских бюро. Жить здесь просто интересно. Каждый может найти себе любимое дело, свою романтику. — Помолчав немного, закончил с улыбкой: — Конечно, я родился в Ленинграде, но теперь я магаданец. Навсегда...

КНИЖКА О РЕВОЛЮЦИИ

«С Лениным в автомобиле» — так называется книжка, которая выйдет к 60-летию Великого Октября в издательстве «Детская литература». На основе личных воспоминаний ее написал Лев Николаевич Подвойский, сын известного революционера Николая Ильича Подвойского.

Автор бережно сохранил в памяти все подробности встреч с великим вождем революции Владимиром Ильичем Лениным.

Апрельским днем 1917 года встречают Ленина на Финляндском вокзале в Петрограде папа и мама восьмилетнего Левы и сотни питерских рабочих (рассказ «Товарищ Революция пришла»). Для семьи Подвойских, убежденных революционеров, эта встреча была долгожданным событием! Владимир Ильич возвращался из эмиграции, 10 лет его не было в России!

Родители хотели, чтобы их дети выросли борцами за луч-

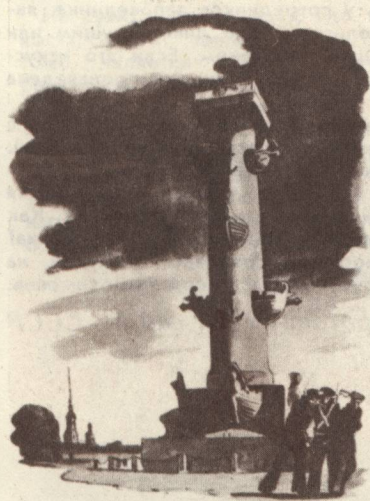
шую жизнь для народа. Однажды мать повела своих ребятишек — Леву и Олю, на Выборгскую сторону — показать тюрьму, в которой царское правительство держало революционеров, в которой и Николай Ильич Подвойский провел несколько долгих месяцев. Темно, сыро, холодно в одиночной камере. «Запомните, дети, эту камеру, — сказала мама. — Всегда стойте за правду».

Отец заехал домой на автомобиле (рассказ «С Лениным в автомобиле»). Удивительная и редкая вещь автомобиль! Наконец-то отец выполнил свое обещание и покатает их! Но... отец торопится, строго смотрит на детей... Хорошо, что мама тоже отправлялась по делам, а детей ведь нельзя оставлять одних! А потом Лева и Оля ехали в автомобиле с самим Лениным. Ехали, не зная, что это Ленин, думали, что это просто папин знакомый.

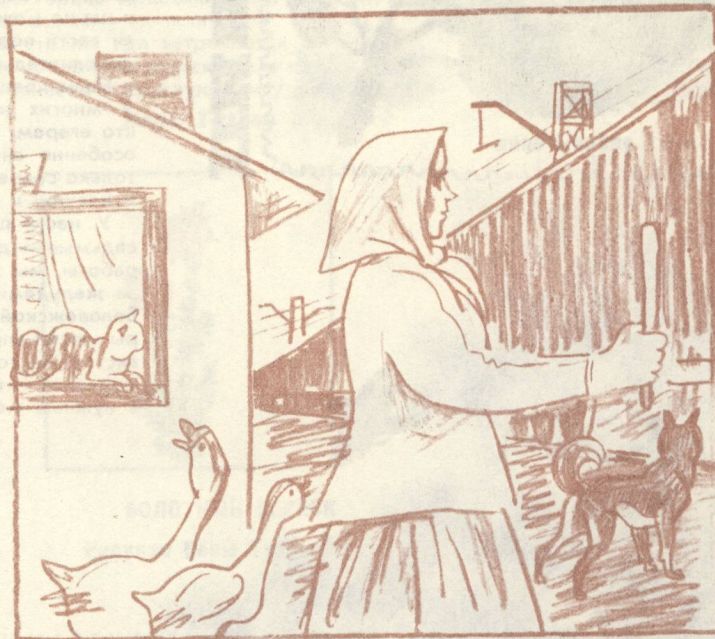
Несколько лет спустя были у Льва Николаевича встречи с великим вождем революции уже в Москве, на Красной площади (рассказ «С отцом на Красной площади»).

Через полвека вспомнит автор слова отца, сказанные тогда: «Это хорошо, брат, что вы, дети, видите сейчас все главные революционные события в Москве. Потом внукам своим рассказывать будете».

Л. ПОЖИДАЕВА

СТРЕЛОЧНИЦА

Моей бабушке

Над маленькой будкой
У тихой реки
Один за другим
Проплывают гудки.

Живет тетя Глаша
Не взаперти:
Встречает составы,
Обходит пути.

А в маленькой будке
Компании всей —
Собака да кошка
Да пара гусей.

Да лось, что приходит
Из чащи лесной,
Приходит без страха,
Совсем как домой.

Хотя тетя Глаша
Как будто одна,
Но в будке своей
Не скучает она.

Любой машинист,
Как приятель, как друг,
Ей машет рукою
Под поезда стук.

Олег Ковальногих,
6-й класс, Ижевск

Рисунок Н. Муратова

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАДАНИЕ УЧЕНЫХ

В нашей Беловежской пушче более девяносто видов различных растений. **Дубы у нас встречаются. Это дубы краснолистные.** Особенно они красивы осенью. Сейчас ранняя весна, и мы не можем выслать гербарий, сделаем это позднее. Нужно ли вести подсчет краснолистных дубов в пушче? Сообщите нам дополнительно.

Наша Беловежская пушча — огромна. 86 тысяч гектаров. У многих наших ребят отцы работают там кто лесничим, кто егерем. Мы помогаем им подкармливать диких животных, особенно снежными зимами. В Беловежской пушче живут не только современники мамонтов — зубры, но и кабаны, и олени, и косули, и лоси и многие другие животные.

У нас — школьное лесничество. Обычно в лесу работают седьмые — десятые классы, но, когда проводятся большие работы, мы зовем всех ребят. Младшие всегда отправляются за желудями, когда идет массовый сбор. Научные работники Беловежской пушчи обращаются к нам за помощью. Так пионеры нашей школы проводили интересные работы: подсчитывали аистов, ласточек и скворцов и их гнезда, помогали расселять муравьев — в специальных мешках перевозили муравейники в нужные места.

По поручению 7 «а» класса,
Костя Ясечко,
Каменюки, Брестская область

Юные лесоводы 7,,а" класса

ПИСЬМО-ЗАДАНИЕ

Каменюки Брестской области,
школа, 7 «а» класс,
Косте Ясечко

Просим узнать у сотрудников заповедника, является ли краснолистный дуб дикорастущим или посажен и выращен человеком. Если это искусственная посадка, то давно ли она произведена (узнайте возраст дубов).

Просим прислать гербарий: веточку дуба с листьями и желуды с плюской (с «шапочкой»).

Организуйте наблюдения за дубом краснолистным. Запишите: 1. Время, когда распускаются листья. 2. Сроки наступления листопада. 3. Как изменяется окраска листьев в течение сезона?

Сообщите, много ли созревает желудей на дубах краснолистных и есть ли под ними самосев.

Ботанический сад АН СССР

РЕДКОСТЬ! РЕДКОСТЬ!

В сквере имени Адама Мицкевича, в центре нашего города-героя Бреста висит чудо природы — пирамидальный черешчатый дуб. Его высота — 18 метров, возраст — 40 лет. Дуб находится под охраной, он огражден и снабжен справочной табличкой, что это памятник природы. Пирамидальный дуб известен нам еще в поселке Высокое Брестской же области. В наших краях растут пирамидальные тополя, но пирамидальный дуб — редкость. Город Брест гордится редчайшим дубом, украшающим его сквер.

*Наташа Курносова,
Брест*

ТЕЛЕГРАММА

БРЕСТСКАЯ ОБЛ ТЧК ПОСЕЛОК ВЫСОКОЕ ТЧК ШКОЛА ЗПТ ЮННАТАМ ТЧК ПРОСИМ ПОДТВЕРДИТЬ ИМЕЕТСЯ ЛИ ПОБЛИЗОСТИ ОТ ВАС ПИРАМИДАЛЬНЫЙ ДУБ ЗПТ ПРИШЛИТЕ ДАННЫЕ ОБЪЕКТОВ ТЧК «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «КОСТРА» ТЧК

ЛЕСНЫЕ ВЕСТИ

Изучаем редкие растения

Сообщают члены клуба юных любителей природы им. В. Бианки Ленинградского Дворца пионеров им. А. А. Жданова.

Летом 1975 года мы провели экспедицию в заповедник «Вийдумяэ», что на острове Саарема в Эстонской ССР. Нашей главной задачей было изучение редких растений, охраняемых в заповеднике.

На старых вырубках, поросших молодым лесом, мы встретили очень редкое растение — рябину ария. Эта рябина похожа на нашу обычную только ягодами, а листья у нее цельные, округло-эллиптические.

Под пологом леса нашел себе приют тисс ягодный. В Прибалтике это редкое растение встречается только по берегам Балтийского моря. В условиях заповедника тисс ягодный чувствует себя прекрасно.

На сухих лугах в лесу, где траву не косят, растет дикая яблоня, которая тоже является редким охраняемым растением в заповеднике.

По итогам экспедиции мы написали отчетную работу: «Охрана редких видов растений заповедника «Вийдумяэ» в Эстонской ССР». Работа была представлена на ВДНХ. Выставочный комитет наградил нашу работу медалью. Это большая радость для всех нас.

*Саша Горшанова,
Оля Лебедева,
7-й класс*

Летом 1976 года мы провели экспедицию в заповедник «Грини» Латвийской ССР. Одна группа ребят занималась изучением малых рек заповедника, а другая изучала редкие растения.

Одним из самых замечательных растений заповедника является «болотный вереск» эрика крестolistная. Заповедник «Грини» — единственное место в нашей стране, где встречается это растение. «Болотный вереск» взят под охрану и занесен в Красную книгу природы.

Вера Тузова, 6-й класс

БОЛОТНЫЙ ВЕРЕСК

Рисунок Веры Тузовой

ВНИМАНИЕ! ПОИСК!

Черемуху знает каждый. Летом мы с удовольствием едим ее черные терпкие на вкус ягоды. Цветение черемухи радует нас весной...

Обычно говорят: «белоснежная черемуха...» А знаете ли вы, что встречается черемуха с розовыми цветками? Такую черемуху описал ученый из Свердловска Анатолий Михайлович Бойченко. Он нашел розовоцветную черемуху в Зауралье, в долине реки Сосьвы.

Ребята! Будьте внимательны в весеннем лесу. Посмотрите, может быть, и в ваших краях встречается эта редкость — розовоцветная черемуха?

Если вы встретите розовоцветную черемуху, возьмите ее под охрану, чтобы никто не обломал ее цветов. Немедленно сообщите нам о находке, где, в каком лесу найдена розовоцветная черемуха. К сообщению приложите небольшой гербарий.

ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ

Наш адрес: «КОСТЕР»,
«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»,
ПОИСК

Оформление
О. Филипенко

ПТИЧЬИ СОБРАНИЯ

Кругом еще лежат снега, но зима уже не свистит по-разбойничьи, она уже застегивает свой белый плащ. Поземка, которая в феврале легко пересыпала снег через заборы, тоже торопится на север, спешит и спотыкается о столбы в поле.

На старой липе около нашего дома часто собираются вороны. Ругаются до хрипоты. Однажды так они надоели, что я стал прогонять их. Я кричал, топал, показывал руками, что с ними сделаю, когда их поймаю. Вороны смотрели на меня и галдели. Их было столько, что если бы они все вместе замахали крыльями, то выдернули бы липу.

Тогда я вынес папино ружье и показал им. Вороны только раз посмотрели на ружье, страшно заругались и улетели.

— Может, они новые весенние правила или законы обсуждают, — сказала мама, — а ты разогнал собрание!

А действительно, весна уже близко.

МАРТ

Ни в одном месяце нет таких высоких, легких облаков, как в марте. И плывут они совсем не по ветру, а какими-то тайными своими дорогами. Облака в марте как разведчики.

Мы с Тимкой шли из школы. Был мороз, снег визжал под валенками. Я сказал:

— Гляди, Тимка, снег синий!

— Белый!

— Синий. Смотри лучше!

— Лучше смотрю: белый!

Я показал на сугробы.

— Видишь? Под каждым сугробом в поле сидит гном и топит печку. Если долго смотреть, даже дым над полем виден. Как раз синий!

— А чего они топят?

— Греются. А может, весне сигналият!

— Зачем?

— «Чего», «Зачем»! Хоть раз додумайся сам!

Когда начинают съезживаться сугробы, вылезают из берлог взъерошенные медведи, шуряют на солнце и идут друг к другу в гости. Мишки громко режут, крепко обнимаются и рассказывают про свои долгие сны.

Наконец приходит такой день, когда между заборами и сугробами плещутся озера талой воды.

КАПЛИ

А с сосулек:

— Длин-нь!

— Буль-льк!

— Дл-лон!

Целый день бьют звонкие барабаны весны.

БЕРЕЗЫ

На нашем берегу стоят две березы: маленькая и большая.

Если послушать маленькую, внутри березы идет быстрая жизнь. Будто много людей бежит

босиком по длинной дороге, несет на плечах бочонки с соком.

Внутри большой березы ничего не слышно: или у нее стенки от старости сделались толстыми, или апрель для нее еще раннее утро.

Маленькая вздрагивает, торопит весну.

ПРИШЛА ВЕСНА

Катятся по небу, как салазки по солнечным дорожкам, белые облака.

Тронулась Кама. И пошла греметь, трясти берега. Даже через три дня мы видели у берега прозрачные льдинки. Вода в Каме темная, как глаза у человека, который только что проснулся.

Пролетели журавли. Крылья их были горячи — от дальней дороги, африканского солнца, — за ними стали распускаться деревья.

Зима ушла на дальний север. Она так торопилась, что оставила снега в оврагах.

БУКСИР

Едва закончился ледоход, снизу пришел буксир «Бахчисарайский фонтан», и на густой голос его на берега вышли люди. Буксир упыхтел вверх, оставил на реке светлый след, а люди радостно говорили друг другу:

— Нет, ты видел, уже корабли пошли!

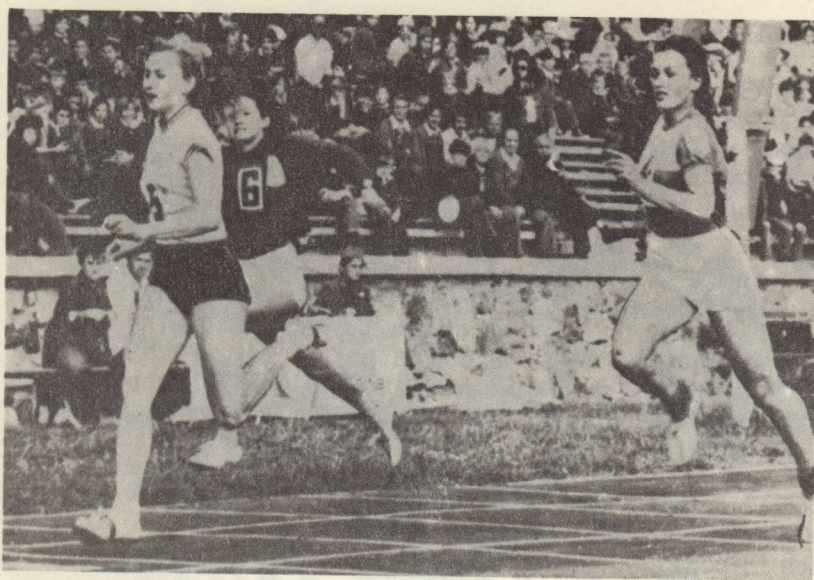
Вместе с людьми на берегу стояла коза, тоже смотрела на буксир. Но морда у нее была задумчивая. Коза, может, размышляла: была бы я дикая, ушла бы сейчас бродить по белу свету, пила бы сама молоко, ела бы травушку-муравушку.

Что такое трава-мурава?

Вот поедете на заливные луга, увидите!

Рисунки А. Аземши

спорта, а главными болельщиками на стадионе были наши прославленные спортсмены — чемпионы мира и Олимпийских игр.

ВНИМАНИЕ—НА СТАРТЕ ТООМАС ВАЛЬТЕР!

Тоомас Вальтер учится в восьмом классе.

В Артек он приехал из Таллина и говорит, что все ему здесь понравилось. И Черное море — «Кто же не любит море»... И вечнозеленые кипарисы — «Они такие стройные и праздничные». И Аю-Даг — «Вожатая сказала, если на вершине этой горы загадаешь желание, оно обязательно исполнится».

Я не спрашивал Тоомаса, какое он загадал желание. Тоомас никогда не скрывает своих желаний, когда выходит на спортивную площадку.

...Центральный артековский стадион. Предварительные состязания метателей. В секторе для метания — Тоомас Вальтер. По-мальчишески застенчивый, по-взрослому рассудительный и невозмутимый. И вдруг — Тоомас «взрывается». Такого броска здесь еще не видели. 150-граммовый мяч опускается у самой кромки поля — 94 метра 64 сантиметра!

Стадион гремит и ликует. Корреспонденты бросаются к руководителю эстонской команды: «Давно ли мальчик занимается спортом?» «Откуда у него такие задатки и такие возможности?»

А что же Тоомас? Тоомас явно недоволен собой. Почему?

Все стало ясно через несколько часов, когда немногословный Тоомас установил новое достижение — 96 метров 94 сантиметра!

Только тут он позволил себе чуть-чуть улыбнуться! И все были рады, что он наконец улыбается. И никто не знал, что случится на следующий день.

Соревнования, проходившие по программе ГТО, включали для мальчиков старшего возраста кросс на 500 метров. По результатам предваритель-

Г. КНЯЗЕВ

УРОКИ БОЛЬШОГО ФИНАЛА

МОНРЕАЛЬ—АРТЕК— МОСКВА

Это было в те самые дни, когда во всех уголках нашей страны и болельщики, и спорт-

смены если говорили о спорте, то обязательно упоминали три эти слова — Монреаль — Артек — Москва.

Я слышал их даже в самолете, в котором летел на Первый финал Всесоюзных спортивных игр школьников — «Старты надежд».

И эти же слова увидел на плакате, что висел в пресс-центре Артека.

И еще одна подробность — важная, существенная, необходимая.

О Монреальской олимпиаде разговор шел в прошедшем времени: вспоминали победы нашей сборной, радовались, гордились.

О красногалстучном Артеке речь велась только в настоящем времени.

А сам Артек думал и говорил о будущем — о Москве 1980 года — XXII Олимпийских играх. И, честное слово, он имел на это право.

Участниками артековских состязаний были сто лучших спортивных классов страны — сто главных надежд советского

Торжественное открытие Игр

Фото И. Снегирева

ных забегов Тоомас попал в число лучших. И, значит, кто-то из них должен стать чемпионом.

Но что это? Сразу же после старта Тоомас неожиданно останавливается и растерянно ощупывает ступню. (Потом, после финиша он скажет: «Кто-то из ребят нечаянно наступил мне на ногу». А врачи добавят: «С такой травмой бежать просто невозможно»).

Но об этом все узнают потом. А сейчас? Что будет сейчас?

Неловко ступая на больную ногу, Тоомас двинулся вперед. И вот он уже даже бежит, все быстрее и быстрее, и у самого финиша догоняет соперников.

Тоомас Вальтер

Нет, в этот раз Тоомас не стал первым. Но он был первым, кто показал в финале «надежд», что такое настоящий бойцовский характер.

КАК ЧЕКАНЯТ МЕДАЛИ

Девять дней на спортивных площадках Артека шла упорная напряженная борьба. Она велась не только в личном, но и в командном зачете — чей класс окажется лучшим?

Классов, как известно, было сто. А до этого их было десятки тысяч. Ведь в каждой школе, в каждой пионерской дружине

проводились соревнования «Старты надежд». И значит, само участие в главном финале — это уже большая победа. Но какой спортсмен не мечтает стать чемпионом?

— Ребята, — спрашиваю учеников 7 «а» класса школы № 73 города Ростова-на-Дону, — сегодня вас будут награждать медалями. Как вы сумели их добиться?

Собеседники пожимают плечами, улыбаются и молчат.

— Понимаю, у вас особая методика тренировок, и вы ее держите в секрете?

— Что вы, никаких секретов у нас нет...

— Следовательно, вам просто повезло?

— Не думаю, — первым отвечает Илья Моисеев — чемпион «Стартов надежд» по прыжкам в длину. — Потому не думаю, что у нас были явные «невезухи». Например, когда бежали кросс, я возле финиша даже упал.

— Не упал, а споткнулся, — поправил Илью Роберт Ким. — Ты очень хотел всех обогнать, а скорость была большая.

— Значит, выкладывались до конца — и в этом залог успехов?

— Да, точно, — соглашается Илья, — такой у нас был договор, чтобы показать свои лучшие результаты. Но главное — не это. Понимаете, в одних командах хорошо выступали только мальчики, в других — только девочки, а у нас вся команда — все двадцать пять человек. И вообще, наш класс считается в школе самым дружным...

Чувствуя, что разговор выходит на финишную прямую, пытаюсь уточнить:

— А как началась ваша дружба?

Спокойная темноволосая девочка удивленно блеснула глазами:

— Дружба начинается, когда в отряде есть дело, которое всем по душе.

— Все правильно, — говорит Илья, — давай, Поликарпова, рассказывай. Рассказывай, как мы в четвертом классе стали бороться за имя Валентины

Абсолютный олимпийский чемпион по гимнастике Николай Андрианов и председатель пионерского отряда 7, «а» класса 73-й ростовской школы Илья Моисеев

Терешковой. И как тимуровской работой занимаемся. Словом, о всех наших пионерских делах. И еще расскажи, как вчера во время соревнований по прыжкам в длину на «серебро» прыгнула.

Но от смущения Ира умолкает, и все опять смотрят на Илью.

И мне становится ясно: 7 «а» класс — не просто дружный отряд. В нем есть хороший председатель совета отряда, который ведет за собой остальных.

В спорте вожак называется лидером.

ТРИЖДЫ—СПАСИБО!

Когда организаторы Всесоюзного финала приглашали в Артек Анатолия Владимировича Тарасова, они, конечно, знали: в Артеке знаменитому тренеру развернуться будет трудно. Нет здесь ни элементарного хоккейного снаряжения, ни даже крохотной ледяной площадки. Но знали они и другое: хоккей ребята любят и почитают, и Тарасов обязательно что-нибудь придумает.

И он действительно придумал. Как в дни великих ледовых сражений, когда тактические задумки Тарасова ставили в тупик самых признанных зарубежных специалистов, его артековская задумка была неожиданной и единственно верной.

Заслуженный тренер СССР Анатолий Владимирович Тарасов отвечает на вопросы юных хоккеистов

Что такое настоящий хоккей, ребята видят по телевизору. А вот как тренируются настоящие хоккейные бойцы, никто из ребят толком не знает. Значит, надо показать. Надо провести открытый хоккейный урок!

В Артек Анатолий Владимирович приехал вместе со своим бывшим воспитанником — Анатолием Фирсовым. И многие мальчишки считали, что учителем на этом уроке будет сам Тарасов, а учеником — Фирсов.

Но Тарасов считал иначе. Он приехал сюда не для того, чтобы учить девятикратного чемпиона мира и трехкратного чемпиона Олимпийских игр. Учить хоккею он будет самих артековцев. А Фирсов? Он должен помочь в проведении урока.

В назначенный день и час на зеленое поле стадиона впервые в истории столицы пионерии вышла «сборная» Артека по хоккею. В ее составе были — Игорь Обухов из Волгограда, Юра Иловайский с Алтая, Сергей Мунтяну и Олег Буц из Молдавии и другие — мало умеющие, но преданные Большому хоккею «настоящие мужчины». И в одном строю рядом с ними стоял заслуженный мастер спорта СССР, почетный капитан артековской «сборной» Анатолий Фирсов.

Мальчишки взмокли в первые же минуты урока, вместе

с капитаном старательно выполняли все, что требовал от них тренер. Тут были прыжки и отжимания, различные акробатические упражнения и упражнения с тяжеленными набивными мячами. Мальчишкам казалось, что у них трещат мускулы. А Тарасов, поясняя многочисленным зрителям, зачем нужны те или иные упражнения, все «нажимал» и «нажимал». Он не давал отдыха ни великому Фирсову, ни новичкам, даже не нюхавшим хоккейного «пороха». Тема урока называлась — «Развитие атлетизма у хоккеистов», следовательно, нужно терпеть, терпеть и терпеть.

Но когда по команде Анатолия Владимировича ребята и Фирсов стали перекидывать друг другу булыжнички по полпуда весом, кое-кто на трибунах невольно закрыл глаза. Тарасов же только улыбался, давая всем понять, что в таких случаях никогда ничего не случается. Действительно — ничего не случилось, хотя «мячики» летали порой в самых неожиданных направлениях.

Урок проходил под аплодисменты трибун и под аплодисменты закончился.

Тарасов и Фирсов медленно шли вдоль шеренги вконец усталых ребят и каждому, крепко пожимая руку, говорили:

— Спасибо! Ты любишь хоккей!

— Спасибо! Ты смелый парень!

— Спасибо! Ты настоящий спортсмен!

ЭСТАФЕТА

Олимпийские чемпионы Елена Войцеховская, Галина Прозуменщикова, Анатолий Фирсов, Петр Болотников, Николай Андрианов, Леван Тедиашвили, Валерий Борзов! По многим стадионам мира гордо несли они знамя советского спорта!

И в Артеке они не только награждали юных победителей «Стартов надежд». Не только проводили открытые уроки спортивного мастерства.

Миллионам мальчишек и девчонок нашей страны чемпионы вручали в Артеке свою победную эстафету. И всем читателям «Костра» просили обязательно передать:

*Дорогие ребята:
"Старт надежд" это
ещё одна ступенька к
мастерству.*

Фирс

*Спортсменам-
любителям журнала
"Костёр" с наилучшими
пожеланиями!*

Борзов

*Дорогие ребята!
Будьте сильными, смелыми и никогда не
сдавайтесь заранее. Желаем вам успехов во
всех ваших делах!*

В. Вайс

*За тех из вас, кто
упорным трудом добывает
права стать членом
сборной Советского Союза,
я буду "болеть" в Москве-80
на XXII Олимпийских играх.*

Николай Андрианов

Алеша Стукалов с зажигалкой

Совет Мудрейших

В КЛУБЕ ПОЧЕМУЧЕК

Ёж пришел в гости к октябрю 210-й ленинградской школы.

— А мы сами уходим в гости, — сказали второклассники. — У нас сегодня Клуб Почемучек. Идем с нами, Ёж!

Пионеры пятого класса уже ждали октябрю:

— Идут! Идут!

Все вместе расселись по партам, и Маша Разумовская открыла собрание Клуба.

Вот что узнал Ёж:

Как делают спички.

Какое число самое большое.

Откуда берутся лягушки.

Алеша Стукалов объяснил, как в старину стреляли пушки, что такое кремль, огниво и фитиль. В руках у Алеши зажигалка. Чирк! Зажигается огонек. Теперь-то все понятно.

Олег Исаков показал летние

снимки, а Аня Климова тут же объяснила, как устроен фотоаппарат.

За учительским столом сидели в высоких колпаках члены Совета Мудрейших. Они решали, кто сколько заработал очков. Октябрю задавали вопросы. Некоторые октябрюта даже выступали сами.

Клуб Почемучек собирается каждый понедельник.

Говорят, понедельник — трудный день. Так и было, пока октябрюта не подружилась с пионерами-пятиклассниками. Теперь понедельник у них — самый интересный день.

Ёж простился с Почемучками и пожелал им успеха.

ФОТО Игоря Бессонова
(фото клуб «Ландыш»)

Октябрюта любят сказки, стихи, рассказы.

Ёж тоже любит сказки, стихи, рассказы. Он их собирает. Вот что собрал Ёж:

СКАЗКА ПО ГРАММАТИКЕ

Жила-была лягушка. Лягушка как лягушка. Маленькая Лягушка. Маленькая, а ведь из трех слогов! ЛЯ-ГУШ-КА.

И жил-был слон. Слон! Большой-большой! А только из одного слога. СЛОН.

И маленькая Лягушка дразнила большого Слона:

— Э-э-э! Большой, а из одного слога. Большой, а из одного слога.

Но пришла из болота ЦАПЛЯ из двух слогов, и проглотила она ЛЯ-ГУШ-КУ их трех слогов. Всю!

Всё.

Э. МОШКОВСКАЯ

СОВА

Непонятные слова
Говорит в лесу сова.

Слово — выдох, слово — вдох,
А потом тихонько: «О-ох!»

Это, охая, сова
Учит новые слова.

В. ЛАНЦЕТТИ

ПОМОЩНИКИ

Дедушка нес
Тяжеленный мешок.
Думал дедушка:
«Кто бы помог?»

Сзади него
Шли Владик и Рома.
Дошли они вместе
До дедова дома.

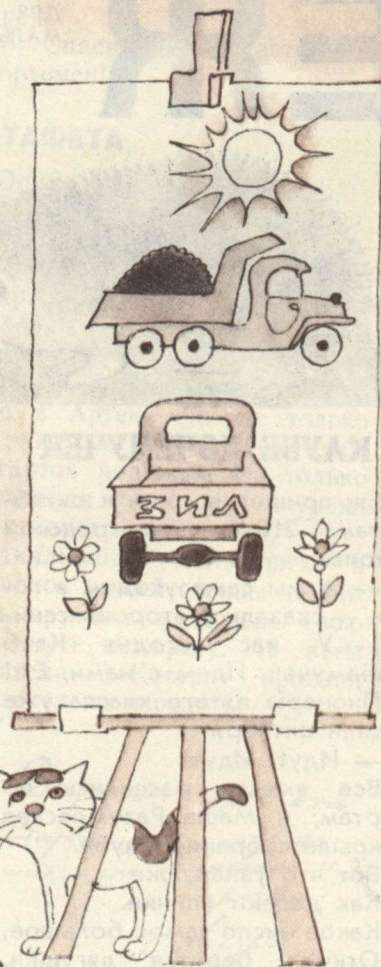
— Вам не помочь
Донести мешок?
— Снять помогите! —
Сказал старичок.

О. ГРИГОРЬЕВ

ХУДОЖНИК

Я самосвал
нарисовал,
машину ЗИЛ
изобразил,
а луг и травку всякую
подавно накалякаю!

Г. КРУЖКОВ

Рисунки Б. Семенова

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ

Вот однажды Блинов,
Да к тому же Маслов
Съели гору блинов,
Да к тому же с маслом.
Да, да, да! Самих себя
Съели за обедом,

Но не жаль самих себя
Этим само-едам.

Полюбуйтесь-ка на них,
Им ничуть не грустно.
Хвалят, знай, себя самих:
— До чего же вкусно!

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ПОБЕДИТЕЛЯМ-САЛЮТ!

2326 доблестных рыцарей приняли старт в прошлогоднем Олимпийском турнире АРЧЕБЕКА. И вот итоги: 246 участников получили 2-й, 3-й и 4-й спортивные разряды, а 50 объявлены победителями и награждены дипломами и памятными подарками. Их имена: Кунградбай и Юсуфбай Бекмуратовы (Кунград), Володя Баймлер (п. Котик), Валерий Басов (Рубцовск), Толя Воронкин (Вичуга), Станислав Герасимов (Ленинск), Саша Гришин (с. Ермолровка), Имангулы Гурбангулыев (с. Ламбе), Володя Деревешкин (Винница), Володя Зыков (Комсомольск-на-Амуре), Лёня Кошкин (Горький), Сережа Крохалев (Реж), Коля Кузнецов (п. Водла), Витя Козловцев (с. Калиновка), Пиргулы Комеров (с. Ламбе), Юра Куценко (Шорс), Давид Клейман (Бельцы), Геннадий Купка (с. Сизовка), Юра Козлов (Воронеж), Андрей Логунов (Калининград), Саша Мехедов (Зея), Костя Молодцов (Пенза), Гелдимырат Мередов (с. Ламбе), Алексей Мешков (Салехард), Коля Оклей (з/с Славянский), Костя Печалин (п. Водный), Сережа Похвалитов (с. Зерновое), Валерий Пириуткин (Ростов-на-Дону), Эдик Розенталь (Вильнюс), Игорь Сидоров (Пенза), Володя Семенов (Ставрополь), Оля Солдатова (Пенза), Игорь Суханов (Березники), Володя Сохраняев (Пустошка), Сережа Сергиенко (Макеевка), Юра Таранников (Прокопьевск), Коля Трухин (п. Ахтырский), Володя Устакачкинцев (Пермь), Володя Федоров (п. Северный), Жадигер Хожамуратов (Кунград), Сережа Храпов (Абай), Саша Хлюпин (Омск), Ринат Ханнанов (Кумертау), Андрей Чумаченко (Новопокровская), Тынайбек Муратбеков (с. Соколовка), Валерий Плахута (Курганинск).

Трижды салют славным арчебековцам!!!

(Решения задач призового тура будут напечатаны в «Костре» № 5)

ЧЕМПИОНАТ-77

Шахматисты! В этих задачах найдите мат в 3 хода.

А. Белые: Крс4, Фf2, Кf8, п. е3; черные: Кре4, Сс5, п.е5.

Рисунки Г. Ясинского

Б. Белые: Крf1, Лb2, Ле6; черные: Крh1, Сf4.

Шашисты! Выиграйте одной шашкой против двух.

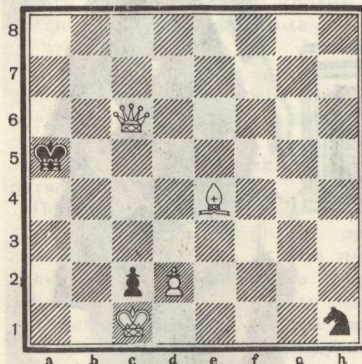
А. Белые: d6; черные: a7, f8.

Б. Белые: c5; черные: d8, f8.

КОМИТЕТ „ВОПРОС—ОТВЕТ“

«С задачами на мат в 2 хода я справляюсь, а к трехходовкам не знаю как и подступить. Как же их решают?» — спрашивает рыцарь Толя Вислов.

Вот, Толя, решение задачи на мат в 3 хода.

Известно, что задачи не составляются так, чтобы первым ходом объявлялся шах или билась черная фигура: такое вступление грубое, оно лишило бы решение красоты. Но чтобы «прочувствовать» позицию, начнем именно с таких ходов. Итак,

1. С:h1. Тогда — Крb4, и мы убеждаемся, что третьим ходом мата не будет. Ну что ж, попробуем 1. Фс5+. Ага, Если Кра4, то 2. С:с2Х — даже на втором ходу мат! А если 1... Кра6? Тогда, увы, не получится... Но все же замечаем: если после ответа 1... Кра6 слон попал бы на с8 — мат. Может, первым ходом нацелить слона на с8? Сказано — сделано! 1. Сf5. Теперь угрожаем 2. Фс5+ с матом при любом ответе. Стоит угроза — черные должны защищаться: 1... Крb4. Что сейчас? Как создать новую угрозу? Есть! Играем 2. Cd7! Угрожаем — 3. Фс3Х. Если же 2... Кра5, то 3. Фb5Х, или 2... Кра3 3. Фа4Х. Других защит у черных нет. Ура! Решение найдено! Остается его записать:

1. Сf5! Кf2 2. Фс5+, и мат на третьем ходу обеспечен. Или же 1. Сf5! Крb4 2. Cd7, и мат на третьем ходу обеспечен.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь фигуры так — белые: Крг6, Фf4, Се7; черные: Крh8, Фе1, Сg8, пп. g7, h4. Твои — белые. Найди ход такой страшной силы, чтобы вторым ходом уже объявить черным мат.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так:

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Фс6! Б. 1. Фh8! Шашки. А. 1. b2! 2. e3! 3. c3! 4. c7 5. h6X. Б. 1. c5! 2. b4! 3. f4 4. b2 e1 5. d2 6. f6 7. f8 a5 8. h6! b4 9. d2X.

Подай команду! № 1. 1. Фе7 Крd5 2. Cd4! или 1... Крf5 2. Cf4! № 2. 1. Ca2! Кр:a2 2. Крc2 Крa1 3. Кc1.

Сдайте экзамен Пешкоедову. № 1. 1. b6 c5 2. d4 e3 3. g3 c5 4. h4X. № 2. 1. g3! g2. d2 f6 3. e3 h4 4. gf4 и т. д. X.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты (на открытках!) до 1 июня.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки
О. Зуева

Министр финансов французского короля Людовика Шестнадцатого, некий Калонн, не отличался большой честностью, как, впрочем, и все министры короля... Зато он был весьма находчив в разговоре.

Однажды Людовик, вернувшись с удачной охоты и находясь в отличном расположении духа, спросил министра:

— Послушайте, Калонн, ходят слухи, что ваши личные денежные дела совершенно расстроены... Но тогда как же вы управляетесь с моими, с королевскими финансами?

Калонн тотчас ответил:

— Потому-то я и взялся заведовать королевскими финансами, Ваше величество, что личные мои финансы уж очень расстроены...

При всех российских государях взяточничество и казнокрадство процветало. Вот что рассказывают о некоем Скальковском, директоре Горного департамента.

Один купец, уговаривая его принять подряд на заведомо ненужные работы, предложил:

— Ваше превосходительство, давайте поладим так: я вам дам три тысячи рублей, — и никто об этом знать не будет...

На это директор департамента только усмехнулся:

— Давайте пять тысяч, — сказал он, — и потом рассказывайте об этом кому хотите...

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи о Ленине	1
Звезды из детства	
главы повести В. Шурлыгина	2
Главный доктор республики	
повесть С. Ласкина	6
Огни артековских костров	18
Барабан	
журнал юнкоров	20
Портрет Сибири	
очерк Н. Линко	24
Три документа	
заметки Б. Раевского	26
Морская газета	28
Путешествие в Ильинку	
рассказ А. Толстикова	30
От Каширы до Саян	
две странички из великой летописи электрификации СССР	34
Пингвиненок	
повесть Л. Семенова-Спаского	36
Столица сурового края	
очерк А. Иванченко	50
Библиотека КОСтИ ТЕРкина	52
Зеленые странички	
пионерский поиск	54
Барабаны весны	
рассказы Ф. Камалова	56
Уроки большого финала	
очерк Г. Князева	58
Еж	
странички для малышей	61
Арчбек	
шахматы, шашки	
отдел ведет	
заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский	63

На обложке
рисунок Н. Н. Жукова,
народного художника СССР

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-26306. Сдано в набор 5/1 1977 г. Подписано
к печати 3/III 1977 г. Формат 60×90/8.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 570 000
экз. Заказ 22. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, ул. Мира, 3.

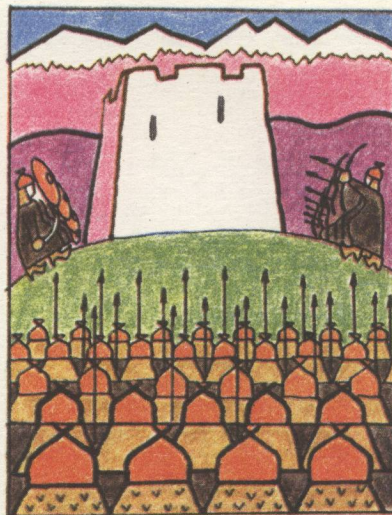
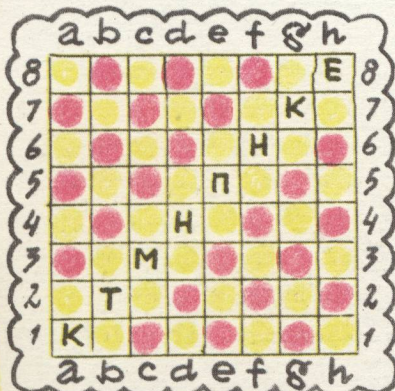
Составил и оформил
В. УФЛЯНД

Ковер-самолет клуба «За семью печатями» кружил над горами, пустынями и оазисами Средней Азии. Наш Репортер порылся в походной сумке и среди тренировочных головоломок отыскал головоломку ВАРТКЕСА АРЗУМАНЯНА из Баку. «Азербайджан! — обрадовался Репортер. — Вот куда нужно лететь!»

И он направил ковер-самолет через Каспийское море, одновременно разглядывая головоломку.

В клетки шахматной доски нужно вписать по горизонталям следующие восьмибуквенные слова: 1. Продукты, предназначенные для длительного хранения. 2. Век. 3. Город в Сибири. 4. Рама. 5. Жители противоположной стороны Земли. 6. Один из коней в тройке. 7. Разновидность дверного запора. 8. Вид мелиорации.

Если слова отгаданы правильно, то, начав с клетки а8, можно ходом коня прочитать пословицу.

Ковер-самолет снизился над отрогами Кавказского хребта. Место посадки оказалось необыкновенно удачным: Наш Репортер очутился в толпе болельщиков, следивших за состязанием двух команд. Два горных селения состязались в игре «Донеси папаху».

В старину эта игра была состязанием конных наездников. В ней употреблялись различные приемы верховой езды: галопом, рысью, стоя в седле, танцуя на спине лошади... Ныне правила игры таковы:

ИГРА «ДОНЕСИ ПАПАХУ»

Две команды имеют равное число участников. Маршрут эстафеты делится на этапы по числу игроков. Каждый новый этап нужно проходить иным способом, чем все предыдущие: если первый игрок бежал, то следующий, например, скачет на одной ноге, или танцует, или прыгает со скакалкой. В игру можно ввести ходули, мешки, словом, что угодно, лишь бы обе команды были на это согласны.

Если фантазии у команды не хватило и она не может придумать нового способа передвижения, то оставшиеся участники должны проходить свои этапы задом наперед, пятясь.

При этом нужно следить, чтобы обгоняющий тебя игрок другой команды не сбросил с тебя папаху. Если ему это удастся, тебе придется вернуться и пройти свой этап сначала.

Конечно, можно просто-напросто повторять приемы, придуманные другой командой. Но ведь тогда нужно каждый раз дожидаться, пока другая команда начнет очередной этап. А на это уйдет много времени. Побеждает команда, первой закончившая эстафету.

Вдоволь наигравшись и нахохотавшись, Наш Репортер в этот день

успел еще осмотреть местный музей, расположенный в старинной четырехугольной крепости. О ней рассказывают предание-головоломку.

ПРЕДАНИЕ-ГОЛОВОЛОМКА

Тимур с шестьюстами воинов осадил крепость, в которой укрылись 40 защитников, по 10 на каждой стене.

При первом штурме Тимур потерял сотню воинов, а со стен крепости упали мертвыми четверо ее защитников.

На следующий день воины Тимура увидели, что каждую из четырех стен по-прежнему защищают 10 храбрецов. Начался второй штурм, и снова нападающие потеряли сотню человек, убив четверых защитников.

Так же точно кончился третий, четвертый и пятый штурм. Когда последняя сотня Тимура бросилась штурмовать крепость, на каждой стене снова оказалось 10 защитников. В разгар штурма Тимур повелел вернуть воинов и снять осаду.

Тимур побоялся остаться совсем без войска. А весь секрет был в том, как располагались храбрецы в четырехугольнике. Их число каждый раз уменьшалось на четыре, но с какой бы стороны ни приближались враги, на каждой стене они видели 10 защитников крепости.

Наш Репортер шлет привет читателям. Он напоминает, что присылать в редакцию ответы на головоломки не нужно. Решение для проверки — в следующем номере «Костра».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3.

Чайнворд. Сфинкс, Сирена, Аврора, Атлант, Титан, Нептун, Наяда, Арес. **Кто украл шлепанцы!** Для удобства пронумеруем утверждения визирей: Мохамед — 1, 2, 3. Али — 4, 5, 6. Гарун — 7, 8, 9. Омар — 10, 11, 12. Рашид — 13, 14, 15. Рассуждаем, например, так: если утверждение 3 верно, то 4 и 6 ложь. А это противоречит условию, ибо дважды никто не лгал. Следовательно, 3 — ложь, шлепанцы украл не Али. Так как 3 — ложь, то и 12 — ложь. Так как 12 — ложь, то 10 — верно. Так как 10 — верно, то 9 — ложь. Если 9 — ложь, то 8 — верно. Шлепанцы украл Рашид.

Фокус Ходжи основан на том, что сумма очков на любых двух противоположных гранях игрового кубика равна 7. Подсчитав сумму очков на кубиках и прибавив 7, Ходжа удивлял простаков своим хитроумием.

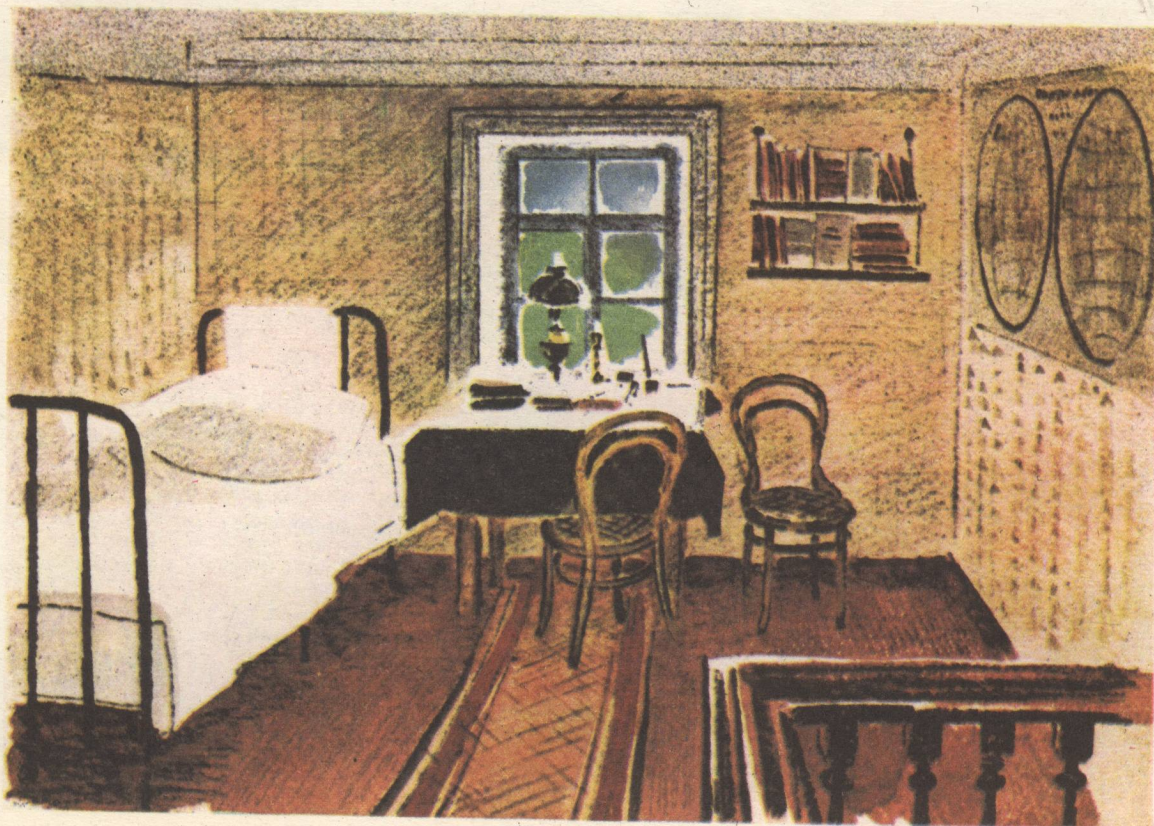
При игре в 11 камней выигрывает тот, кто делает первый ход и при этом берет два камня, оставляя противнику 9.

УЛЬЯНОВСК—РОДИНА В. И. ЛЕНИНА

Из альбома литографий заслуженного художника РСФСР В. А. ВЕТРОГОНСКОГО

Дом на бывшей Стрелецкой улице (ныне ул. Ульянова, 21) в Ульяновске
Во втором этаже этого дома семья Ульяновых жила в 1870—1875 годах

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. Комната Владимира Ильича